
STANISLAW
RADZIWILL

ІОСАФАТЪ ОГРЫЗКО

и

ПЕТЕРБУРГСКІЙ РЕВОЛЮЦІОННЫЙ РЖОНДЪ

ВЪ ДѢЛѢ ПОСЛѢДНЯГО МЯТЕЖА.

СОСТАВИЛЪ

ЧЛЕНЪ ВИЛЕНСКОЙ ОСОБОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ, ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ КОМИССІИ

3-Й АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

Н. В. ГОГЕЛЬ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Виленскаго губернскаго правленія.

1867.

Дозволено Цензурою 11 января 1867 года. Вильна.

„....Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. . . . .
дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые доселѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ.“ . . . .

„Мертвыя души“ Н. В. Гоголя.

Сильна-ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали.
Смотрите-жь: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали
И Польши участь рѣшена. . . .

А. Пушкинъ.

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи Поляка.

А. Пушкинъ.

Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ.

Народная пословица.

Сознавая всю пользу, какую русское общество можетъ извлечь изъ основательнаго пониманія своихъ тайныхъ враговъ, я постараюсь представить въ этомъ разсказѣ типъ *Поляка на русской службѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ—агента варшавскаго ржонда. Какъ типъ, я беру довольно популярное лице — бывшаго вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ, коллежскаго совѣтника Іосафата Огрызку, осужденнаго на 20 лѣтъ въ каторжную работу въ рудникахъ Сибири.

Слѣдственное и судное его дѣло, вмѣстѣ съ обильными матеріалами, добытыми въ послѣднее

время, слѣдственными коммиссіями, находится предъ нами. При разборѣ этихъ матерьяловъ объясняется вся интрига польской эмиграціи— интрига, такъ искусно веденная со временъ давно минувшихъ до временъ настоящихъ, событія которыхъ свѣжи еще въ нашей памяти. Невольно становишься въ тупикъ, какъ это мы ничего не замѣчали изъ подготовленій, которыя дѣлались къ послѣднему мятежу вокругъ насъ и почти на глазахъ каждаго. Добродушіе и довѣрчивость, столь свойственныя нашему народу, ослѣпляли насъ. Мы полагались на увѣренія Поляковъ, что они сочувствуютъ намъ, что они преданы нашему престолу и что они, состоя на службѣ, служатъ въ интересѣ русскаго государства. Недостатокъ гласности по всѣмъ польскимъ дѣламъ способствовалъ этому жалкому заблужденію, въ которое впала Россія вслѣдствіе польской интриги. Мы воображали, что въ 1831 году польскій мятежъ былъ подавленъ и что мы, подавленіемъ этого мятежа, доказали Полякамъ всю *несостоятельность* ихъ мечтаній. И вмѣсто того, чтобы быть относительно Поляковъ всегда на стражѣ, мы еще такъ недавно вѣрили имъ и утверждали, что они имѣютъ самыя благія намѣренія относительно насъ и что *польскія газеты могутъ издаваться въ духѣ сближенія* насъ съ Поляками, а не съ цѣлью проводить польскую пропаганду [1]).

---

1) „С.-Петербургскія Вѣдомости" за 1866 г., № 2.

Право, «преданіе свѣжо, а вѣрится съ трудомъ,» какъ это мы могли заблуждаться до того, что считали мятежъ 31 года подавленнымъ окончательно, между тѣмъ, какъ большая часть главныхъ революціонеровъ убѣжала за границу и, размѣстившись по разнымъ уголкамъ Европы, начала, считая себя безопасною, подстрекать другихъ, оставшихся въ Россіи и, такъ сказать, *накрывшихся хвостомъ*, къ новымъ безпорядкамъ [1]).

---

1) Въ „Колоколѣ", на страницѣ 1574, читаемъ: «Польша полная страстію и юностью, полная идеаломъ католицизма, она касалась рядомъ—среднихъ вѣковъ и 1789 года, крестовыхъ походовъ и великой арміи. Въ то время какъ западные народы, охлажденные долгою жизнію, больше и больше бросали мечты и предавались купеческому дѣлу, одинъ народъ продолжалъ жизнь дворяниномъ (шляхтичемъ) и торопился жертвовать кровью, дѣтьми, достояніемъ— за возстановленіе родины (Рѣчи-посполитой), во всѣхъ лучахъ ея. Побитый Полякъ уносилъ свое право за предѣлы родины и продолжалъ свою борьбу (интригу и заговоръ). Польская эмиграція была съ 1831 года какимъ то потерявшимся на чужбинѣ и уцѣлѣвшимъ остаткомъ инаго міра; въ ней середь XIX вѣка встрѣчались странствующіе рыцари, — съ характеромъ который мы знаемъ изъ легендъ (Валенроды). Конечно, ни нѣмецкій риттеръ и баронъ съ своимъ юнкертумомъ, ни французскій дворянинъ въ демократіи, ни допотопный англійскій тори, державшійся однимъ богатствомъ, не спасутъ *отходящій* элементъ, послѣднимъ представителемъ котораго остается польскій выходецъ, этотъ пилигримъ-воинъ *безпрерывно возвращающійся* и съ двумя стами товарищами объявляющій войну шестой части земнаго шара........ Трагедіей 1863 — 64 г. ничего не разрѣшилось, ничего не окончилось....... за польскимъ повстанцемъ виднѣется Папа, Наполеонъ, европейскій консерватизмъ и европейская революція—вся армія западной цивилизаціи........ Сверху вопросы государственные, вопросы національные, снизу вопросы—соціальные....... Те-

Мы не замѣчали, что тѣ изъ Поляковъ, которые остались въ Россіи, хотя и присягнули на вѣрноподданничество, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо рѣшились выжидать удобной минуты, а до того времени продолжать свою тайную интригу противъ Россіи.

Какъ заграничные, такъ и внутренніе враги Россіи съ одинаковою лихорадочною торопливостію вездѣ и всячески начали распространять ложные слухи про Россію, про все русское и про мнимыя притѣсненія, испытываемыя Поляками въ Россіи, стараясь при этомъ *искажать истори-*

ряя власть и почву, гонимая во всей Европѣ, революція *снова* отступила въ литературу, въ школу, въ пропаганду, но въ пропаганду нетерпѣливую, постоянно срывающуюся на площадь, увлекая за собою одинъ и тотъ же подвижной слой общества — то трехцвѣтнымъ знаменемъ побѣдъ и началъ 1789 года, то краснымъ знаменемъ мести и истребленія въ пользу «неизвѣстнаго бога». Несостоятельность политической революціи и незрѣлость соціальной, бросались въ глаза. Отъ послѣдней люди пятились съ испугомъ, первая была побѣждена не только на площади и на баррикадахъ, но и въ сердцахъ людскихъ. Массы не пойдутъ больше драться какъ въ концѣ XVIII столѣтія, какъ еще недавно, изъ-за политическаго катихизиса, изъ-за алгебры правъ человѣка, изъ-за хартій, камеръ, банкетовъ. Ихъ можно только расшевелить племенной независимостью, такъ сказать, зоологическими вопросами о народности, которые выдвигаютъ на первый планъ, и вопросами *соціальными*, которые всѣми силами отталкиваютъ на послѣдній, что не мѣшаетъ имъ глубоко бродить по мастерскимъ и фабрикамъ. Соціалисты 1848 года попробовали сдѣлать соціальный переворотъ средствами политическаго coup d'état. Ихъ банкротство было неминуемо и послѣдняя вѣра народовъ отлетѣла. Народы снова покорились прежнимъ властямъ, но покорились не прежними.....»

ческіе факты и сочинять новые, заманчиво рисующіе въ глазахъ Поляковъ и Европы преданіе объ отжившей *Рѣчи посполитой* и то значеніе, которое имѣютъ Поляки въ Россіи [1]). Они надѣялись такимъ образомъ пріобрѣсть сочувствіе, какъ за границею, такъ и между тѣми Русскими, которые, по свойственному русскому народу добродушію, будутъ жалѣть *несчастныхъ.* И когда имъ это удалось, т. е. когда въ Россіи многіе Русскіе *успокоились* на счетъ Польши, а въ высшемъ обществѣ, обработанномъ польскою интригою, стали смотрѣть на Польшу съ соболѣзнованіемъ, тогда Поляки опять взялись за свою, *единственную въ своемъ родѣ,* польскую пропаганду. И не смотря на то, что заграничная эмиграція

---

1) Какъ образчикъ приведу одно мѣсто изъ сочиненія Мѣрославскаго „De la nationalité Polonaise,“ написаннаго во время восточной войны.

«Въ московскихъ арміяхъ Русскій приказываетъ, а начальствуетъ Полякъ. Даже царь Николай не могъ (?) долго обойтись безъ военной образованности польской молодежи, которой онъ тщетно (!) хотѣлъ преградить доступъ въ чины послѣ 1831-го года. Всякій Полякъ: студентъ или подмастерье, лакей или чиновникъ, приговоренный къ военной службѣ, *при высокомъ превосходствѣ* (?) своей западной *интеллигенціи*, становится въ войскѣ нужнѣе (?) всѣхъ боярскихъ внучатъ.

«Намъ передано однимъ офицеромъ, служащимъ въ русскихъ войскахъ, что передъ экспедиціею Перовскаго, въ Оренбургъ созвали всѣхъ (?) Поляковъ съ Урала, дабы на нихъ возложить обязанности: инженеровъ, топографовъ и адъютантовъ; довѣренность русскихъ генераловъ къ Полякамъ и къ ихъ совершенному знанію дѣла была такъ велика, что за тѣмъ никто болѣе о войскахъ не заботился (?!!!!!!)......“

дѣлилась на множество разныхъ кружковъ, обвинявшихъ одинъ другаго въ неудачѣ мятежа 1831 года и всѣхъ послѣдующихъ, всѣ они однако сходились въ томъ, что надо какъ можно больше распространять дурнаго про Россію [1]), и въ

---

1) Какъ образецъ помѣщаю въ переводѣ одно изъ писемъ перехваченныхъ полиціею: ,,*Графу Іосифу Тышкевичу* *)

,,Въ Вильну.

,,Лондонъ 22 апрѣля 1864 г.

,,Сегодня, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Лондона, я пишу вамъ нѣсколько словъ, не имѣя времени сдѣлать это пространнѣе. Не смотря на наши усилія остановить адресъ и польскую манифестацію въ пользу Гарибальди, считая ихъ вредными для Польши тѣмъ, что могли возбудить негодованіе императора Наполеона и Рима, демократія насъ такъ измѣннически разбила, что мы ничего не могли сдѣлать, не смотря на всю нашу преданность.

Я думаю, милый Іосифъ, что эта манифестація въ пользу Гарибальди *есть интрига Россіи* (?!), чтобы насъ скомпрометировать въ глазахъ Европы, показывая, что мы, приступая къ революціи и имѣя цѣлью избавленіе страны отъ Монголовъ, показываемъ расположеніе къ людямъ отлученнымъ отъ церкви, какъ Гарибальди. Говорятъ, что Наполеонъ и Папа, узнавъ, что Поляки находящіеся въ Лондонѣ выразили свое почтеніе Гарибальди, изъявили свое неудовольствіе. *К.* и *R.* посылаютъ вамъ этотъ унизительный для Польши адресъ. Гарибальди представленъ въ немъ какъ герой, стоящій выше Наполеона I. Чортъ бы побралъ проклятую демократію. Скажите мнѣ, получили ли вы бумаги отъ М. К. М. . . . . . Онъ долженъ былъ ихъ отправить въ началѣ апрѣля? Отвѣтьте намъ, какую надежду имѣете вы. Можно ли быть увѣреннымъ въ успѣхѣ? Я недавно получилъ письмо отъ вашего брата Ивана; онъ сильно работаетъ въ дѣлѣ — но онъ боленъ. Мы того мнѣнія, что надо избрать Ивана членомъ; онъ имѣетъ на то право. Жду вашего отвѣта въ Парижѣ. (Тутъ помѣщено неразборчиво какое то имя) желаетъ вамъ благополучія.

,,Вашъ на всегда Янъ Непом...“

*) Іосифъ Тышкевичъ при началѣ мятежа былъ адъютантомъ Виленскаго Генералъ Губернатора.—Когда же вышелъ указъ 10-го Декабря 1865 года обязав-

этомъ единственномъ случаѣ Поляки не подтвердили польской пословицы: Gdzie dwa Polaka, tam i trzy zdania (гдѣ два Поляка, тамъ три мнѣнія).

Главные дѣятели польской справы, какъ ихъ Поляки называютъ,—*столбы въ народѣ*, сознавали, что новый мятежъ въ скоромъ времени невозможенъ и что надо дожидаться *болѣе благопріятной минуты* [1]), а пока пользоваться всѣми возможными ошибками русскихъ административныхъ лицъ, а если ихъ не будетъ, то вынуждать ихъ, и забравъ въ свои руки воспитаніе молодежи, дать ей пригодное для себя направленіе,—*понадѣлать* шляхты [2]) и взаимною помощію размѣстить побольше Поляковъ не только на значительныхъ мѣстахъ въ правительственной средѣ, но и вообще на государственной службѣ [3]), дабы на нихъ можно было разсчитывать въ данную минуту.

шій всѣхъ неблагонадежныхъ Поляковъ продавать свои имѣнія въ Западной Россіи — Русскимъ уроженцамъ; то въ пылкомъ воображеніи нѣкоторыхъ явились надежды, обойти этотъ указъ, продавъ свои имѣнія графу Іосифу Тышкевичу, воображая, что онъ попалъ или попадетъ въ число исключеній, на которыхъ не распространяется запрещеніе покупать имѣнія, въ Западной Россіи. Послѣ циркуляра г. главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, отъ 7-го февраля 1867 г. за № 138, всѣ эти туманныя надежды должны будутъ лопнуть.

1) Любимое утѣшеніе Поляковъ.

2) Въ настоящее время есть много матеріаловъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ Поляки старались фабрикаціею документовъ понадѣлать побольше шляхты, какъ готоваго революціоннаго элемента.

3) Сынъ стараго эмигранта, взятый въ мятежнической шайкѣ, выразился, что, по указанію эмиграціи, Поляки старались размѣщаться систематично: «Il faut les mettre sur les noeuds du filet de l'administration Russe.“

Минуту эту заграничные *столбы* обѣщали указать, когда нравственная сторона Поляковъ, по ихъ мнѣнію, достаточно будетъ подготовлена, т. е. когда всѣ Поляки будутъ достаточно пропитаны тою *особенностію польской любви къ ойчизнѣ*, плодомъ которой въ наше время вышелъ на свѣтъ *Польскій Катехизисъ* [1]).

Польская эмиграція такъ мастерски взялась за свою пропаганду и такъ удачно для этой цѣли направила, какъ свое орудіе—ксендзовъ, что вскорѣ вся западная Россія покрылась цѣлою сѣтью революціонной организаціи въ лицѣ католическаго духовенства; это духовенство, сближаясь съ своими прихожанами, начало, въ двусмысленныхъ проповѣдяхъ своихъ, проводить тенденціи польскаго катехизиса—и такимъ образомъ достигло того, что вскорѣ *Польскій Катехизисъ получилъ почти тождественность въ глазахъ всѣхъ, считающихъ себя Поляками, съ катехизисомъ римско-католическимъ* [2]); а всякій По-

---

1) Послѣ перваго изданія ко мнѣ поступили заявленія съ просьбою въ слѣдующемъ изданіи приложить и этотъ *пресловутый польскій катехизисъ*. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе, что для противудѣйствія польской справѣ нужно по возможности распространить въ читающей публикѣ тѣ традиціи и ту систему, которая выработалась *польскою любовію* къ ойчизнѣ, я помѣстилъ въ приложеніи этотъ катехизисъ. (См. приложеніе I).

2) Тѣхъ изъ заблуждающихся Русскихъ, которые сомнѣваются еще въ солидарности извѣстнаго *Польскаго Катехизиса* съ проповѣдями *латино-польскаго духовенства*, я прошу вспомнить:

а. Существовавшихъ еще недавно жандармовъ-вѣшателей, при-

лякъ, съ малолѣтства, вмѣстѣ съ догматами католическими, приучался къ исполненію *Катехизиса Польскаго*. Сочиненія Адама Мицкевича являлись въ этомъ случаѣ великимъ подспорьемъ для проповѣди, а его «Конрадъ Валенродъ,» какъ образецъ для каждаго служащаго въ Россіи Поляка—*идеализировалъ измѣну*.

Молодежь, воспитанная въ тенденціяхъ польскаго катехизиса, стала стараться сближаться между собою и образовывать тайные «кружки», изъ которыхъ впослѣдствіи должны были выйти своего рода *столбы для народа,* современные «Валенроды.»

Эти «кружки,» поддерживая постоянныя сношенія съ польскою эмиграціею, добывали оттуда всѣ запрещенныя сочиненія, въ которыхъ эми-

---

сягавшихъ на эту должность въ костелахъ, и кинжалы которыхъ, послѣ *отравы*, освящались ксендзами также въ костелахъ.

б. Способы, въ 19-мъ столѣтіи употреблявшіеся римско-католическими (вѣрнѣе—латино-польскими) ксендзами, для проведенія тенденцій религіознаго братства трезвости. (Смотри «Виленскій Вѣстникъ» 1866 г. № 29).

в. Миссалъ костельный, въ которомъ, въ особомъ отдѣленіи, помѣщены «службы праздникамъ и патронамъ Королевства Польскаго *въ прежнихъ его предѣлахъ*, рекомендуемый особенно ксендзами для поддержанія любви къ ойчизнѣ.» (Смотри № 87 «Вил. Вѣст.» 1866 г. ст. г. Рачинскаго).

г. Братства при католическихъ церквахъ,—эти тайныя пружины польской справы, о которыхъ такъ подробно говоритъ присоединившійся къ православію католическій священникъ И. Я. Козловскій. (См. «Вил. Вѣстн.» 1866 г. № 203 и «Моск. Вѣд.» 1866 г. № 212).

грація, въ умышленно-искаженномъ видѣ [1]), описывала исторію всѣхъ польскихъ интригъ и тѣмъ распаляла воображеніе молодежи до того, что юношескіе умы, подготовленные ксендзами, принимали на вѣру всѣ эти басни; увлекались ими до того, что каждому въ свою очередь хотѣлось быть героемъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. Героизмъ въ понятіяхъ Поляковъ, воспитанныхъ въ правилахъ ихъ катехизиса, имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ у прочихъ народовъ. По понятіямъ Поляковъ, Мицкевичъ, *вдохновленный свыше*, въ своемъ «Валенродѣ» представилъ образецъ любви къ ойчизнѣ, образецъ, къ которому всякій Полякъ долженъ стремиться, а потомъ въ этихъ «кружкахъ» и выработалось правило, что всякій Rodowity Polak долженъ стараться поступить на службу русскаго правительства, чтобы имѣть возможность, прикрываясь его кокардою, безопасно работать на пользу *польской справы* и всячески дѣлать *легальныя* попущенія для своихъ патріотовъ.

Въ этихъ же «кружкахъ» выработывались разнаго рода тенденціи, которыми Поляки намѣревались опутать нашу русскую молодежь, имѣю-

1) Такъ, до возстанія мнѣ часто приходилось въ разговорахъ съ товарищами и мѣстными жителями (считавшими себя, до подавленія мятежа,—Поляками) вспоминать какой нибудь фактъ изъ исторіи, не нравящійся Полякамъ вообще, и тогда въ откровенной бесѣдѣ не разъ случалось слышать отъ разгорячившагося собесѣдника: «Да вѣдь мы съ вами изучали исторію по различнымъ источникамъ, я по самому вѣрному (польскому), а вы по казенному.»

щую претензію *на званіе передовыхъ людей.* Эти нелѣпыя тенденціи были въ родѣ слѣдующихъ іезуитскихъ:

Присяга правительству обязательна только, пока убѣжденія присягнувшаго согласны съ распоряженіями правительства; и всякая ложная клятва разрѣшается, коли она пригодна для польской справы.

Для достиженія какой нибудь политической цѣли всякое средство допускается.

Состоя на правительственной службѣ, можно дѣйствовать во вредъ правительству, лишь бы наружно была соблюдена легальность.

Разбирая находящіеся у насъ матеріялы и сближая ихъ съ разсказами нѣкоторыхъ уже сужденныхъ польскихъ дѣятелей, мы замѣчаемъ, что въ 1848 году, когда броженіе умовъ охватило всю Европу, оно не миновало и *недальновидныхъ Поляковъ;* у нихъ разыгралось воображеніе и они задумали возстаніе. Для этой цѣли во всѣхъ университетахъ польская молодежь еще болѣе сблизилась между собою, вошла въ сношеніе съ молодежью изъ землевладѣльцевъ [1]) и съ загра-

---

1) Относительно благонадежности польскаго землевладѣльческаго сословія въ сѣверо-западномъ краѣ, въ тѣ годины, когда правительство обращалось къ его благоразумію, приведу слѣдующее: въ 1849 году правительствомъ замѣчено было, что по деревнямъ разъѣзжаютъ и бродятъ какія-то подозрительныя личности: вслѣдствіе чего мѣстныя власти обязали помѣщиковъ слѣдить за этимъ и немедленно доносить мѣстной полиціи, дабы подобныя личности были арестованы. Польскіе же помѣщики, знавшіе очень хорошо, *что это за люди* и какая ихъ цѣль, не хотѣли имъ мѣшать, а для того, чтобы соблюсти *легальность*, перебрались сейчасъ-же на жительство въ уѣздные города. И такимъ образомъ

ничною эмиграціею и, подталкиваемая послѣднею, воображала себя въ силѣ поднять знамя мятежа, или, вѣрнѣе сказать, по польскому обыкновенію—*навязать народу мятежъ*.

Изъ петербургскаго университетскаго польскаго патріотическаго кружка 1848 и 1849 годовъ приведу фамиліи сужденныхъ и уличенныхъ уже розысканіями слѣдственныхъ коммиссій *въ преступленіяхъ 1-й категоріи*, Высочайше утвержденныхъ въ маѣ 1863 года правилъ: Сигизмундъ Сѣраковскій, Александръ Оскерко, Яковъ Гейшторъ, князь Николай Гедройцъ, Ѳаддѣй Чудовскій, Вацлавъ Пржибыльскій и Іосафатъ Огрызко [1]).

По выходѣ изъ университета, польская молодежь частію поступила въ заграничныя революціонныя войска [2]), частію же разсыпалась по всей Россіи; но не найдя въ народѣ того сочувствія, какого ожидала [3]), она накрылась, по

помѣщики остались въ глазахъ правительства *вѣрнопреданными*— и революціонеры могли безопасно сѣять свое сѣмя.

1) Сѣраковскій — повѣшенъ; Оскерко, Гейшторъ, Гедройцъ и Огрызко — сосланы въ каторжную работу; Чудовскій — убитъ въ шайкѣ; Пржибыльскій — бѣжалъ.

2) Сѣраковскій пробирался уже за границу, но былъ на границѣ схваченъ и сужденъ въ солдаты, въ Оренбургскій линейный баталіонъ; но въ 1857 году помилованъ и возвратился въ Петербургъ.

3) Одинъ изъ университетскихъ товарищей Огрызки, присужденный къ каторжной работѣ за дѣятельное участіе въ нынѣшнемъ мятежѣ, между прочимъ, разсказывалъ слѣдующее по этому случаю: по выходѣ изъ Петербургскаго университе-

польскому обыкновенію, хвостомъ,—и одни притаились въ своихъ имѣніяхъ; другіе занялись воспитаніемъ молодежи [1]); а третьи вступили въ русскую правительственную службу; всѣ съ твердымъ намѣреніемъ—продолжать свою работу на пользу *польской справы*

Поступившіе на службу обязаны были, во имя выработанныхъ въ университетскихъ «кружкахъ» тенденцій, прикрываясь преданностію къ Россіи, всячески содѣйствовать *патріотамъ* для полученія какихъ либо служебныхъ мѣстъ; и такимъ образомъ вся Россія покрывалась невидимою сѣтью: ксендзовъ, чиновниковъ и офицеровъ,—сѣтью, которая собиралась задушить ее при первомъ представившемся случаѣ.

та, онъ поселился въ имѣніи и скоро пріобрѣлъ большое вліяніе въ околодкѣ. Разъ пріѣхавъ въ 1849 году на ярмарку въ уѣздный городъ, онъ получилъ письмо, которымъ онъ назначался уѣзднымъ начальникомъ предполагавшагося возстанія, для чего ему предлагалось собрать всѣхъ преданныхъ польскому дѣлу (патріотовъ) и предупредить ихъ. Но, сознавая всю невозможность начать возстаніе въ данную минуту, онъ объявилъ неизвѣстному подателю письма: «скажите пославшимъ васъ, что они заблуждаются, и что я письмо ихъ оставляю безъ вниманія и исполненія, такъ какъ народъ нашъ не готовъ и у насъ нельзя ничего сдѣлать въ такой короткій срокъ; потому я совѣтую отложить дѣло до другого, болѣе удобнаго времени.»

1) Тутъ то выработались тѣ традиціи, которыя изложены въ статьѣ: «Uczmy się,» помѣщенной въ № 23-мъ «Виленскаго Вѣстника» за 1866 годъ; традиціями этими подготовлялась молодежь для возстанія *въ болѣе удобную минуту.* Наставленіе это такъ знаменательно и такъ краснорѣчиво говоритъ само за себя, что я помѣстилъ его въ приложеніи. (Смотри приложеніе II).

Случай этотъ Поляки того времени считали наступившимъ во время восточной войны, и ихъ *легковѣрный* умъ опять было возымѣлъ намѣреніе *затѣять мятежъ;* но заграничная польская эмиграція, зорко слѣдившая за ходомъ войны, испугалась, чтобы выстрѣлы въ Царствѣ Польскомъ не заставили замолчать батареи подъ Севастополемъ и приняла свои мѣры; такъ, что въ 1855 году сформировалась только одна шайка мятежниковъ въ Ковенской губерніи, на прусской границѣ, подъ начальствомъ Длусскаго, численностію до 1000 человѣкъ.

Одинъ изъ членовъ варшавскаго ржонда говоритъ:

«Длусскій былъ упрямый, твердый до закоснѣлости Литвинъ, при томъ человѣкъ тупой и теряющійся въ мелочахъ; онъ былъ прежде солдатомъ на Кавказѣ, какъ политическій преступникъ; получивъ помилованіе, онъ командовалъ въ 1855 году собравшеюся шайкою на прусской границѣ, потомъ въ 1856 году поступилъ въ Московскій университетъ и тамъ окончилъ медицинскія науки. Въ возстаніи 1863 г. Длусскій былъ офицеромъ и служилъ подъ командою Сѣраковскаго въ Ковенской губерніи; потомъ командовалъ тамъ же отдѣльной шайкой подъ псевдонимомъ Яблоновскаго»....

Шайка эта (1855 г.) упрашивала эмиграцію позволить ей начать возстаніе, но эмиграція опасалась, что вспыхнувшее въ Польшѣ возстаніе можетъ заставить Австрію и Пруссію нарушить нейтралитетъ и стать на сторону Россіи; а потому она всячески удерживала горячихъ патрі-

отовъ, обѣщая имъ, что Наполеонъ увѣдомитъ ихъ, когда надо будетъ начать возстаніе. Но, вмѣсто ожидаемаго сигнала, Длусскій получилъ увѣдомленіе, что въ Крыму заключено перемиріе, которое по всей вѣроятности окончится миромъ; а потому онъ распустилъ свою шайку, а самъ вернулся въ Россію, гдѣ, во время послѣдняго мятежа, въ Ковенской губерніи опять командовалъ шайкою, подъ именемъ Яблоновскаго [1]). Кромѣ этого болѣе никакихъ попытокъ къ возстанію дѣлаемо не было [2]).

Но за то съ самаго заключенія мира, пользуясь тѣмъ, что русское правительство занялось многими важными внутренними реформами, заграничная эмиграція вступила въ прямыя сношенія съ русскими *отщепенцами*, знаменитыми издателями «Колокола», и при ихъ содѣйствіи начала усиленную пропаганду польскаго катехизиса. Вотъ какого рода совѣты находимъ мы въ «Колоколѣ», въ безсильной злобѣ совѣтовавшемъ [3]) Полякамъ: всячески довести русское общество до того, чтобы оно *«по-неволѣ и со скорбіемъ»* взошло въ революцію.

---

1) По разбитіи въ 1863 г. шайки его — бѣжалъ за границу.

2) Между Поляками сильно распространена фраза, сказанная будто бы Наполеономъ Чарторыйскому, который, какъ увѣряютъ Поляки, просилъ позволенія начать возстаніе въ Польшѣ, увѣряя, что все тамъ уже готово. Наполеонъ сказалъ: «Un seul coup de fusil parti sur la Vistule, et je ferai taire mes batteries devant Sebastopol.»

3) ,,Колоколъ,“ страницы 749 и 751.

«Для этого надо составлять свои центры дѣйствія (комитеты), которые противупоставили бы правительству мощь общественнаго заговора. Образуются-ли эти центры понемногу и тихо, или быстро и явно,— это зависитъ отъ силы людей, отъ силы ихъ сближенія и согласія. Какъ бы они не образовывались, но они должны образоваться: иначе нельзя идти впередъ, а остановиться невозможно...... На первыхъ порахъ нужна постановка крестьянскаго вопроса.... Общественные толки, сближеніе лицъ, составленіе центровъ, и слово, и печать, и дѣло—все должно быть употреблено..... Мы думаемъ, что всѣмъ порядочнымъ людямъ отстраняться отъ чиновничества и вступить въ настоящую дѣятельность было бы лучшимъ средствомъ—и начать настоящее дѣло и обезсилить правительство. Но предрекать способы дѣйствія мудрено. Вообще полезнѣе оставлять службу...... но можетъ иногда полезно внести *свое* вліяніе и въ служебную дѣятельность?...... Это понятно только на мѣстѣ и при случаѣ. Можетъ полезнѣй сосредоточить всѣ силы въ одной губерніи; можетъ разнести ихъ всюду. Истинный *дѣятель* долженъ *чуять* въ данную минуту, что дѣлать и куда направить силы. Въ одномъ мы не можемъ разубѣдиться: надо умножить число *образованныхъ* (?) офицеровъ, чтобы войско не было употреблено противъ крестьянъ (!?). Еще разъ повторимъ: *умноженіе образованныхъ (?) офицеровъ нужно (!) и для того, чтобы не мѣшать (?) Польшѣ освободиться*..... но сколько мы успѣемъ — не знаемъ. Если эти страницы хотя въ немногихъ возбудятъ сочувствіе, мы довольны. Трехъ человѣкъ было достаточно, чтобы измѣнить хлѣбные законы въ Англіи и двѣнадцать человѣкъ распространили христіанство въ цѣломъ мірѣ. Въ заключеніе мы только напомнимъ, что обстоятельства дѣлаются людьми, а не сами собою по волѣ невѣдомыхъ судебъ......»

Съ этою цѣлью, польская эмиграція по всѣмъ университетамъ начала формировать правильно

организованныя тайныя общества, въ видѣ *троекъ* [1]), члены которыхъ подчинялись особымъ *старшимъ*, назначеннымъ изъ-заграницы во всѣ главные города; а уже чрезъ этихъ *старшихъ* общество правильно поддерживало сношенія съ заграничною эмиграціею. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одинъ сосланный въ Сибирь на поселеніе офицеръ, бывшій начальникомъ шайки, воспитывавшійся въ Кіевскомъ университетѣ; выписываемъ слово въ слово его показаніе [2]):

«Въ каждомъ городѣ, т. е. въ Кіевѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и въ Вильнѣ, есть такъ называемые *старшіе*, но фамилій ихъ никто не знаетъ, только они знаютъ другъ друга и сносятся помощію особыхъ избранныхъ людей; каждый изъ этихъ *старшихъ* имѣетъ такихъ трехъ повѣренныхъ. Должно быть, система эта давно уже была основана, потому что составляла подготовленіе для того, чтобы всѣ сословія народа постепенно приняли въ немъ участіе. Устройство системы этой состояло въ слѣдующемъ: каждый изъ трехъ находящихся при *старшемъ*, увѣрившись достаточно въ какомъ либо человѣкѣ, принималъ его въ свою *тройку*, т. е. каждый принималъ трехъ, они записывались подъ какими нибудь псевдонимами, не зная одинъ другаго, а только принимавшій зналъ всѣхъ трехъ; это шло постепенно; каждый изъ принятыхъ избиралъ еще трехъ и т. д.; вслѣдствіе чего это общество весьма распространилось прежде всего въ Цар-

---

1) По показаніямъ разстрѣляннаго въ Казани поручика Черняка: „система троекъ употреблялась еще во время крымской кампаніи въ Кіевскомъ университетѣ.“

2) Всѣ показанія, которыя я привожу въ этой книгѣ, обозначенныя кавычками и напечатанныя другимъ шрифтомъ заимствованы изъ подлинныхъ документовъ или изъ разговоровъ съ самими подсудимыми.

ствѣ Польскомъ, а потомъ и въ остальныхъ городахъ, такъ что много мѣщанъ и крестьянъ было записано въ это общество. Каждый записавшій трехъ, съ ихъ псевдонимами и настоящими именами, отдавалъ списокъ этотъ тому, который его принялъ, тотъ далѣе, и такимъ образомъ списки соединялись у *старшаго.* Такое общество приготовляло людей разнаго сословія къ будущему возстанію».

Впослѣдствіи система троекъ была замѣнена системою десятковъ. Позднѣе, члены этого тайнаго общества устроили въ Петербургѣ сходки, своего рода сеймы, цѣль которыхъ состояла въ польской пропагандѣ. По показанію разстрѣляннаго въ Казани поручика Черняка:

«Цѣль этихъ собраній была связать всѣхъ Поляковъ и по возможности подготовить ихъ (въ нравственномъ смыслѣ) къ дѣлу возстанія; какъ средство для этого употреблялась *словесная и письменная пропаганда* (брошюры и т. п., по большей части эмигрантовъ); кромѣ того, сообщались извѣстія изъ Варшавы и другихъ мѣстъ бывшихъ польскихъ провинцій *о настроеніи общества въ революціонномъ отношеніи* собирались денежныя пожертвованія въ пользу разныхъ эмигрантскихъ учрежденій заграницею.»

Въ спискахъ этихъ тайныхъ революціонныхъ обществъ, *выжидавшихъ* удобной минуты для возстанія, мы опять, какъ и въ 1848 и 1849 годахъ, встрѣчаемъ фамилію Іосафата Огрызки.

Такъ въ алфавитномъ спискѣ, найденномъ при арестѣ минскаго помѣщика Александра Оскерки, бывшаго однимъ изъ главныхъ членовъ Виленскаго революціоннаго комитета и товарища

Огрызки по университету между разными Плятерами, Козеллами, Домбровскими, Юндзиллами, Керсновскими, Солтанами, Сулистровскими, Томашевичами, Тышкевичами, уже сужденными и сосланными, въ алфавитѣ на букву О, читаемъ: «Ohryzko Iozafat, na rogu Kanonierskiy i Mohylewskiej ulic, dóm Pietraszewskiej w Peterzburgu zawsze w domu» (т. е. Огрызко Іосафатъ, на углу Канонирской и Могилевской улицъ, домъ Петрашевскаго въ Петербургѣ—всегда дома). Во всей этой записной книжкѣ не было ни одной фамиліи, которая оказалась бы непричасною къ дѣлу мятежа.

Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ личностью Іосафата Огрызки, выписываемъ его собственное показаніе:

«Состою на службѣ въ министерствѣ финансовъ, въ качествѣ ревизора при департаментѣ неокладныхъ сборовъ, завѣдую нѣсколькими отдѣленіями департамента, съ *правами вице-директора*; имѣю участокъ земли въ Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда; воспитывался я сначала у родителей, которые содержали для того воспитателя, по фамиліи Піотуха, потомъ Витебской губерніи въ Лепельскомъ уѣздномъ училищѣ, куда поступилъ въ 1837 году, а въ 1841, кончивъ четыре класса уѣзднаго училища, поступилъ въ пятый классъ Минской гимназіи, въ которой, пробывъ три года, кончилъ весь гимназическій курсъ наукъ въ 1844 году; при выпускѣ, за успѣхи въ русскомъ языкѣ, удостоенъ былъ права на полученіе чина XIV класса при вступленіи въ гражданскую службу; находясь въ уѣздномъ училищѣ и въ гимназіи, въ праздники Рождества Христова и Пасхи, а также на каникулярное время, ѣздилъ къ родителямъ.

«По случаю недостаточнаго состоянія моихъ родителей, я, находясь еще въ уѣздномъ училищѣ, былъ уже репетиторомъ при дѣтяхъ учителя нѣмецкаго языка, по фамиліи Бермана; въ гимназіи также содержалъ себя уроками, а именно, съ 1841 по іюнь 1842 года былъ гувернеромъ при сынѣ бывшаго губернскаго стряпчаго Семенкевича, а съ половины 1842 до окончанія гимназіи находился при дѣтяхъ Бардскаго, бывшаго въ то время секретаремъ минскаго депутатскаго собранія; по окончаніи гимназическаго курса, т. е. съ 1844 г., на каникулярное время 1845 г. я оставался въ Минскѣ же и попрежнему занимался преподаваніемъ уроковъ дѣтямъ Бардскаго и одному изъ сыновей помѣщика Лапицкаго; а въ іюнѣ 1845 года, повидавшись съ родными, отправился въ Петербургъ, гдѣ въ томъ же году поступилъ въ университетъ, въ которомъ чрезъ четыре года, т. е. въ 1849 г. кончилъ курсъ наукъ со степенью кандидата правъ; во всѣ четыре года нахожденія въ университетѣ и первое время по окончаніи онаго, я содержалъ себя сначала оставшимися у меня отъ гимназіяльнаго времени деньгами, а потомъ уроками же [1]), которые давалъ приготовляющимся къ поступленію въ университетъ, въ училище правовѣдѣнія, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и другія учебныя заведенія. На службу поступилъ я въ 1850 году.»

Огрызко росту выше средняго, крѣпкаго и сухаго тѣлосложенія, лице немного смуглое, волосы на головѣ и на окладистой бородѣ густые,

---

1) Замѣчательно, какъ всѣ дѣятели польской справы любятъ давать уроки и приготовлять молодежь; впрочемъ, послѣ появленія въ печати наставленія: ,,Uczmy sie“ помѣщеннаго въ приложеніи № 2, становятся понятными эти — и жажда и рвеніе воспитывать молодежь. Слѣдуя ихъ примѣру и наставленіямъ ,,Колокола“ и ихъ русскіе ученики (,,нигилисты“) охотно дѣлались домашними учителями.

темно-русые, слегка вьющіеся, высокій лобъ, выдающіяся немного скулы, довольно большой прямой носъ, съ раздутыми ноздрями, маленькіе сѣрые глаза, которые онъ слегка прищуриваетъ, нахмуривая брови; сжатыя губы, изъ которыхъ нижняя выдалась немного впередъ и придаетъ его физіономіи нѣсколько нахальный видъ; тѣмъ не менѣе лице его, въ нѣкоторые моменты, кажется довольно пріятнымъ.

Относительно служебной дѣятельности Іосафата Огрызки въ формулярномъ спискѣ его значится слѣдующее:

«Вѣроисповѣданія римско-католическаго, отъ роду 39 лѣтъ, холостъ; имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ на андреевской лентѣ; получаетъ жалованья *3000 руб.* По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата правъ, по Высочайшему соизволенію, состоявшемуся въ 20 день марта 1852 года, опредѣленъ, въ видѣ *особеннаго изъятія изъ общихъ правилъ*, чиновникомъ канцеляріи (кодификаціонной) коммиссіи *для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго*, съ зачисленіемъ ему въ дѣйствительную службу и времени занятій по сей коммиссіи для испытанія съ 1850 года 13 (25) августа; 12 апрѣля 1852 утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, со старшинствомъ 1850 года 13 (25) августа; 2 декабря 1854 года произведенъ *за отличіе* въ титулярные совѣтники, со старшинствомъ 1852 года 13 августа; 1-го января 1856 г. произведенъ *за отличіе* въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ 1855 года августа 13; 11 мая 1857 г. переведенъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ младшимъ столоначальникомъ; 17 декабря 1859 года произведенъ въ надворные совѣтники, со старшинствомъ 1859 года августа 13; 28 октября 1860 г., *за*

отлично-усердную службу, награжденъ 400 руб. сер.; 28 ноября 1861 года переведенъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ (нынѣ департаментъ неокладныхъ сборовъ); въ 1861 году 24 ноября, *за отлично-усердную службу*, начальствомъ засвидѣтельствованную, получилъ единовременно 500 р.; 4-го февраля 1863 г., съ разрѣшенія г. министра финансовъ, поручено завѣдывать отдѣленіями департамента II, III и V, *на правахъ вице-директора* [1]), съ правомъ подписывать и скрѣплять всѣ исходящія бумаги, за исключеніемъ тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ общія распоряженія, или болѣе важныя разрѣшенія; а по канцеляріи — по дѣламъ новаго питейно-акцизнаго управленія подписывать бумаги второстепенной важности; 1-го сентября 1863 года на тѣхъ же основаніяхъ поручено завѣдываніе временнымъ отдѣленіемъ департамента; 10 декабря 1863 года произведенъ въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ 1863 г. августа 13-го.»

Изъ приведеннаго выше формулярнаго списка видно, что Огрызко, какъ должно, слѣдуя польскому катехизису, былъ исправнымъ чиновникомъ, вслѣдствіе чего и былъ отличаемъ началь-

1) Итакъ, въ perpetuo mobili польской справы, въ Петербургѣ, *столбами для народа* послѣдовательно являлись: министръ иностранныхъ дѣлъ и попечитель Виленскаго учебнаго округа — князь Адамъ Чарторыйскій; сенаторъ графъ Михаилъ Огинскій; бывшій министръ финансовъ Царства Польскаго, князь Ксаверій Друцкой-Любецкій, и наконецъ на правахъ вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ Іосафатъ Огрызко; (настоящаго же Чарторыйскаго теперешнихъ временъ предстоитъ опредѣлить историку). Каждый изъ нихъ, въ свое время, выставлялъ себя предъ нашимъ правительствомъ за человѣка совершенно ему преданнаго и глубоко заинтересованнаго *преуспѣяніемъ* Россійской Имперіи, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ, въ свое время, имѣлъ не малое значеніе и вліяніе на общественныя дѣла.

ствомъ; это, однако, ему не мѣшало, одновременно съ *легальнымъ* исполненіемъ обязанностей службы, быть постояннымъ членомъ какого нибудь тайнаго революціоннаго общества.

Еще въ университетскомъ «кружку» 1848—1849 годовъ между поляками завязалась тѣсная связь *съ патріотическою цѣлью;* по выходѣ же изъ университета, Огрызко продолжалъ поддерживать сношенія съ своими бывшими университетскими товарищами.

По разсказамъ уже сужденныхъ въ настоящее время преступниковъ видно, что когда, въ 1858 году, началась вербовка съ большею настойчивостью въ члены тайныхъ обществъ, то между петербургскою польскою молодежью проявилась потребность въ своей типографіи и въ своей польской газетѣ, удовлетворявшей ихъ замысламъ ловкимъ изображеніемъ современной жизни края. За удовлетвореніе этой потребности взялся Іосафатъ Огрызко, поддерживаемый университетскими товарищами. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ изданіе газеты «Słowo», прикрываясь, какъ и слѣдовало ожидать, *легальною* цѣлью *сближенія Поляковъ съ Русскими* [1]). Но

---

1) Съ подобною же *легальною* цѣлью было устроено Поляками нѣсколько учрежденій, которыя, какъ показалъ польскій мятежъ, служили на самомъ дѣлѣ форсированному ополячиванію западнаго края. Такъ издавалась въ Вильнѣ газета „Виленскій Вѣстникъ,“ подъ польскою редакціею, *(смотри Виленскій Вѣстникъ 1866 г., № 66)*, такъ устроенъ былъ въ Вильнѣ Виленскій музей древно-

прежде чѣмъ рѣшиться на такое опасное дѣло, какъ печатная пропаганда, Огрызко отправился заграницу, чтобы убѣдиться собственными глазами, на сколько можно разсчитывать на заграничную поддержку въ предполагаемомъ возстаніи.

«Я уѣхалъ, говоритъ Огрызко въ своемъ показаніи, изъ Петербурга, кажется, во второй половинѣ іюня и возвратился въ концѣ августа, или въ началѣ сентября. Изъ Петербурга ѣхалъ я на Ригу, Ковну, Варшаву, Краковъ, Бреслау, Познань, Берлинъ и Брюссель до Парижа; а на обратномъ пути останавливался въ Кельнѣ и Дрезденѣ; возвратясь изъ-заграницы въ Варшаву, отправился оттуда въ Ковну, Вильну, Минскъ и черезъ Витебскъ вернулся въ Петербургъ.»

Успокоенный благопріятными свѣдѣніями, собранными во время своего путешествія отъ своихъ бывшихъ университетскихъ товарищей, и пріискавъ пригодныхъ, какъ онъ выражается, *корреспондентовъ*, Огрызко рѣшился начать изданіе польской газеты «Słowo».

Французская пословица говоритъ: «Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es», а потому для лучшей оцѣнки Огрызкинскаго «Слова» и его *легальныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ* я прилагаю нѣсколько писемъ, которыя сами за себя говорятъ довольно краснорѣчиво.

стей *(смотри Виленскій Вѣстникъ 1866 г., № 16)*; такъ учреждались братства трезвости въ сѣверо-западномъ краѣ *(смотри Виленскій Вѣстникъ 1866 г. №. 29)*.

Письма въ Редакціонный комитетъ газеты „Слово" къ Іосафату Огрызко и Владиміру Спасовичу отъ Маріана Горшковскаго.

„*Черниговъ, 2 марта 1859 г.*

. . . .

«Не такіе рецензенты, *какъ ваши*, *въ комитетѣ редакціонномъ* (польской газеты «Слово») читали мою теорію и одобрили ее. Вѣдь и Грабовскій, самый лучшій знатокъ исторіи Украйны, выразился о ней почти съ уваженіемъ, а Юліанъ Бартошевичъ *очень благодарилъ* меня за нее (?); то, что вамъ и вашему *комитету* кажется глупостію, другіе ученые люди оцѣнили довольно высоко. Владиміръ Спасовичъ не знаетъ исторіи Украйны; онъ не посвященъ въ ходъ ея *настоящихъ событій*; тоже можно сказать и обо всемъ вашемъ *комитетѣ*. Неудивительно, что вы еще не знаете (потому что всего и знать не можете), но всего смѣшнѣе то, что, не зная, даете такіе положительные и безусловные приговоры, что часть историческая не выдержитъ критики. Напротивъ, по мнѣнію людей, знающихъ *это дѣло*, критика должна проводимую мною идею посадить на тронъ (!?!); я первый вѣдь вывожу *борьбу племенъ съ Русинами;* вѣдь первый я развиваю мысль о нашествіи Варяговъ на Украйну и слѣдствія его, т. е. сильный отпоръ племенъ и сопротивленіе имъ. По моему мнѣнію, *не Польша, а Варяги ввели въ Украйну и крѣпостное состояніе и подати разнаго рода и рабство*; надобно быть упорнымъ или слѣпымъ, чтобы отказывать мнѣ въ справедливости и говорить, что моя статья не выдержитъ критики. Я говорилъ объ этомъ и профессорамъ университета, и тѣ, не смотря на то, что не охотно слушали эту идею, были поражены новостью этого основанія и признавали за нею большое значеніе и счастливое *ура-*

зумѣніе времени...... По моей теоріи, *Польша, принявъ Украйну, нашла всевозможное зло, всевозможное беззаконіе, всевозможное угнетеніе церкви и духовенства, что этого не стерпѣла, потому что не могла, но сдѣлалась конспиративною въ отношеніи къ Украйнѣ, чего ей въ вину ставить нельзя.* Кто боится это печатать и говоритъ что это не выдержитъ критики, тотъ или идетъ вспять или онъ несовершенно посвященъ въ тайны.... я не боюсь критики: прежде нежели меня окритикуютъ, *за меня вступится весь свѣтъ Польскій. Это вѣрно, за это я отвѣчаю горломъ.........»*

Черниговъ, 1 марта 1859 г.

«Такъ какъ я участвую въ вашей газетѣ, то нигдѣ мнѣ не было бы такъ хорошо какъ здѣсь: [1]) тихая, спокойная, отшельническая жизнь, свободное время, котораго на мою долю было довольно—все благопріятствовало труду, которому я рѣшился посвятить себя: Собравши много новыхъ историческихъ источниковъ, относящихся къ исторіи Украйны, въ особенности по позднѣйшему времени ея жизни, я думалъ употребить ихъ къ дѣлу; нигдѣ не было такъ хорошо, какъ у васъ, потому что кромѣ хорошаго знакомства съ тобою, кромѣ ближайшаго взаимнаго ознакомленія, кромѣ откровенности, предосторожности, искренняго дружескаго совѣта, въ которыхъ ты мнѣ никогда не отказывалъ, какъ младшему и гораздо менѣе опытному *въ нашемъ дѣлѣ*; да и много другихъ, постороннихъ обстоятельствъ, благопріятствовало тому. Пораженный участью вашей газеты, я рѣшительно не имѣю никакой охоты входить въ сношенія съ кѣмъ-бы то ни было другимъ, даже самый Черниговъ кажется мнѣ невыносимымъ; и хотя я провелъ здѣсь столь-

1) Въ Черниговѣ.

ко счастливыхъ минутъ жизни такъ пріятно, среди различныхъ историческихъ идей, среди древнихъ памятниковъ прошедшаго, которые были для меня тѣмъ дороже, чѣмъ долѣе взглядываясь въ нихъ я удостовѣрился о послѣдней тѣни польской жизни въ здѣшней украйнѣ, однакоже я оставлю его безъ сожалѣнія. . . . .
. . . .

Пожалуйста, любезный Владиміръ (Спасовичъ) пришли мнѣ обратно всѣ тетради, которыя я посылалъ вамъ; теперь, въ свободное время и при незначительныхъ занятіяхъ, хочу пересмотрѣть ихъ, перечитать, дополнить, или сократить, гдѣ нужно, и напечатать *заграницей*, если онѣ будутъ того стоить;—я думаю, что ты исполнишь мою просьбу и кромѣ того напишешь письмо, чѣмъ обяжешь благопріятствующаго тебѣ всегда и во вѣки друга и покорнаго слугу «Маріана Горшковскаго».

Римъ, 20 іюля 1860 г.

. . . .

«За предѣлами этого вѣроисповѣданія нѣтъ католицизма, нѣтъ вѣчной, безъ конца, святой правды, святаго незапятнаннаго образа—это оружіе мудрости, оружіе Сократа, оружіе потомъ Христа *со всею католическою* (?) *его жизнію*—оружіемъ нынѣ должна быть Польша! Костомаровъ (я знаю его) при всемъ своемъ артистическомъ стремленіи, при всемъ талантѣ, погибнетъ, измельчаетъ, не смотря на свое трудолюбіе на святой нивѣ жизни народной, погибнетъ, если онъ, *проникнутый сепаратизмомъ, съ ненавистью къ міру польскому*, подниметъ вѣковую гробовую крышку прошедшаго народовъ. Горсть годовъ можетъ быть его почтетъ: два, три, четыре вѣка можетъ быть его еще остановятъ, но классическая исторія, исторія памятниковъ въ духѣ истины,

раскаянія, любви—будетъ его презирать. Это слишкомъ обширный предметъ, это длинная нота безконечнаго эха отголосковъ—мысль, которую я поднялъ, и потому я долженъ ее прервать, потому что *предѣлы письма* слишкомъ для этого тѣсны. И такъ, *ты не ищи католицизма въ Костомаровѣ, потому что его тамъ нѣтъ*, точно также какъ нѣтъ его въ людяхъ, въ *священникахъ*, на которыхъ ты постоянно смотришь. Развѣ есть на свѣтѣ состояніе, котораго человѣкъ не запятналъ, не попралъ и еще при жизни не загналъ въ гробъ и не пригнулъ его кровавою ногою? Возьми какое угодно состояніе на свѣтѣ, возьми всѣ мѣста и должности, какія только занимаетъ человѣкъ, и ты вездѣ почти увидишь искаженіе. Удивительно ли, что свѣтъ толпами идетъ въ Римъ, чтобы взглянуть на развалины Пантеона и Колизея. Не удивительно, что для поэта, для мудреца и для всякой высшей души уголокъ вдали, уголокъ дикой природы, на которомъ нога человѣка никогда не бывала, служитъ сокровищемъ, поэзіею—есть жизнь!....

«Вскорѣ, можетъ быть дня черезъ три, я высылаю на Волынь *50 картинъ* для раздачи нашимъ шляхтичамъ даромъ; здѣсь много пишутъ картинъ—можно, ихъ пріобрѣтать очень дешево. Я хочу каждый годъ по крайней мѣрѣ какихъ нибудь картинъ по сту *разбрасывать* по Польшѣ, въ простыхъ крестьянскихъ хижинахъ, для образованія вкуса сердца и привычки къ *этимъ* произведеніямъ искусства . . .

. . . .

я рѣшился по этому поводу напомнить картинами народу кончину Польши . . . .

Скоро здѣсь въ Римѣ я велю напечатать мое произведеніе, повидимому небольшое, но въ сущности требующее много времени и ума—одну половину на польскомъ языкѣ, а другую на *малороссійскомъ польскими литерами*; только изданіе будетъ *безъименное*. Я тебѣ пришлю экземпляръ,—*прошу со-*

хранить это въ секретѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, не смотря на всѣ усилія малороссіянъ, *Русь при-Днѣпровская, со всею своею настоящею жизнію, со всѣмъ своимъ духомъ, со всѣми своими традиціями, со всею своею личностью должна* (?!) *войдти въ составъ Польши, должна* (!) *съ нею слиться и въ одной литературѣ..........*» [1])

Римъ, 6 Сентября 1861 г.

«Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю тебѣ отдѣльно, чрезъ англійскую контору Plowden and Cholmelvy, два сочиненія Тейнера (Thajner'), касающіяся историческихъ документовъ нашей древней республики. Тамъ ты найдешь любопытныя вещи, даже касающіяся Руси; если покажется *нужнымъ*, можешь выбрать нѣкоторыя важнѣйшія изъ нихъ, чтобы показать Костомарову и другимъ Русинамъ (!), *занимающимся общей съ нашей исторіей прошедшаго.* Между этими документами, есть одинъ италіянскій документъ въ статьѣ «de Russie» въ меньшемъ томѣ, гдѣ очень ясно говорится, что Хмѣльницкій хотѣлъ принять исламизмъ и цѣлую Малороссію привести въ исламизмъ. Слѣдовательно онъ не былъ религіознымъ фанатикомъ и за православіе биться едва ли могъ, ибо кто весь хотѣлъ погрязнуть въ исламизмѣ для того религія и церковь есть дѣло второстепенное, постороннее и чуждое.....

«До свѣдѣнія моего дошло, что у тебя есть «Гапка» (Наpka); это трудъ ранній (незрѣлый), еще студенческій, который я напечаталъ и самъ не знаю по какой-то нерасторопности, легкомыслію; не посылаю тебѣ ни одного экземпляра, потому что стыжусь.... Тамъ много грамматическихъ ошибокъ, по причинѣ

---

1) Это же въ настоящее время въ Галиціи проводитъ Глуховскій, кажется, при содѣйствіи Маріана Горжковского, находящагося тоже тамъ.

небрежной италіянской корректуры, однимъ словомъ это пустячокъ; если тамъ и есть что нибудь хорошее, то это примѣчанія и объясненія,которыя я прибавилъ, желая придать предмему болѣе важности. Искренно *поздравляю васъ съ* (тѣмъ что вы познакомились) *Возняковскимъ, котораго такъ хорошо ввели въ* **общество** . . . . . . Любопытно было бы знать, чѣмъ *это* кончится, благопріятно-ли, хорошо-ли? . . . .
Впрочемъ посылаю тебѣ два экземпляра «Гапки».

,,*Рижановка, 8 октября 1861 г.*

«Пользуясь свободнымъ мѣстомъ, какое мнѣ оставили въ этомъ письмѣ отецъ и жена, считаю особеннѣйшимъ удовольствіемъ въ дополненіе къ нимъ передать слѣдуемое уваженіе почтеннѣйшему «*дядинькѣ*,» а также *донести* (?) о нѣкоторыхъ новостяхъ, существующихъ въ нашихъ окрестностяхъ [1]). Что-бы тамъ ни было, но я начинаю съ *тѣхъ*, которые насъ угнетаютъ и допекаютъ. И такъ имѣю честь довести до свѣдѣнія *дядиньки*, что я охотникъ (jestem mysliwym), и очень рьяный охотникъ, а здѣсь какъ на бѣду наши чиновники *позавидовали намъ и отняли у насъ ружья* (Pukałke); такъ не изъ чего и воробья стукнуть; а здѣсь столько появляется *большаго звѣря*,что любо, если бы было съ чѣмъ, но больно и досадно смотрѣть безъ запаса *на пролетающихъ птицъ и проходящаго звѣря*.... Я охотникъ, у *меня много товарищей, то тотъ, то другой увѣдомляетъ о появленіи*,...... такъ что сердце скачетъ съ радости. Вотъ *выйдемъ на охоту*, можетъ быть дадутъ изъ чего стукнуть, а тутъ ни-ни-ни! потому что не довѣряютъ.... ахъ! Это больно! что осень

---

1) Подобнаго рода донесенія часто поступали въ централизацію, къ такъ называемому ,,Старшему" (дядинькѣ), ,,*о настроеніи обществъ въ революціонномъ отношеніи.*"

у *охотниковъ* проходитъ въ бездѣятельности..... можетъ быть весна будетъ счастливѣе осени, далъ-бы это Богъ. Вотъ и одна новость; начинаю другую, а именно: пшеница въ Одессѣ не въ цѣнѣ по причинѣ осеннихъ вѣтровъ. И наша аристократія *будетъ бичемъ посвистывать*, сколько по причинѣ пониженія цѣнъ на зерновой хлѣбъ, столько и по причинѣ эманципаціи крестьянъ, *которые въ этихъ губерніяхъ заражены душкомъ и питаютъ въ сердцѣ старинную месть* за прошедшее, потому самому не хотятъ слушать и работать; поэтому хлѣбъ во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ стоитъ въ полѣ; *а помѣщики, что называется, опустили носы на квинту*; только нашъ братъ *шляхтичь, всегда рѣзвый, дѣятельный и охотный* **всегда хорошо** *думаетъ и хорошо дѣлаетъ*. Вотъ нѣтъ слуги, потому что тяжелыя времена, то самъ и дровъ нарубитъ и лошадь осѣдлаетъ, очиститъ ее и напоитъ, и косить научится, а жать? — это старая штука — (ибо молотильныя и жатвенныя машины даромъ не гніютъ)— *жать и колотить колосьямъ головки* (karki), нѣтъ ничего для него (шляхтича) страшнаго, потому что *шляхта давно приготовилась къ этому, и въ настоящее время должна будетъ въ этомъ упражняться..... бери, Михаилъ, что Богъ посылаетъ и за то спасибо.* — Но госпожа аристократія *сжимается и увивается, какъ вьюнъ,* и J. предвидитъ черную будущность; а нашъ братъ всему этому смѣется, такъ какъ онъ увѣренъ, *что ему нечего терять кромѣ хорошихъ желаній и преданности.... труду* (?) Демократизмъ посвящался безъ всякихъ разсчетовъ и спекуляціи и ему нѣтъ ничего страшнаго, онъ несокрушимъ въ бѣдствіи, не испугается голода, не убоится мороза, а дождь—это Божія роса, которая его отрезвляетъ и въ трудахъ подкрѣпляетъ.—А послѣ всего этого мы ведемъ жизнь лѣнивую; экономничать нѣтъ средствъ, а въ особенности энергическимъ лицамъ и привыкшимъ къ порядку, который теперь оставленъ въ совершенномъ небреженіи (rozpręzony) и проч.»

Письма профессора Балтазара Калиновскаго [1]) къ профессору Спасовичу.

25 Января 1863 года.

(Прислано съ инж. офиц. Шалевичемъ).

«Ужасныя вѣсти изъ нашего края привезла намъ сегодняшняя почта, и хотя я думаю, что должно быть много преувеличенія въ корреспонденціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» о какой-то Варѳоломѣевской ночи, однакоже предвижу, что это грозитъ чемъ то ужаснымъ. Это извѣстіе тѣмъ неожиданнѣе, что въ послѣднихъ письмахъ изъ Польши, я читалъ, что наборъ въ Крулевствѣ еще идетъ спокойно, что этимъ *освобождаются отъ терроризма партіи дѣйствія* (движенія—ruchu). Во всякомъ случаѣ печальна эта борьба *безъ всякой надежды на возстаніе всего народа*, а въ успѣхъ ея вѣрятъ тѣ, которые стоятъ во главѣ движенія. Борьба эта безъ исхода, а скорѣе съ ужасными послѣдствіями. Когда наступитъ послѣдній актъ этой кровавой трагедіи? Я объясняю себѣ рановременность ея—состояніемъ отчаянія присужденныхъ въ рекруты. Но тѣмъ большая отвѣтственность падаетъ на Велепольскаго, который непосредственно вызвалъ ее *теперь?* Трудно здѣсь [2]) убѣждать въ справедливости противъ всѣхъ и идти такъ смѣло противъ всѣхъ, точно также какъ трудно съ помощію беззаконности ввести законный порядокъ. Отнюдь не оправдываетъ это и тѣхъ, которые дали *рано* сигналъ къ вооруженному сопротивленію. Ежели это тѣ господа, *которые сидятъ въ Парижѣ* и управляютъ возстаніемъ, то, конечно, весь край пойметъ несообразность мечтаній *этихъ* предводителей, гордыхъ—такъ дорого; но какъ дорого онъ пріобрѣтетъ позднюю опытность. Въ эту минуту пришли мнѣ на мысль два ворона, сидящіе

---

1) Товарища Огрызки по университету.

2) Въ Астрахани.

на соснѣ и предвѣщающіе черную будущность. Не думалъ я, чтобы она такъ скоро наступила. Я понялъ также, что справедливъ былъ Сигизмундъ (Сѣраковскій), такъ высоко цѣнящій телеграфы, и убѣдился окончательно въ ложности словъ Альфонса (Оскерко)[1]), утверждающаго, что все равно, сегодня или завтра, или черезъ три недѣли, прочитаемъ газеты. Я хотѣлъ бы, чтобы онъ хоть на минуту побылъ въ моемъ положеніи и убѣдилъ тебя, какъ трудно ждать почты, которая сюда приходитъ только два раза въ недѣлю. Мѣста спокойнаго найдти нельзя; человѣкъ, какъ въ горячкѣ, ничѣмъ не можетъ заняться. Въ такомъ состояніи, даю честное слово, если бы я былъ въ крулевствѣ, то и самъ бы не выдержалъ и бросился бы, безъ всякой пользы, куда нибудь въ огонь, чтобы хоть разомъ все покончить.—Что же теперь должно быть на мѣстѣ?.........»

---

25 Февраля.

«Уже давно ты долженъ былъ получить то письмо, которое должно быть послано тебѣ *съ однимъ офицеромъ, инженеромъ* Шалевичемъ, братомъ также инженера, очень набожнаго человѣка, умершаго въ монастырѣ Піяровъ, котораго ты вѣрно помнилъ.........

«Въ самомъ дѣлѣ твои письма имѣютъ видъ телеграфическихъ депешъ съ прибавкою того, что они незаключаютъ въ себѣ *того*, что меня всегда болѣе интересуетъ. Но я не за то имѣю къ тебѣ претензію, а за одно выраженіе, которое до сихъ поръ раздается у меня въ ушахъ: *что* (*Варшавской рѣзней*) *очистится воздухъ знойный, душный, въ которомъ ни жить, ни дѣйствовать не было возможности.* Любезный мой! страшно боюсь я, чтобы ты не сдѣлался доктринеромъ еще болѣе сухимъ нежели самъ Чичеринъ. Навѣрное и самъ Велепольскій ничего бы болѣе сказать не могъ, и можетъ служить продол-

1) Товарищъ Огрызки по Минской гимназіи.

женіемъ того, что сказалъ когда-то незабвенный генералъ Себастіанъ: что *нарушенъ порядокъ*. Ежели бы я не зналъ, что ты часто любишь подразнить людей, пускать шершня въ родѣ того какъ нѣкогда Ржевускій передразнивался съ нами, доказывая, *что у кого, кромѣ* **чувства**, *нѣтъ и хорошо наполненной шкатулки,—тотъ мошенникъ, или кандидатъ въ него*,—то я серьезно разсердился бы на тебя. Но я спрашиваю тебя: что за охота тебѣ дразнить меня теперь безоружнаго. Хорошо это съ Зигмунтомъ (Сѣраковскимъ), который будучи тамъ хорошенько тебя поругаетъ и тѣмъ кончится, а я и этого удовольствія лишенъ. Я воображаю себѣ, какъ онъ и г. Фердинандъ (Варавскій) должны были подскочить на креслахъ, слыша что либо подобное, потому что во всякомъ случаѣ немилосердно кажется мнѣ отзываться о чужой боли, а что это боль ужасная [1]), противъ этого говорить нечего. Не знаю какимъ образомъ въ эту минуту пришла мнѣ на мысль фигура умирающаго гладіатора, передъ которою я по цѣлымъ часамъ стоялъ въ Виленскомъ музеумѣ. Я знаю, что я не слишкомъ впечатлительный человѣкъ, однако, смотря на эту фигуру, былъ какъ бы подъ вліяніемъ величія, и чѣмъ болѣе всматривался въ нее, тѣмъ болѣе проникался чувствами, которыя на ней изображались. Есть въ ней и отчаяніе безпомощнаго положенія, и презрѣніе къ тѣмъ *тиранамъ*, жаждущимъ кровавыхъ игръ, и печаль о потерянной ойчизнѣ, объ оставленномъ гдѣ-то семействѣ, можетъ быть нуждающемся въ его помощи, и боль, что онъ, одаренный такою великою силою и стремленіемъ къ великимъ подвигамъ, такъ постыдно долженъ кончить жизнь; если бы ты пристальнѣе всмотрѣлся въ боль этого мученичества, то навѣрно съ твоихъ устъ не сорвалось бы подобнаго выраженія. Часто думая теперь о нашихъ прежнихъ спорахъ, я не могу понять твоихъ доказательствъ, совершенно противорѣчащихъ

---

1) Т. е. боль безсильной злобы.

между собою, доказательствъ съ одной стороны *защитника теоріи слишкомъ прогрессивныхъ*, съ другой— *неумолимаго судьи всего, что не имѣетъ удачи.* Но довольно объ этомъ; мнѣ кажется, я придаю болѣе важности, нежели ты самъ, словамъ, пущеннымъ на вѣтеръ . . . .
Послѣднія извѣстія всего яснѣе показываютъ, что вся Европа иначе, нежели ты, глядитъ на польское дѣло. Ежели правда, что *Морни* ѣдетъ въ Петербургъ (?!), то кто знаетъ, не возвратится ли *хоть* конституція 15 года. Во всякомъ случаѣ, мы выиграемъ то, что судить насъ будутъ полегче и край столько жертвъ не понесетъ.....“

Относительно средствъ, на которыя предпринято было изданіе газеты «Słowo», Огрызко, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«Такъ какъ капиталъ, собранный мною на службѣ у А. Н. Карамзина и въ управленіи дѣлами наслѣдниковъ тайнаго совѣтника Н. Н. Демидова былъ весьма незначителенъ, то на расходы по изданію журнала вдовою (послѣ А. Н. Карамзина) Авророю Карловною Карамзиною былъ открытъ мнѣ кредитъ въ управленіи Демидовыхъ. Вся полученная изъ управленія дѣлами Демидовыхъ на первоначальные расходы по изданію сумма была возвращена мною въ началѣ 1859 года изъ денегъ отъ подписки на журналъ; когда же изданіе журнала, по причинѣ помѣщенія въ немъ *письма Лелевеля*, было запрещено (при чемъ я, по Высочайшему повелѣнію, былъ посаженъ въ крѣпость, но чрезъ двѣ недѣли освобожденъ [1]), то, для разсчета съ подписчиками и для устройства *моихъ дѣлъ въ большемъ противу прежняго размѣрѣ*, мнѣ снова былъ открытъ кредитъ въ управленіи дѣлами Демидовыхъ. Съ помощію

1) ,,Колоколъ“ на этотъ арестъ своего компаніона отозвался— и увѣрялъ что Огрызко арестованъ невинно.

этого кредита и доходовъ отъ типографіи, а также другихъ небольшихъ займовъ, я устроилъ типографію въ довольно большомъ размѣрѣ [1]).»

И такъ, Огрызко, какъ настоящій послѣдователь польскаго катехизиса,—*на русскія деньги* предпринялъ печатную *пропаганду польской справы;* и когда правительство, замѣтивъ, куда направляется польское „Слово", закрыло эту газету, то Огрызко принялъ видъ жертвы и тѣмъ разжалобилъ и возбудилъ свойственное русскому человѣку сочувствіе къ *несчастному;* слѣдствіемъ чего и было, что онъ снова получилъ *русскія деньги* для устройства *своихъ дѣлъ въ большемъ противу прежняго размѣрѣ.*

Устроенная такимъ образомъ на русскія деньги типографія сильно подвинула впередъ дѣло польскаго заговора тѣмъ, что дала возможность Огрызкѣ завести *легальныя сношенія* съ заграницею и со всевозможными городами Россіи и Царства Польскаго. Вездѣ могъ онъ безопасно поддерживать свои сношенія съ лицами, предан-

---

1) Въ этомъ случаѣ Огрызко поступилъ по принятому эмиграціею правилу: стараться пріобрѣсть расположеніе одного изъ богатыхъ русскихъ семействъ; заняться его дѣлами, какъ слѣдуетъ, и тѣмъ пріобрѣсть протекцію и право говорить, что онъ работалъ въ пользу русскаго семейства, а слѣдовательно, и государства; а въ случаѣ надобности воспользоваться расположеніемъ, протекціею и кредитомъ этого семейства,—какъ и сдѣлалъ Огрызко. Вообще, о дѣйствіяхъ и правилахъ эмиграціи смотри „Вѣстникъ западной Россіи" и особую книгу В. Ѳ. Ратча: „*Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—1863 г.*" Вильна 1866 года.

ными польскому дѣлу, которыя, подъ видомъ книгопродавцевъ, коммиссіонеровъ, издателей, или писателей, доставляли ему требуемыя свѣдѣнія и получали отъ него таковыя же; а принятая Огрызкою съ нѣкоторыми личностями условная азбука, въ видѣ счетовъ съ подведеннымъ подъ ними итогомъ [1]), дѣлала эти сношенія окончательно безопасными.

По устройству мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ на первомъ планѣ стоитъ тотъ ,,*кружокъ*" 1848 года польскихъ студентовъ Петербургскаго университета, которомъ я имѣлъ случай прежде упомянуть и о которомъ въ рукописи В. Ѳ. Ратча мы читаемъ:

,,Изъ него (изъ этого кружка) вышли ревностные дѣятели мятежа, такъ: Вице-Директоръ неокладныхъ сборовъ Іосафатъ Огрызко [2]) сталъ главнымъ агентомъ въ Петербургѣ отъ польскаго ржонда; генеральнаго штаба Капитанъ Сѣраковскій [3]) сталъ воеводою Литвы и Бѣлоруссіи... учитель Вацлавъ Пржибыльскій [4]) секретаремъ Литвы при Варшавскомъ ржондѣ; . . . . —помѣщики: Яковъ Гейшторъ [5]), Александръ Оскерко [6]), князь Николай Гедройцъ [7]) — всѣ трое члены Литовскаго революціоннаго комитета; Ѳаддей

---

1) Показаніе одного изъ сотрудниковъ Огрызки, по дѣлу отправки изъ Петербурга офицеровъ въ шайки мятежниковъ, объясняетъ эту условную азбуку.

2) Сосланъ въ каторжную работу.

3) Повѣшенъ

4) Бѣжалъ за границу.

5) 6) 7) Сосланы въ каторжную работу.

Чудовскій [1])—главный организаторъ Могилевскаго возстанія, Болеславъ Свида [2])— революціонный начальникъ, и другіе.

,,Первые..... (съ другими своими пріятелями тоже бывшими студентами Петербургскаго университета 48—49 годовъ) работали въ Петербургѣ. Устроясь по строгимъ правиламъ европейскихъ революціонеровъ, обработаннымъ Буонаротти, они вошли въ составъ Петербургскаго *ареопага*, который: 1) на письмѣ и на словахъ, долженъ былъ держать себя въ *легальныхъ границахъ*, 2) дѣйствовать легальными средствами, 3) не подавать ни малѣйшихъ поводовъ къ обличенію въ измѣнѣ, 4) дѣйствія свои прикрывать усерднымъ участіемъ въ общественномъ благѣ, и 5) даже гдѣ представлялась возможность, выказывать себя тружениками *въ прямыхъ видахъ* правительства; словомъ, совершенно также, какъ нѣкогда дѣйствовалъ въ Россіи князь Чарторыйскій, какъ дѣйствовали революціонеры во Франціи и Германіи.''

И какъ наконецъ намѣревалась дѣйствовать та среда, изъ которой вышелъ Каракозовъ, именно: [3]) чтобъ скрыть передъ правительствомъ цѣль зловредной пропаганды.

,,Консерватизмъ на словахъ и прогрессъ на дѣлѣ,'' по словамъ одного изъ обвиненныхъ по Каракозовскому дѣлу, ,,долженъ быть лозунгомъ *друзей русской грамотности*, ихъ тайною заповѣдью, скрытою отъ глазъ непосвященныхъ. Не стараться явно противудѣйствовать устройству контроля со стороны правительства надъ дѣйствіями *общества*, а стараться воспользоваться имъ для *своей* цѣли, замѣстивъ должности надзорщиковъ людьми изъ *своей* партіи''....

---

1) Убитъ въ шайкѣ.

2) Сосланъ въ каторжную работу.

3) См. «Биржевыя Вѣдомости» 1866 г. № 167.

Какъ это пахнетъ польскимъ духомъ! Сознавъ необходимость увеличить панургово стадо, этотъ *ареопагъ* началъ свою вербовку и сталъ всячески прикрывать польскую пропаганду непроницаемымъ туманомъ прогресса, гуманности, либерализма и идеею сближенія Поляковъ съ Русскими; сталъ пользоваться всѣмъ, чтобы, отуманивъ все русское общество, подготовить его и сдѣлать воспріимчивымъ къ сочувствію при дальнѣйшихъ ихъ продѣлкахъ.

,,Подобно какъ и во всѣхъ революціяхъ, (говоритъ В. Ѳ. Ратчъ), *ареопагъ* этотъ совѣщался о пригодныхъ мѣрахъ, о наивыгоднѣйшихъ средствахъ, объ удобныхъ минутахъ, давалъ направленіе и руководилъ всѣмъ дѣломъ.“

Одинъ изъ главныхъ членовъ Варшавскаго ржонда о составѣ этого верховнаго ,,кружка“ говоритъ:

,,Къ числу людей, составляющихъ этотъ «кружокъ», на сколько *мнѣ* извѣстно, принадлежали всегда: Профессоръ университета Спасовичъ (Владиміръ), Сигизмундъ Сѣраковскій, Іосафатъ Огрызко, Эдуардъ Желиговскій (поэтъ), Балтазаръ Калиновскій—профессоръ и какіе-то Рехневскіе. Дѣятельность ихъ была сначала чисто литературная — польская и не составляла опредѣленнаго комитета съ непосредственными опредѣленными цѣлями . . . . Всѣ вышеупомянутыя лица, за исключеніемъ Огрызки, не находились *въ прямыхъ сношеніяхъ* съ революціонною организаціею. . . . Огрызко хотя получилъ назначеніе изъ Варшавы отъ имени центральнаго комитета, однако-же находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ только съ Виленскимъ комитетомъ, отчасти потому, что былъ лично знакомъ

съ членами его; отчасти по большей удобности сношеній съ Вильною; отчасти потому, что дѣятельность его въ Петербургѣ только для возстанія въ Литвѣ могла быть полезной‘‘....

Такимъ образомъ былъ созданъ „*центръ*‘‘, изъ котораго пропаганда должна была разойтись по всему пространству Россійской Имперіи и заставить массу преодолѣть инерцію покоя и довѣрія къ своему Правительству. Для этой задачи нужны были второстепенные дѣятели, не только для легальной пропаганды, но и для другихъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Нужно было, такъ сказать, создать цѣлую лѣстницу заговорщиковъ, которая, прикрываясь дальнѣйшими послѣдовательными слоями заговора, ограждала бы себя отъ непріятныхъ послѣдствій быть узнанной правительствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно приходила бы въ прикосновеніе съ народомъ. Система эта почиталась, по *теоріямъ запада*—самою безопасною, а потому и въ Петербурбѣ было строго соблюдено правило, что чѣмъ выше въ заговорѣ стояла какая нибудь личность, тѣмъ большею таинственностью она была окружена и ее знали только немногіе—*самые испытанные*.

Поручикъ Владиславъ Коссовскій, между прочимъ, говоритъ:

„Лица незнакомыя при сношеніи между собою не назывались по имени и фамиліи, а предъявляли маленькія записочки приблизительно слѣдующаго содержанія: Предъявитель сего заслуживаетъ—на полное довѣріе;

лицамъ же, которымъ сіе будетъ предъявлено, вмѣняется въ обязанность выполнить требованія посланнаго подъ отвѣтственностью предъ законною (!?) властію и опасеніемъ подвергнуться тяжелому наказанію и преслѣдованію. Поздравленіе и братство. — На карточкахъ этихъ имѣлись печати: одна голубая, круглая, а другая черная, составленная изъ нѣсколькихъ буквъ, сплетенныхъ въ видѣ вензеля."

Вслѣдствіе этого правила по юридическому суду только двое изъ этого „*центра*" — Огрызко и Сѣраковскій *оказались виновными передъ закономъ;* да и тѣ попались только потому, что побуждаемые громадными размѣрами затѣваемаго мятежа рѣшились выйдти изъ круга главныхъ, таинственныхъ, болѣе опасныхъ дѣятелей и приняли на себя, такъ сказать, второстепенныя дѣйствующія роли. Оба „*столба*„ вели свои дѣла такъ ловко, что Огрызко въ своихъ преступленіяхъ сознался только взятый врасплохъ, а Сѣраковскій своему участію предпослалъ такую благовидную дѣятельность, что „безъ пули русскаго солдата [1]" онъ бы всегда имѣлъ на своей сторонѣ *легальные доводы* для оправданія и едва-ли было-бы *достаточно юридическихъ данныхъ* къ его обвиненію [2]).

---

1) Заграничный отпускъ въ карманѣ, написанная статья противъ мятежа, въ которой порицалось безумство Поляковъ, милости начальства—все это могло служить ему оправданіемъ, если бы ему удалось добраться до границы.

2) При пополненіи этого изданія я заимствовалъ многое изъ рукописи В. Ѳ. Ратча, съ дополнительными къ ней примѣчаніями, которому покойный графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ пору-

,,Если для юридическихъ доказательствъ, говоритъ въ своей рукописи В. Ѳ. Ратчъ, нужны говорящіе факты, или собственное сознаніе, и тогда только судъ налагаетъ на обвиненнаго законную кару, за то исторія имѣетъ свои права; для нея достаточно одной уличающей записки, одного высказаннаго характеризующаго слова, чтобы, сводя въ одно общее цѣлое замыслы и дѣйствія всѣхъ дѣятелей, сближая отдѣльныя дѣла, изъ массы ихъ выяснить себѣ значеніе разныхъ личностей и предать ихъ на судъ потомства.''

Каждый изъ членовъ ,,*центра*'' долженъ былъ набрать свой ,,кружокъ''—второстепенныхъ дѣятелей и съ ними прямо сообщаться. Второстепенные коноводы каждаго ,,кружка'' знали изъ высшаго ,,центра'' только того члена, къ которому принадлежали и то не всегда сознательно понимали все его значеніе въ заговорѣ.

Петербургскій ,,*центръ*,''избравъ для себя дѣятельность безопасную, положилъ имѣть свой органъ—польскую газету ,,Słowo,'' которая и начала въ 1859 году издаваться въ Петербургѣ. Столбцы ,,*Слова*'' назначались преимущественно

чилъ собрать свѣдѣнія о мятежѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Масса матеріаловъ, собранная В. Ѳ. Ратчемъ, объяснила дѣятельность личностей, которыя въ свое время, по слѣдствію, *за неимѣніемъ достаточныхъ юридическихъ данныхъ—не были арестованы.* Скажу словами поставленнаго мною эпиграфа изъ ,,Мертвыхъ Душъ'': *,,Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже наконецъ и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровеннѣйшая цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ и т. д.''*

для крестьянской реформы и для расширенія границъ Рѣчи посполитой, т. е. для подготовленія общества къ тому, чтобъ имѣть предлогъ сказать:

,,Что необходимъ выводъ русскихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, *гдѣ масса (!) народа (?) или говоритъ по польски, или привязана къ прежней уніятской вѣрѣ*, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ (?) имѣетъ если не имя Поляковъ, то **польскій духъ**.''

Для распространенія этого *польскаго духа*, какъ говоритъ въ своей рукописи В. Ѳ. Ратчъ:

,,Огрызко началъ изданіе польской газеты *Слово*, и потому подъ именемъ членовъ *комитета редакціи* польской газеты, Огрызко установилъ свое положеніе въ ,,организаціи,'' и хотя по выходѣ нѣсколькихъ нумеровъ газеты ,,*Слово*'' она была запрещена, но типографія ея осталась въ рукахъ ,,центра.''

Объ этой типографіи въ показаніи самаго Огрызки мы находимъ слѣдующее:

,,Въ домѣ Гейденрейха жилъ я съ Эдуардомъ Желиговскимъ и Антономъ Бялецкимъ (изъ Познани), бывшими сотрудниками моими по редакціи журнала; первый изъ нихъ, вскорѣ послѣ запрещенія журнала, кажется въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 года, уѣхалъ въ одну изъ западныхъ губерній, а потомъ черезъ нѣкоторое время, пріѣхавъ обратно въ Петербургъ, получилъ паспортъ и отправился за границу;...Бялецкій жилъ со мною на одной квартирѣ и постоянно былъ моимъ помощникомъ по изданію собранія древнихъ польскихъ законовъ, извѣстнаго подъ названіемъ ,,*Volumina legum*,'' почти до самаго окончанія этого изданія; послѣ чего онъ уѣхалъ за границу, откуда былъ приглашенъ для занятія каѳедры въ главной школѣ въ Варшавѣ, гдѣ, сколько мнѣ извѣстно, онъ находится и въ настоящее время; лѣтомъ 1860 или 1861 года я

нанялъ помѣщеніе для типографіи также въ Коломнѣ, на углу Могилевской и Канонирской улицъ, въ домѣ Петрашевскаго, въ томъ же домѣ я нанялъ квартиру и для себя...... Въ домѣ Харламова жилъ у меня нѣкоторое время чиновникъ Длужневскій, занимавшійся конторскими дѣлами типографіи, а потомъ студентъ медико-хирургической академіи Сенькевичъ; въ домѣ же Петрашевскаго конторскими дѣлами типографіи, кажется до февраля мѣсяца 1862 года, занимался жившій у меня дворянинъ Залѣсскій, а потомъ завѣдывалъ типографіею Игнатій Чарноцкій, бывшій въ то время секретаремъ Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ..... Въ началѣ лѣта 1862 года я пригласилъ приходить ко мнѣ для завѣдыванія типографіею подъ моимъ надзоромъ титулярнаго совѣтника Рогальскаго; въ концѣ же лѣта 1862 года, по случаю командировки моей въ Смоленскъ, а потомъ въ Землю Войска Донскаго.... я, пользуясь пріѣздомъ изъ Вологды въ Петербургъ, остановившагося у меня бывшаго товарища моего по университету, учителя, Пржибыльскаго, [1]) просилъ его жить въ моей

---

1) „Вацлавъ Пржибыльскій былъ учителемъ Виленскаго Раввинскаго училища и Дворянскаго института. Онъ былъ однимъ изъ ретивыхъ членовъ Виленскаго заговорнаго комитета. Музей въ Вильнѣ, изъ котораго *изгонялось все русское, и въ которомъ фабриковалось все польское,* былъ первымъ пособіемъ Пржибыльскому для подготовленія молодежи. Какъ учитель естественной исторіи въ Виленскомъ институтѣ, онъ получилъ разрѣшеніе отъ начальства водить туда по два раза въ недѣлю воспитанниковъ осматривать чучелы птицъ, помѣщенныхъ въ орнитологическомъ залѣ. (легально!) Надъ дверями зала появилась доска; съ написанными мѣломъ именами маршаловъ литовскаго трибунала и картина *умирающій Гладіаторъ.* (См. стр. 36, письмо Калиновскаго). Пржибыльскій отъ чучелъ сталъ переходить и къ другимъ предметамъ, болѣе напоминавшимъ польскую старину, въ которыхъ (во время этихъ лекцій) не было недостатка въ музеѣ. Множество публики, особенно дамъ, стало стекаться послушать разъя-

квартирѣ и имѣть надзоръ за типографіею до моего возвращенія изъ командировки; послѣ возвращенія моего въ Петербургъ, т. е. въ началѣ января 1863 г., Пржибыльскій отправился въ Вильну (и Варшаву).... Типографію я продалъ титулярному совѣтнику Рогальскому и провизору фармаціи Сущинскому 1-го декабря 1863 года, каждому въ ровной части.“

Приведенныя выше нѣкоторыя изъ писемъ *въ редакціонный комитетъ* знакомятъ и объясняютъ мысль, которую собирался проводить петербургскій польскій журналъ, и съ тѣмъ, какихъ направленій были приглашены для него сотрудники. Приведенное же сейчасъ показаніе Огрызки, рисуетъ и его типографію.

Петербургскій „*центръ*“ съ величайшею осторожностію велъ свои сношенія съ заграницею, Варшавою, Вильною и проч. Сношенія эти производились преимущественно изустно—поѣздка-

---

сненій и объясненій Пржибыльскаго, обратившихся совершенно въ лекціи, но далеко не по естественной исторіи. Имена и портреты польскихъ „столбовъ“ старой Рѣчи Посполитой до того воспламеняли патріотическія рѣчи, что, по выраженію самихъ Поляковъ, *музей обратился въ клубъ;* начальство запретило Пржибыльскому водить туда воспитанниковъ читать тамъ свои лекціи и признало его *неблагонадежнымъ.* Чрезъ два года, онъ высказался еще болѣе при начавшихся безпорядкахъ; и наконецъ онъ настойчиво требовалъ напечатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» ярой статьи, почему былъ переведенъ въ 1861 году по распоряженію начальства *учителемъ въ Вологодскую гимназію.*“ Оставивъ въ 1862 году Вологду Пржибыльскій прибылъ въ Петербургъ, помѣстился у Огрызки и, подготовивъ вмѣстѣ съ нимъ все къ возстанію, отправился въ Варшаву.

ми дѣятелей; письма же пересылались только съ особо довѣренными лицами, преимущественно, черезъ Поляковъ и такъ называемыхъ Французовъ (эмигрантовъ Поляковъ) [1]), служившихъ въ администраціи желѣзной дороги и кондукторами дилижансовъ; пересылка же чрезъ почту—по возможности—избѣгалась. Но и при этихъ мѣрахъ осторожности переписка все-таки (съ малымъ исключеніемъ) велась иносказательно. Такъ что попавшееся письмо никогда не могло быть *ясною юридическою уликою*; кромѣ того многіе корреспонденты имѣли свои условленные термины [2]), которые непосвященнаго окончательно сбивали съ толку. Такъ въ рукописи В. Ѳ. Ратча мы находимъ слѣдующее интересное мѣсто:

,,Когда одного русскаго ученаго изъ Петербурга приглашали въ Вильну, дабы втереть ему въ глаза, что Литва—край по преимуществу польскій при оставшихся (искусственно фабрикуемыхъ) письменныхъ

---

1) По словамъ нѣкоторыхъ, передъ мятежомъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ устроились разныя иностранныя агенства для покупки машинъ и проч., въ которыхъ подъ личиною людей разныхъ національностей являлись польскіе эмигранты

2) Кромѣ вышеприведенной азбуки, въ видѣ счетовъ съ подведеннымъ подъ нимъ итогомъ и термина *Панургова стада*, были еще приняты слѣдующія замѣненія словъ: *великое будованіе* — освобожденіе ойчизны. Россія—*опекунъ;* Пруссія—*сосѣдъ*, заговоръ—*финансы;* оружіе—*хлѣбъ; рубль*—револьверъ; Варшава—*Поневѣжъ;* Вильна—*Россіены;* Герценъ-*Сердечникъ;* Николай Утинъ-*жидъ;* Русскіе революціонеры — *факторъ;* повстанье — *деньги;* организація — *шляхтичъ;* пропаганда — *школа* или *охота*, Мѣрославскій—*Магдалина* и т. п.

и нѣмыхъ памятникахъ ея прошедшей жизни; тогда о его скоромъ прiѣздѣ Александръ Оскерко былъ увѣдомленъ запискою объ отправленiи *тонкорунного барана* для усовершенствованiя породы овецъ, которымъ многiе помѣщики-*овцеводы* могутъ воспользоваться, и какъ рѣдкiй экземпляръ требуетъ особаго попеченiя [1])... Изъ нѣкоторыхъ уцѣлевшихъ писемъ, которыя были забраны полицiею, находимъ, что Петербургскiй *редакцiонный комитетъ* былъ въ сношенiяхъ съ главными литовскими коноводами заговора, одинаково, какъ *бѣлой*, (Александръ Оскерко, Яковъ Гейшторъ и графъ Викторъ Старжинскiй) такъ и *красной* (Людвигъ Жвирждовскiй, Францъ Далевскiй и Константинъ Калиновскiй), партiи и *не оставлялъ увѣдомлять ихъ о подробностяхъ всѣхъ событiй петербургской жизни, которыя могли быть чѣмъ нибудь пригодны для подземной работы*, и о успѣхахъ ихъ литературной дѣятельности. Интересны также разсказы нѣкоторыхъ подсудимыхъ о томъ, какъ попадались въ панургово стадо и тѣ дѣятели русской литературы, которыхъ, конечно, никто не упрекнетъ въ недостаткѣ теплоты и искренней любви къ своему отечеству....

,,Такъ называемые члены *редакцiоннаго комитета*, давно уже для панургова стада ловили (*sic*) профессора Костомарова, какъ человѣка пользовавшагося репутацiею въ университетѣ. Изъ ихъ переписки видно, что профессоръ Костомаровъ отстаивалъ особую украинскую нацiональность [2]); а польскiе верховные коноводы желали Украйну включить въ замышляемое громадное славяно-польское государство и стремились создать въ ней польскую нацiональность учеными розысканiями. Въ то время, когда эти ученыя розысканiя начинаются съ Варяговъ, которые по ихъ изслѣдованiямъ

1) Записка нечаянно попала на глаза одному непосвященному помѣщику, который принялъ ее въ буквальномъ смыслѣ и непремѣнно хотѣлъ для своихъ четвероногихъ овецъ воспользоваться Малороссiйскимъ тонкорунным бараномъ.''

2) См. страницу 29.

„*ввели въ Украйну рабство и всевозможное зло, которое Польша не стерпѣла*“, они предсказываютъ, что Костомаровъ „измѣльчаетъ и погибнетъ“, если онъ при своихъ украйнофильскихъ тенденціяхъ, *проникнутый сепаратизмомъ, съ ненавистью къ польскому міру, поднимаетъ вѣковую гробовую крышку прошедшаго народовъ.*“ Далѣе мы находимъ еще: „*въ* Костомаровѣ *нельзя искать католицизма потому, что его тамъ нѣтъ.*“ [1]) Чтобы въ г. Костомаровѣ поколебать его украйнофильскія тенденціи, изъ присланныхъ изъ Италіи историческихъ документовъ, касающихся Польши, почитаемые пригодными, назначались г. Костомарову, между прочимъ одинъ, въ которомъ *очень ясно говорится что* Хмѣльницкій *хотѣлъ принять исламизмъ и цѣлую Малороссію привести въ исламизмъ.*

„Видя въ г. Костомаровѣ *упрямаго украйнофила* [2]), который не могъ идти на удочку католицизма, они хотѣли покрайней мѣрѣ учеными трудами г. Костомарова—Литву спасти для Польши въ глазахъ Русскихъ. Его привезли въ Вильну и изъ нея его развозили по разнымъ монастырямъ и замѣчательнымъ мѣстамъ для польской исторіи. Приливъ *овцеводовъ* былъ такъ великъ, что г. Костомаровъ, обработывая собираемое, долженъ былъ запираться на ключъ въ номерѣ гостинницы и не сказываться дома.“

Одинъ изъ членовъ петербургскаго революціоннаго комитета говоря, о первыхъ проявленіяхъ политической дѣятельности, между прочимъ, на основаніи выводовъ Сѣраковскаго и Подлевскаго, долго изучавшихъ и ловившихъ Шевченку, говоритъ слѣдующее:

„Первымъ, сколько мнѣ извѣстно, проявленіемъ политической дѣятельности въ Петербургѣ были похороны Тараса Шевченки. Стеченіе публики, слѣдовавшей за гробомъ, *могло быть* приписываемо желанію почтить память вдвойнѣ замѣчательнаго человѣка: ху-

---

[1]) [2]) См. стр. 29 и 30

дожника-живописца и народнаго поэта. Рѣчи надгробныя, читанныя на трехъ языкахъ: русскомъ, малороссійскомъ и польскомъ, *могли быть* выраженіемъ дани угасшему таланту. Таково, если можно такъ выразиться, поверхностное объясненіе случившагося, или другими словами, *таково было легальное объясненіе.* Дѣйствительно-ли Шевченко былъ такъ замѣчателенъ своими произведеніями живописи и поэзіи; дѣйствительно-ли онъ былъ такъ *популяренъ* и *народенъ въ Россіи*, что отъ имени всѣхъ трехъ славянскихъ племенъ, явились ораторы въ столицѣ Россіи и общими силами склонили триязычный панегирикъ—не думаю; если бы даже я ошибся и возможно было доказать *его русскую популярность*, то все таки, вышеприведенные два факта: необыкновенное стеченіе публики и рѣчи на трехъ языкахъ, кромѣ *легальнаго* объясненія имѣютъ еще и другое,—истекающее изъ характеристики самой личности Шевченки, болѣе глубокое значеніе, которое относится, къ вышеприведеннымъ *легальнымъ* объясненіямъ, какъ сущность дѣла—къ его формѣ. Зная, дѣйствительно, всю фанатическую привязанность къ своимъ малороссамъ и столь же *фанатическую нелюбовь къ Русскимъ*, и въ особенности къ Полякамъ, странно было слышать что польская рѣчь раздается на могилѣ того, кто бранилъ Поляковъ—*непечатными словами;* странно было слышать и русское слово, хвалящее того, кто напрягалъ всѣ свои умственныя способности и нравственныя силы, *чтобы недопустить слиться своихъ земляковъ съ единовѣрными и соплеменными имъ Русскими*, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто въ родѣ щуки, готовой поглотить и переваривъ превратить въ свою плоть и кровь его золотую рыбку—Украйну. Всѣ эти странности объясняются слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ Шевченко былъ когда то въ ссылкѣ, слѣдовательно *онъ должно быть человѣкъ— либеральный*, а какъ таковой—имѣющій право на симпатію *либераловъ;* во-вторыхъ — онъ былъ извѣстенъ *какъ свободный мыслитель* (libre penseur), а какъ такому — всегда прощались грубыя выходки и рѣзкія сужденія, об-

леченныя, подъ пьяную руку, въ самыя грубыя формы, несвойственныя человѣку съ эстетическимъ чувствомъ, безъ котораго невозможно быть дѣйствительно талантливымъ живописцемъ и поэтомъ; въ-третьихъ ненависть къ Полякамъ начала по-немногу сглаживаться у Шевченки, послѣ возвращенія его въ Петербургъ и знакомства съ Сѣраковскимъ и Подлевскимъ; онъ убѣдился, что есть и между Поляками личности сочувствующія малороссамъ и раздѣляющія его сепаратистическія мнѣнія.

,,Чего хотѣлъ Шевченко? къ чему стремился? Былъ ли у него опредѣленный, ясный идеалъ впереди, къ которому онъ стремился; сознавалъ ли онъ окружающее настоящее, предвидѣлъ ли будущее, имѣлъ ли онъ ясно и опредѣлительно начертанную программу дѣйствія, слѣдуя которой онъ надѣялся достигнуть цѣли? На все это едва-ли можно отвѣчать утвердительно. Идеалъ Шевченки—хохолъ въ самомъ первобытномъ состояніи, съ подбритой чуприной, смазными сапогами, широкими съ матней шароварами, да плаксивыми думками. Шевченко самъ не умѣлъ ничего болѣе, какъ только,—не скажу порицать—это слово слишкомъ нѣжно для Тараса, а просто ругать настоящее и оплакивать прошедшее; онъ ровно ни къ чему не стремился; развитіе для него недоступно; напротивъ, если бы онъ могъ, то возвратилъ бы давно прошедшую сѣчь, воскресилъ бы времена Гайдамаковъ и Кашевыхъ, да такъ бы, глядя на нихъ сквозь слезы умиленія, и разстаялъ, строго завѣщавъ своимъ хлопѣямъ оставаться такими же навсегда.

,,Если Шевченко не былъ опасенъ для общественнаго спокойствія какъ руководитель, какъ мыслитель, то все таки *онъ много способствовалъ къ нарушенію этого спокойствія*,—какъ несносный воркунъ, ругающій все и всѣхъ, и тѣмъ самымъ разжигающій неудовольствіе въ тяготѣвшихъ къ нему законахъ, (!?)—неудовольствіе тѣмъ болѣе могущее быть плодоноснымъ, чѣмъ менѣе ясно была выяснена самая причина этого неудовольствія.

,,Отуманенный почетомъ, съ какимъ проводили Шевченку на кладбище, и влюбившись въ поэтизированную Шевченкою Украйну, Костомаровъ почувствовалъ вѣроятно въ себѣ *способность быть душеприкащикомъ и исполнителемъ воли* (!) *покойнаго* Шевченки; съ цѣлью сохранить чистоту малороссійскаго нарѣчія, охранить его цѣлость, создать искуственную литературу [1]) и тѣмъ помѣшать малороссійской народности слиться съ русскою, онъ [2]) предпринялъ изданіе журнала ,,Основы". Первая книжка была встрѣчена съ восторгомъ; на второй онъ уже спотыкнулся; учености у редактора оказалось достаточно, даже несравненно болѣе, чѣмъ у *самаго* Шевченки, да не хватило такту: вторымъ же выпускомъ Костомаровъ съумѣлъ оттолкнуть отъ себя Поляковъ, *забывъ, что въ нихъ выгоднѣе* (!) *ему было искать союзниковъ,* (?!) *чѣмъ противниковъ.* Ошибку эту онъ хотѣлъ было поправить *участіемъ въ манифестаціи, бывшей въ Петербургѣ 1-го марта, но и это не снискало ему потерянной симпатіи;* безтактность за безтактностью довели до того, что студенты просто уходили изъ аудиторіи съ появленіемъ молодаго профессора.

,,Вторымъ проявленіемъ внутренняго броженія, хотя болѣе слабымъ чѣмъ первое, можно считать похороны возвратившагося изъ эмиграціи полковника бывшаго польскаго войска Любанскаго. Едва ли чрезъ короткое время, какое жилъ Любанскій въ Петербургѣ, онъ могъ завести такое обширное знакомство, чтобы знакомыхъ этихъ достаточно было для наполненія костела Св. Екатерины; вѣроятнѣе, что слова *эмигрантъ* и *полковникъ бывшаго польскаго войска* оказали такое примѣчательное дѣйствіе на публику. Наконецъ третьимъ проявленіемъ и довольно уже яснымъ, была манифестація въ костелѣ Св. Екатерины 1-го марта, въ которой участвовало *много и не католиковъ*, а также

---

1) ,,*Кулешовку*,"

2) Вмѣстѣ съ Г. Кулешомъ.

попытка устроить въ Казанскомъ соборѣ панихиду по убіеннымъ въ Варшавѣ."

„Колоколъ" воспользовался этимъ промахомъ г. Костомарова инѣсколькихъ „*не католиковъ*" и на страницѣ 856-й возвѣстилъ слѣдующимъ образомъ о размноженіи *панургова стада:*

„28 февраля были похороны Т. Г. Шевченка, прахъ котораго на дняхъ будетъ перевезенъ въ Малороссію. По окончаніи похоронъ одинъ изъ студентовъ объявилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что завтра, т. е. 1-го марта, въ католической церкви будетъ реквіемъ въ память убитыхъ въ Варшавѣ 13 и 15 февраля. Реквіемъ дѣйствительно состоялся, на немъ присутствовали Костомаровъ, Спасовичъ и много другихъ профессоровъ. По окончаніи службы, Поляки пропѣли свой національный гимнъ, *Русскіе подтягивали.* Полковникъ Константиновскаго корпуса Р. началъ переписывать кадетъ, которые были въ костелѣ; это замѣтили, выпроводили полковника и на улицѣ освистали... Когда правительство узнало объ этомъ реквіемѣ, то были арестованы студенты, заказывавшіе его и уговаривавшіеся съ ксендзомъ. Надъ ними была назначена коммиссія... Тогда русскіе студенты составили слѣдующую подписку: «Мы нижеподписавшіеся были 1-го марта на реквіемѣ въ память убитыхъ въ Варшавѣ, участвовали въ пѣніи національнаго польскаго гимна и потому просимъ считать насъ равно отвѣтственными вмѣстѣ съ студентами изъ Поляковъ. Подписалось около 300 человѣкъ [1]) не Поляковъ (Sic). Подписка лежала въ студенческой библіотекѣ... Поляки были выпущены изъ подъ ареста... Поляки были выпущены, избѣгли опасности, вслѣдствіе чего не данъ былъ ходъ и подпискѣ... Уговаривали Костомарова сказать, что онъ зашелъ на реквіемъ нечаянно;

---

1) Вотъ какъ росло Панургово стадо.

Костомаровъ, конечно (?), отказался... Не знаемъ, правда ли это..."

Въ показаніи же одного изъ сотрудниковъ по комитету Огрызки, мы находимъ слѣдующее:

„Весьма естественно рождается вопросъ: какимъ образомъ дѣлалась *подготовка умовъ и пропагандировалась извѣстная мысль?* Былъ ли одинъ источникъ или нѣсколько, изъ которыхъ вытекало *бродильное начало;* по какимъ истокамъ оно распространялось и вливалось въ массу? Полное разъясненіе этого темнаго и сложнаго вопроса едва ли *теперь* историку возможно; можно дѣлать весьма правдоподобныя допущенія; вѣроятность будетъ очень большая, но достовѣрность едва ли достижима. Такъ извѣстно, что въ Петербургѣ образовались «*кружки*», такъ называемые *литературные;* одинъ, напримѣръ, кружокъ Домбровскаго, Гейденрейха, Варавскаго; другой Огрызки, Спасовича, Пржибыльскаго, Костомарова, Наржимскаго, Сѣраковскаго и Подлевскаго; третій — Утина, Пантелѣева; четвертый Энгельгардта, Лаврова, Шишкова, да вѣроятно сотня другихъ; какъ теперь объяснить возникновеніе перваго изъ нихъ; переходъ отъ «кружка» знакомыхъ къ «кружку» политическихъ дѣятелей; связь между однимъ и другимъ, а этого съ третьимъ и т. д. «кружками»? Трудная задача выпала на долю современнаго историка, описывающаго печальныя смуты послѣднихъ годовъ."

„Кружки" такъ называемые «*статскіе*» сосредоточивались около Огрызки. Одинъ изъ арестованныхъ, во время своего ареста и разговоровъ съ слѣдователями, понявъ всю интригу, которой онъ былъ слѣпымъ орудіемъ, и сознавъ всю пользу для края (который онъ считалъ отечествомъ) въ скорѣйшемъ прекращеніи зла раскрытіемъ всѣхъ

тайныхъ дѣятелей, — передъ самой уже отправкой въ ссылку, на прощаніе выразился:

„Во время моего пребыванія въ Петербургскомъ университетѣ, я былъ порученъ надзору Огрызки, а потому, если хотите вырвать зло съ корнемъ, если хотите дойти до источника, — ищите *вокругъ Петербургскаго* Огрызки; онъ имѣетъ свою типографію, и вы найдете болѣе нежели ожидаете; я подробностей не знаю, но оттуда пошла работа, и вы вырвете зло, котораго я сталъ жертвою."

Одинъ изъ трехъ членовъ Варшавскаго народнаго ржонда, у котораго сосредоточивались донесенія объ успѣхѣ пропаганды, говоритъ между прочимъ:

„«Кружки» эти (революціонные) стали образовываться скоро послѣ вступленія на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора, съ появленіемъ въ С.-Петербургѣ Сигизмунда Сѣраковскаго, и подъ его вліяніемъ; къ числу людей, составлявшихъ этотъ «кружокъ» (верховный, статскій), сколько *мнѣ* извѣстно, принадлежали всегда: Профессоръ университета Спасовичъ Владиміръ; Сигизмундъ Сѣраковскій; Іосафатъ Огрызко; Эдуардъ Желиговскій (поэтъ); Балтазаръ Калиновскій и какіе-то Рехневскіе."

Огрызко же самъ того не замѣчая, дополнилъ для историка свой «кружокъ» фамиліями: Станислава Наржимскаго и доктора Статсъ Секретаріата Царства Польскаго — Рымовича (родственника Малаховскаго), котораго впослѣдствіи Малаховскій и представлялъ ржонду на мѣсто *струсившаго* Огрызки.

Военные же „кружки" группировались около Сѣраковскаго и о нихъ въ показаніяхъ того

же самаго члена народоваго ржонда мы находимъ:

„Касательно же военныхъ «кружковъ»: точныхъ и вполнѣ вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ этого «кружка» я не имѣю, собравъ однако всѣ подробности, разсказываемыя мнѣ Сигизмундомъ Подлевскимъ, Яковомъ Козелло и изъ сношеній моихъ съ другими лицами, принимающими болѣе или менѣе важное участіе въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, могу дать слѣдующія объ этомъ предметѣ объясненія: Не прежде 1860 года, или начала 1861-го года изъ среды офицеровъ, составлявшихъ уже военный «кружокъ»— образовался комитетъ, съ цѣлью распространенія революціонной пропаганды вообще между военными, чтобы черезъ это сдѣлать какъ можно болѣе офицеровъ полезными предполагаемой революціи и содѣйствовать скорѣйшему появленію ея. Кто составлялъ этотъ военный (польскій) комитетъ не знаю; однакоже, какъ болѣе вліятельныя и дѣятельныя личности его упоминались (въ донесеніяхъ) всегда: Домбровскій Ярославъ, Жвирждовскій и Коссовскій.“

Для проведенія, по приказанію польской эмиграціи и по совѣту «Колокола», пропаганды въ войско въ Петербургѣ «*по распоряженію мѣстнаго комитета*» (Огрызки, Сѣраковскаго и К⁰) были учреждаемы собранія въ квартирахъ разныхъ офицеровъ (изъ которыхъ образовался впослѣдствіи военный комитетъ). Самые большіе размѣры приняли подобнаго рода собранія, учрежденныя въ квартирѣ офицеровъ, прикомандированныхъ къ академіи Генеральнаго Штаба: Домбровскаго, Варавскаго, Гейденрейха и Станевича, жившихъ тогда въ Офицер-

ской улицѣ; сходки эти были устроены *подъ легальнымъ названіемъ литературныхъ вечеровъ.*

,,Великими мастерами своего дѣла, (говоритъ въ своей рукописи В. Ѳ. Ратчъ) Огрызко съ Сѣраковскимъ и К°, завязали два отдѣла, одинъ *учено-литературный*, который руководилъ и заправлялъ заговоромъ; другой военный, который горячо и ревностно повелъ заговоръ къ дальнѣйшему развитію. Сами же мастера долго оставались, въ сторонѣ обоихъ «кружковъ», внимательными наблюдателями.“

Первый ,,военный кружокъ“, Сѣраковскій завязалъ между своими товарищами Поляками, въ академіи Генеральнаго Штаба [1]). Сблизясь съ земляками, и живя на квартирѣ съ Станевичемъ [2]), тоже бывшимъ сосланнымъ въ Оренбургскіе баталіоны, Сѣраковскій выбралъ ре-

---

1) По отзывамъ его товарищей по академіи, говоритъ въ своей рукописи В. Ѳ. Ратчъ, Сѣраковскій прикидывался высоко развитымъ, либеральнымъ, передовымъ человѣкомъ новѣйшаго времени; вслѣдствіе тяжкихъ лишеній, многолѣтней службы рядовымъ, сдѣлавшійся опытнымъ изслѣдователемъ всѣхъ золъ военнаго сословія, онъ пользуясь этимъ авторитетомъ, дѣйствовалъ на людей не крѣпкихъ въ своихъ убѣжденіяхъ такъ удачно, что тѣ ему внимали съ благоговѣніемъ; приглашали къ себѣ и прислушивались къ его мнѣніямъ; черезъ что онъ могъ имѣть вліяпіе и на оцѣнку успѣховъ тѣхъ изъ учащихся, которые рѣшались оспаривать его мнѣнія.“ Замѣчательно, что всѣ возвращенные по манифесту изъ ссылки Поляки становилисъ центромъ ,,кружка,“ который имъ покланялся и передъ которымъ они разказывали разныя небылицы, и доводили молодежь до того, что она шла въ шайку, *желая стать такимъ же героемъ.*

2) Былъ библіотекаремъ въ Военной академіи, служилъ тогда по акцизу въ Самарской губерніи, судя по благодарственному письму къ Огрызкѣ.

тивѣйшихъ изъ своихъ товарищей Домбровскаго и Варавскаго во второстепенные коноводы; у Домбровскаго, въ 1858 году, начались литературные вечера для подготовленія, заманки и вербовки заговорщиковъ. По временамъ на нихъ являлся и Сѣраковскій, а еще рѣже и Огрызко, всегда осторожными и всегда почетными *гостями.* Въ отдаленной части Петербурга, въ пяти пространныхъ комнатахъ собирались разъ въ недѣлю *гости*; вся запрещенная литература, всѣ произведенія эмиграціи были къ услугамъ *гостей* (которыхъ собиралось числомъ до 30), *гости* расходились по комнатамъ, и, по образующимся кружкамъ и по постоянству посѣщеній, коноводы могли судить объ успѣхахъ революціоннаго настроенія каждаго, степени его задора и его готовности принять участіе въ дѣлѣ. При громкихъ разговорахъ, спорахъ и разсужденіяхъ еще только подготовляющихся, *посвященные*, втихомолку переговаривались и дѣлали свои замѣтки о каждомъ *гостѣ*. Явились „тройки“ — Каждый посвященный „набиралъ себѣ трехъ, они записывались псевдонимами“. Кто составлялъ тройку высшаго разряда и кто поступалъ въ низшіе, было тайною; никто не имѣлъ права разузнавать, и если при вербовкѣ, случайно натыкался на *посвященнаго*, то долженъ былъ, безъ дальнѣйшихъ распросовъ, довольствоваться его простымъ о томъ заявленіемъ.— Много разъ случалось, что нѣкоторые изъ же-

лающихъ отличиться пріобрѣтеніемъ *хорошаго* члена самаго Сѣраковскаго приглашали для пополненія своихъ *троекъ;* но онъ всегда отдѣлывался подъ благовидными предлогами.— Самъ же Сѣраковскій, содѣйствуя успѣху вербовки, поступалъ слѣдующимъ образомъ: „Встрѣчая Поляка и знакомясь съ нимъ, онъ за-частую получалъ отвѣты по русски; онъ выговаривалъ за это, говоря, что *роднымъ языкомъ не должно пренебрегать,* и что *каждый Полякъ* долженъ, для *блага своей родины,* изучать ея прошедшее, изучать пагубныя слѣдствія *безначалія и духа своеволія*, которыя привели ее къ погибели, что лучшее средство изучать самые источники,“—и старался вести разговоръ такъ, чтобы направить новаго знакомаго къ Виктору Калиновскому, молодому человѣку, котораго по выходѣ изъ Петербургскаго университета, его покровители-Поляки пріютили въ Императорскую Публичную Библіотеку, обладающую полною коллекціею всевозможныхъ литературныхъ произведеній польской эмиграціи.

Обязанность Виктора Калиновскаго была *совѣтывать* вновь завербованному всѣ пригодныя, *новѣйшія* произведенія; и онъ былъ мастеръ своего дѣла; тѣ, которые его избрали, въ немъ не ошиблись. Подготовивъ какъ слѣдуетъ новобранца , Викторъ Калиновскій передавалъ его прямо въ кружокъ Домбровскаго.

Литературные вечера у Домбровскаго и

Варавскаго сначала не были собраніями заговорщиковъ; для этого имѣлись особыя совѣщанія; литературные же вечера были только притономъ для вербовки; задача ихъ была *подготовлять умы Русскихъ и Поляковъ къ необходимости революціи*, а изъ польской среды привлекать поболѣе охотниковъ для поступленія въ тройки „*организаціи*" [1]).

„На этихъ вечерахъ, говоритъ одинъ изъ сужденныхъ, разбирались разные вопросы: исторіи, права, проэкты образованія, организаціи и т. д."

Завербовывая такимъ образомъ въ тройки, организація пошла далѣе.— Инженерная и Артиллерійская академіи стали поставлять новобранцевъ. Изъ академій заговоръ сталъ проникать въ войска.— Въ этомъ случаѣ, Полякамъ казались особенно пригодными наши образцовыя войска и стрѣлковыя школы, при помощи которыхъ они надѣялись по всей Россіи развить дѣло заговора.

„Единовременно съ войсками, (говоритъ въ своей рукописи В. Ѳ. Ратчъ), заговоръ началъ проникать и между воспитанниками, юнкерами училищъ: Артиллерійскаго, Инженернаго, Константиновскаго военнаго и въ другіе корпуса. Быстро проникала зараза; заговорщики болѣе или менѣе, судя по ихъ способностямъ и

---

1) Система эта называлась „*организація*," а управленіе этихъ тайныхъ обществъ въ каждомъ городѣ называлось „*Централизаціею;*" впослѣдствіи же съ учрежденіемъ центральныхъ комитетовъ—*организаціею* называлась польская администрація, для отличія отъ повстанцевъ, дѣйствовавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. (См. приложеніе IV).

возрасту, посвящались въ таинства, начиная съ дѣятельныхъ приготовленій ко всеобщему польскому мятежу, и рѣшенію произвести единовременно смуты во всей Имперіи, до *обязанности каждаго Поляка въ Россіи работать, чтобы освободить Польшу,* и внушать Русскимъ, что имъ пора проснуться отъ долгой летаргіи, и что они сами съ своимъ развитіемъ должны понять, что ихъ долгъ освободить Польшу (!?).

Такимъ образомъ образовалась организація заговора вь родѣ масонскихъ ложъ.“

Изъ показаній подсудимыхъ видно, что на чиновникѣ Виталіѣ Опоцкомъ [1]) лежала обязанность сходиться и завлекать гражданскихъ людей; на прапорщикѣ военныхъ инженеровъ Эмануилѣ Юндзиллъ [2]) — съ военными, офицерами и воспитаниками Инженернаго и Константиновскаго военнаго училища; въ Инженерномъ училищѣ его ревностнымъ помощникомъ былъ Экстернъ Барановскій. Гвардейской конной артиллеріи поручикъ Владиславъ Коссовскій [3]) и состоящій при академіи Лясковскій [4]) должны были заняться юнкерами Артиллерійскаго училища и артиллерійскими офицерами.

По мѣрѣ выхода изъ Военной академіи, „Центръ“ черезъ Сѣраковскаго и Огрызку назначалъ въ Москву, Вильну, Варшаву, Кіевъ и другіе города своихъ довѣренныхъ, которымъ поручалось: собрать, устроить, развивать и на-

1) Бѣжалъ.

2) Бѣжалъ.

3) Сосланъ на поселеніе.

4) Бѣжалъ.

правлять дѣятельность туземныхъ заговорщиковъ.

Сѣраковскій воспользовался казенною командировкою, подъ прикрытіемъ которой изучилъ всѣ заграничныя таинства революціонной теоріи [1]); а потому при отправленіи на мѣста дѣятельности вновь назначаемыхъ коноводовъ, напутствовалъ ихъ приличными наставленіями. Приведемъ собранныя В. Ѳ. Ратчемъ:

,,*1) Не упускать изъ виду возможное размноженіе стада* [2]) *(Панургова).*

2) Нѣтъ человѣка у котораго бы не было слабой струны; внимательно ее отыскивать у вліятельныхъ людей и какихъ бы средствъ не стоило завладѣть ею.

3) Довѣріе вліятельныхъ людей есть необходимое условіе.

4) Упрямыхъ разномыслящихъ въ пригодныхъ средствахъ обходить, стараясь безъ споровъ и раздоровъ достигать цѣли другими путями.

---

1) «Сѣраковскій въ концѣ мая 1860 года, вслѣдствіе представленія генералъ-квартирмейстера, былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію за границу для изученія въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ военно-уголовнаго законодательства и статистики европейскихъ армій и пробывъ въ этой командировкѣ болѣе года, Сѣраковскій въ іюлѣ 1861 года былъ отправленъ съ Высочайшаго разрѣшенія въ крѣпости западной Россіи, для собранія свѣдѣній о состояніи находящихся тамъ арестантскихъ ротъ» (официальное свѣдѣніе).

2) т. е. увеличеніе числа Русскихъ, въ которыхъ можно возбудить сочувствіе къ Полякамъ или *легальную* бездѣятельность въ противодѣйствіи польскимъ замысламъ.

5) Опредѣлить самые опасные дѣлу элементы, и не только стараться ихъ парализировать, но стараться обернуть ихъ въ свою пользу. Это вѣрнѣйшій залогъ для успѣха.

6) Журналистика, общественное мнѣніе, желѣзныя дороги и телеграфы, четыре важные союзника, которые впервые являются въ совокупности на помощь замышляемому дѣлу; этихъ четырехъ союзниковъ должно тщательно эксплоатировать, и до дна исчерпать всю пользу, которую они могутъ доставить народовому дѣлу."

Впрочемъ, такъ какъ Сѣраковскій былъ знакомъ чуть не со всѣми въ Петербургѣ Поляками - офицерами, то чрезъ прикомандированныхъ и откомандированныхъ изъ столицы офицеровъ посылались разныя словесныя и письменныя приказанія къ членамъ иногородныхъ централизацій; ,,чрезъ нихъ же получались и разныя донесенія, о настроеніи всѣхъ классовъ общества въ революціонномъ отношеніи."

Вышедшее же разрѣшеніе— всѣмъ офицерамъ временно поступать въ землемѣры при составленіи плановъ для уставныхъ грамотъ *давало возможность разсѣевать пропаганду по деревнямъ и селамъ.*

Огрызко же образовалъ кружокъ учено-литературныхъ дѣятелей, который работалъ въ томъ же смыслѣ, какъ и военный.

Для сближенія со студентами и выбора *достойнѣйшихъ*, Огрызко издавалъ студенческій сборникъ и давалъ разныя работы студентамъ,

какъ Полякамъ, такъ и Русскимъ (само-собою прогресистамъ—нигилистамъ); такимъ образомъ по его выраженію у него „*перебывало много студентовъ*" и онъ могъ сдѣлать безошибочный выборъ ревнителей польской справы. Такъ онъ познакомился между прочими съ Утинымъ и Пантелѣевымъ, ставшимъ впослѣдствіи, посредникомъ между имъ, Огрызкою, и обществомъ „*Земля и Воля.*" Для завербованія Пантелѣева, служило, по покаанію Огрызки, то, что:

„... Пантелѣевъ распоряжался печатаніемъ сборника студенческаго, издававшагося студентами съ разрѣшенія начальства; сборникъ этотъ (послѣдній выпускъ) печатался въ моей типографіи; началъ онъ печататься въ 1860-омъ или въ 1861-омъ году; по случаю этого изданія Пантелѣевъ сталъ заходить ко мнѣ . . . ."

Послѣдствія показали, что для роли исполняемой въ военномъ кружкѣ Домбровскимъ, Звирждовскимъ и Варавскимъ изъ студентовъ были избраны „*центромъ*" Оскаръ Авейде, Викторъ и Константинъ Калиновскіе.

По опредѣленію университета Оскаръ Авейде былъ посланъ *на казенный счетъ* за границу и само собою, также какъ и Сѣраковскій, *по своему* воспользовался этой поѣздкой, такъ, что впослѣдствіи въ Варшавскомъ ржондѣ завѣдывалъ отдѣломъ заговоровъ. Виктора Калиновскаго

„кружокъ“ рекомендовалъ магнатамъ, какъ человѣка, который можетъ доставить изъ Публичной Библіотеки весьма рѣдкія свѣдѣнія о ихъ предкахъ. Викторъ Калиновскій, видя, что труды его не пропадаютъ даромъ [1]), и что ему не надо хлопотать, чтобы „zarobić cokolwiek“ (т. е. что нибудь заработать), весь отдался подготовкѣ заговора; но онъ умеръ предъ самымъ мятежемъ, и потому ему не пришлось видѣть— плоды своего посѣва. Братъ его Константинъ Калиновскій, еще бывши студентомъ, былъ „кружкомъ“ рекомендованъ *русской молодежи, какъ хорошій преподаватель* уроковъ [2]). По выходѣ изъ университета Константинъ Калиновскій былъ посланъ въ Литву, гдѣ и достигъ даже диктатуры.

Подъ вліяніемъ „*Центра*“ въ „кружкахъ“ студентовъ разныхъ университетовъ и Петербургской медицинской академіи возобновились прежнія *тройки*, которыя родились въ университетахъ во время восточной войны и послѣ нея разошлись. Въ Московскомъ университетѣ Поляки составили губернскіе комитеты, которые раздѣлялись на „*огулы*“.

Сѣть заговора раскидывалась все болѣе и болѣе сначала по петербургскимъ учебнымъ за-

---

1) „За выписки для князя Огинскаго онъ получилъ 300 рублей.“

2) Смотри „*Uczmy się*“—приложеніе II. и *программу революціонеровъ*—приложеніе IV.

веденіямъ, потомъ перекинулась въ Москву и Кіевъ и сосредоточивалась преимущественно въ университетахъ — Коноводы съ лихорадочною торопливостью пропагандировали, вербовали, собирали деньги, приготовляли оружіе и военные припасы.

Исходя изъ петербургскаго „*центра*“ пропаганда проникла во всѣ слои такъ успѣшно, что вскорѣ *всякій католикъ сталъ считать себя — Полякомъ; римско-католическую религію — польскою вѣрою; и бредилъ—освобожденіемъ отчизны.* Вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ убѣжденій, являлось и сознаніе, что *освобожденіе отчизны зависитъ отъ ослабленія Россіи.*

А разъ придя къ этому убѣжденію, одни—сознательно, а другіе—изъ подражанія „*развитымъ—либераламъ—патріотамъ*“, стали искушать нашу русскую молодежъ, разными демагогическими теоріями стараясь привить къ намъ ихъ революціонное („*бродильное*“) настроеніе. Средствами для этого были произведенія Герцена и масса другихъ революціонныхъ сочиненій, изданныхъ за границею; а инструкціею §§ 11 и 12 польскаго катехизиса [1]). Послѣдствія этой пропаганды были тѣ, что, прикрываясь чиновническою и офицерскою кокардою, Поляки, путемъ учебныхъ заведеній, рядомъ съ своимъ заговоромъ, родили намъ членовъ, такъ

1) См. приложеніе I.

называемой, „Молодой Россіи" [1]), и наконецъ появились у насъ свои *прокаженные,— нигилисты и Каракозовъ.*

Въ то время, какъ Сѣраковскій работалъ *легально* на одномъ поприщѣ—объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ войскахъ, надѣясь съ уничтоженіемъ розги [2]) уронить (?!) дисциплину въ русскомъ войскѣ, — Огрызко рѣшилъ, какъ я сказалъ выше, основать свой органъ и издавать на польскомъ языкѣ, въ Петербургѣ, газету „*Слово*" и завести свою собственную польскую типографію, дабы имѣть всегда таковую въ распоряженіи „*Центра*".

Хотя издателями журнала „*Слово*" были Огрызко и профессоръ Спасовичъ, но изъ переписки послѣдняго, помѣщенной нами выше, видно, что кромѣ Огрызки душею и руководителемъ (гласнымъ и негласнымъ) главныхъ редакторовъ польскаго журнала, составившихъ *редакціонный комитетъ*, былъ Сѣраковскій. Какое направленіе долженъ былъ принять этотъ журналъ, можно судить по его ре-

---

1) Какъ выразился В. Ѳ. Ратчъ, что Поляки родили „Молодую Россію," которую потомъ опошлили до нигилизма.

2) Сосланный въ каторжную работу, студентъ ІосифъДанилецкій высказывалъ слѣдующее мнѣніе: „Центральный комитетъ рано началъ возстаніе, надо было дать Сѣраковскому докончить свое дѣло, и когда тѣлесное наказаніе отмѣнятъ и дисциплина упадетъ въ войскахъ (?!), тогда и начать возстаніе."..

дактору—Іосафату Огрызко и его пріятелямъ—Сѣраковскому, Пржибыльскому и другимъ [1]), а вѣрность этого предположенія могутъ подтвердить нѣкоторыя изъ приведенныхъ писемъ Маріана Горшковскаго къ Спасовичу и Огрызкѣ.

Высказанная имъ мысль, что „нѣтъ сомнѣнія, что не смотря на всѣ усилія малороссіянъ, Русь приднѣпровская со всею своею настоящею жизнію, со всѣмъ своимъ духомъ, со своими традиціями, со всею своею личностью *должна (!) взойти въ составъ Польши*, должна съ нею слиться и въ одной литературѣ" [2]),—кажется ясно показываетъ цѣль издателей.

И такъ, для возстановленія Рѣчи Посполитой Огрызко вмѣстѣ съ Сѣраковскимъ и К° началъ размножать—„кружки". За предлогомъ для прикрытія и формированія этихъ „кружковъ" ходить далеко—было нечего. Крестьянскій вопросъ и другія реформы, которыми ознаменовалось нынѣшнее царствованіе нашего Государя - Освободителя, ложно толкуемыя открывали обширное поле для ихъ пропаганды и дѣйствительно въ 1859—1860 г. въ Петербургѣ мы встрѣчаемъ уже правильно органи-

1) По пословицѣ: „одна овца все стадо портитъ."

2) Тоже самое въ настоящее время въ Галиціи проводитъ Голуховскій. Вообще дѣйствія Поляковъ въ Галиціи—для насъ очень поучительны. Смотри: „Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа." Вильна 1866 г.

зованный „революціонный кружокъ", который для лучшаго распредѣленія работъ и для большей таинственности дѣлился на два: *петербургскій военный и петербургскій статскій* революціонные *кружки*, которые, по показаніямъ члена, главнаго варшавскаго комитета, „правильно образовываться стали съ появленіемъ въ Петербургѣ Сигизмунда Сѣраковскаго и подъ его вліяніемъ".

Въ подтвержденіе всего вышесказаннаго привожу подлинныя показанія. Такъ, о развитіи этихъ революціонныхъ „*кружковъ*" одинъ изъ членовъ „*кружка*" говоритъ:

„По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ (въ 1859 г.), вскорѣ послѣ поступленія моего въ академію (Генеральнаго Штаба), капитанъ Сѣраковскій познакомился со всѣми Поляками нашего курса и познакомилъ насъ другъ съ другомъ; такъ, черезъ него я познакомился съ Домбровскимъ, Станевичемъ и другими. Сѣраковскій отъ начала нашего знакомства стыдилъ насъ что мы забыли свой языкъ, давалъ намъ разныя польскія книги, историческія, поэтическія, польскія газеты, выходившія тогда заграницею, и *Колоколъ*, и вообще старался расположить наши умы къ тѣмъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ впослѣдствіи. Эти подробности можетъ быть и лишнія, но я хочу показать, какъ человѣкъ незамѣтно впитываетъ въ себя идеи той среды, въ которую толкнули его обстоятельства, и постепенно извращаются въ немъ понятія о долгѣ и чести."

Относительно разныхъ средствъ, которыя Огрызко и Сѣраковскій съ *товарищами* употребляли передъ этимъ мятежомъ для прове-

денія революціонныхъ тенденцій, одинъ изъ сосланныхъ говоритъ:

„Углубляясь въ прошлое и анализируя развитіе своихъ убѣжденій, нельзя не замѣтить, *что тѣ, которые руководили дѣломъ заговора*, съ искусною послѣдовательностію притягивали насъ къ революціи. Сначала *они* посѣяли въ насъ туманное желаніе не быть *отсталыми*, а напротивъ стараться стать *передовыми* или *прогрессистами* въ своемъ кружкѣ; потомъ постепенно развивали въ насъ манію *порицать дѣйствія правительства;* потомъ они старались покачнуть въ насъ оставшіяся вѣрованія и то, что мы до того времени привыкли считать святымъ. Для этой цѣли въ Петербургѣ были читаны лекціи (которыя разошлись почти по всѣмъ университетамъ): „*О революціи въ Іудеѣ*,“ которыя хотѣли достичь двухъ цѣлей: уронить святость креста и Евангелія (на которыхъ присягаютъ) и поднять революцію до послѣдованія евангельскому ученію. А такъ какъ журналы своею маніею къ обличительной литературѣ показали разные недостатки и злоупотребленія нашей администраціи, то всякій революціонеръ *уподоблялся* (!?) Спасителю, который тоже боролся съ недостатками и злоупотребленіями іудейской администраціи [1]). *Колоколъ*, съ своей стороны, распалялъ страсти, а нѣкоторые русскіе журналы, печатая разныя коммунистическія и соціалистическія статьи, развивали воображеніе и жажду реформъ и самопожертвованія для мнимаго блага народа,— а потому всякому станетъ понятно, какъ безсознательно человѣкъ можетъ стать революціонеромъ.“

Одинъ изъ членовъ революціонной организаціи говоритъ:

---

1) Каково кощунство и извращеніе Божественнаго посланничества Спасителя!

„Сдѣлать первый шагъ къ политическому преступленію безъ предварительной подготовки невозможно; какимъ образомъ и когда она во мнѣ началась—опредѣлить трудно. Помню, что однажды въ бытность мою въ Петербургѣ (1861 г.) не за долго до отъѣзда за границу, цѣль котораго дѣйствительно заключалась тогда въ поправленіи крайне разстроеннаго здоровья, мнѣ попалась подъ руку книжка, подъ заглавіемъ «Ноябрскія рѣчи» (Rzeczy Listopadowy), сочиненныя и читанныя Мѣрославскимъ, въ Парижѣ, въ годовщину возстанія 29 ноября 1831 года. Книжка принадлежала Подлевскому. Прочитывая изъ нея мѣста на выдержку, (!) я пораженъ былъ силою пера Мѣрославскаго; мнѣ особенно понравилось то мѣсто, гдѣ онъ въ припадкѣ бѣшенства издѣвался надъ Піемъ IX за то, что папа бросилъ проклятіе на Поляковъ, поступившихъ въ итальянскую армію и образовавшихъ подобно Венгерцамъ и италіянскимъ волонтерамъ легіоны, поступившіе подъ начальство Гарибальди. Называя папу *Богомъ въ трехъярусномъ ночномъ колпакѣ (!) халдѣйскомъ халатѣ и шитыхъ золотыхъ туфляхъ; Богомъ сидящимъ въ Сикешинской часовнѣ и себѣ самому воспѣвающимъ гимны* [1]), Мѣрославскому не трудно было вырвать съ корнемъ догматы церкви и заглушить вѣру въ сердцѣ питавшемся матерьялизмомъ Бюхнеровъ, Штраусовъ и цѣлаго поколенія естествоиспытателей съ модными взглядами и увлекательными теоріями. Обогатился умъ,(?) но сердце опустѣло, а молодое сердце пустымъ оставаться не можетъ,—Мѣрославскій наполнилъ его. Я видѣлъ въ немъ генія, полу-бога, но видѣлъ его такимъ глазами сердца, но не глазами разсудка; а потому и не предложилъ себѣ вопроса—да гдѣ же хоть одинъ фактъ, давшій Мѣрославскому право на такое благоговѣніе. Я просто вѣрилъ въ него.

---

1) Подлинной книги „Rzeczy Listopadowy" у насъ подъ рукой не было и провѣрить вѣрность изрѣченія псевдо-диктатора Мѣрославскаго съ этимъ показаніемъ мы не могли.

,,Дня за три до отъѣзда я встрѣтился у Подлевскаго съ Сѣраковскимъ. Переходя отъ разговора къ разговору пришла очередь на тему—Мѣрославскій. Сѣраковскій тогда недавно возвратился изъ-за границы и зналъ его лично. Похваламъ Мѣрославскому не было конца. Такимъ образомъ мое воображеніе разжигалось все болѣе и болѣе, и я съ нетерпѣніемъ разсчитывалъ время до пріѣзда въ Парижъ.

,,Въ Парижѣ я встрѣтился съ Подлевскимъ и узналъ отъ него, что желая видѣть Мѣрославскаго, прежде надобно выхлопотать себѣ аудіенцію черезъ Яна Куржину, бывшаго кажется ученикомъ медицинской школы въ Варшавѣ и бѣжавшаго оттуда послѣ какой то демонстраціи. Я отправился къ Куржинѣ, бывшему тогда секретаремъ при Мѣрославскомъ, и заявилъ ему, что желаю передать поклонъ отъ Сѣраковскаго. Куржина назначилъ день, въ который я могу быть принятъ. Когда я вошелъ къ Мѣрославскому, засталъ его сидящимъ за кипою бумагъ и сдѣлавшимъ видъ будто меня не замѣчаетъ, хотя комната, въ которой мы были, не была больше того номера, въ которомъ я теперь содержусь подъ арестомъ. Такая маска сильно углубившагося въ чтеніе человѣка произвела непріятное впечатлѣніе; когда я подошелъ почти къ самому столу, онъ, какъ бы пойманный въ расплохъ, вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ ко мнѣ; я ему передалъ поклонъ отъ Сѣраковскаго, фамилію котораго онъ *какъ бы припоминалъ себѣ;* затѣмъ спросилъ меня слышалъ ли я о ранцахъ, косахъ и машинахъ его изобрѣтеній? онъ видимо былъ скандализированъ отрицательнымъ отвѣтомъ. Затѣмъ онъ буквально бросился въ переднюю, вытащилъ оттуда какой то узкій, длинный тюфячекъ съ множествомъ пряжекъ и ремешковъ и деревянную палку изображавшую рукоятку отъ косы; и что онъ только не выдѣлывалъ—то схватитъ въ одну руку, то перекинетъ въ другую, то воткнетъ палку въ дырку, сдѣланную въ ранцѣ и идетъ какъ бы въ рукопашную, метался онъ долго, наконецъ упалъ на полъ и спря-

тался за ранецъ. При каждомъ движеніи онъ объяснялъ рекрутскую косинерную школу; тутъ-то я узналъ, что паденіе его означало встрѣчу, подъ прикрытіемъ ранцевъ атакующей кавалеріи. Такимъ образомъ онъ продѣлалъ всю школу, не упуская случая похвалить изобрѣтателя школы и ранцевъ, которымъ былъ онъ самъ. Мнѣ грустно сдѣлалось, я ожидалъ увидѣть великаго человѣка, увидѣлъ шарлатана. Это было мое первое, но и послѣднее съ нимъ свиданіе.

,,Многіе изъ молодежи, скомпрометировавшись во время демонстрацій, должны были бѣжать за границу. Офанатизированные перомъ Мѣрославскаго, или распускаемыми про него чудесными разсказами, они поспѣшили въ Парижъ. Мѣрославскому не трудно было ихъ привлечь къ себѣ, но труднѣе было ихъ прокормить. До этого еще, Мѣрославскій успѣлъ составить капиталъ, назначенный по его выраженію для *подземныхъ работъ*, и названный *желѣзнымъ*. Цифра этого капитала извѣстна была лишь Мѣрославскому да Куржинѣ; отчета никому они не давали, а на содержаніе молодой эмиграціи, издававшимися въ Парижѣ прокламаціями требовали высылки денегъ изъ Царства Польскаго, Литвы, и Украйны; но ненарушали на этотъ предметъ *желѣзнаго капитала*"...

Другой членъ централизаціи въ своемъ показаніи говоритъ:

,,Разбирая жизнь мою, я нахожу, что кардинальною причиною моихъ преступленій было: 1) первоначальное образованіе въ гимназіи и университетѣ, гдѣ я образовалъ мой умъ чтеніемъ польскихъ историческихъ книгъ, *большею частію пристрастныхъ* [1]), твердившихъ о бывшей самостоятельности Польши, какъ стройнаго политическаго организма, павшаго не вслѣд-

---

1) А имъ хотѣли еще дать для руководства Шедо-Ферроти и географію, составленную по польскимъ традиціямъ.

ствіе внутренней несостоятельности, а по политическимъ видамъ другихъ государствъ; 2) совершенное незнаніе тѣхъ условій и нуждъ, въ которыхъ находился весь край, который я *по извращеннымъ понятіямъ* считалъ прежнимъ своимъ отечествомъ; 3) вліяніе такихъ личностей, какъ Огрызко, Сѣраковскій, Калиновскій и другіе. Я привожу эти причины потому, чтобы правительство уничтоженіемъ ихъ могло избѣжать слѣдствій, которыя одолѣваются труднѣе; я привожу ихъ еще потому, что только введеніемъ *коренной реформы* въ образованіе польской молодежи въ подвластныхъ ему провинціяхъ правительство можетъ избавиться отъ политическихъ интригъ, направляемыхъ противъ него извнѣ."

Далѣе разсматривая его показанія, мы находимъ:

„Общество, къ которому я принадлежалъ въ то время, 1858—1860 годахъ, имѣло цѣль политическую, существовало подъ фирмою *централизаціи;* но съ какого времени—не знаю. Въ основаніи его лежала тройка; единицу составляетъ десятокъ, десятскій завѣдываетъ тройкою, каждый изъ тройки—двойкою; три двойки, тройка и десятскій составляли десятокъ; десятскій подчинялся тридесятскому, имѣвшему подъ собою трехъ десятскихъ; тридесятскими завѣдывалъ *старшій*, который былъ въ каждомъ городѣ, гдѣ было общество развито..... [1]) Личность старшаго окружалась большою тайною. Каждый поступившій въ общество становился его членомъ. Обязанности члена были: 1) привлекать въ общество, сколько приходилось по занимаемому мѣсту; 2) жертвовать въ пользу общества 5% содержанія и 3) распространять пропаганду, соотвѣтственную цѣли общества."

---

1) Въ Петербургѣ же было нѣсколько *старшихъ*.

Въ 1860 году всѣ эти общества, достаточно пропитанныя польскимъ патріотизмомъ (катехизисомъ), были подчинены особо устроенному *центральному комитету*, который имѣлъ во всѣхъ городахъ, гдѣ было уже развито тайное общество, особое мѣстное *отдѣленіе* центральнаго комитета.

Объ этомъ сосланный на поселеніе прапорщикъ понтоннаго № 5-й парка Витольдъ Милодовскій выражается такъ:

„После того (въ 1860 г.), всѣ эти старшіе и все общество замѣнилось комитетомъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ въ тѣхъ же самыхъ городахъ, и намъ объ этомъ было объявлено. Одинъ изъ главныхъ членовъ общества принесъ намъ распоряженіе отъ ржонда народоваго, что всѣ мы, записавшіеся въ общество, теперь находимся подъ вѣдѣніемъ комитетовъ, учрежденныхъ въ каждомъ городѣ. Вслѣдствіе этого мы должны были исполнять все, что намъ будетъ приказано или объявлено петербургскимъ комитетомъ."

Первою заботою центральнаго комитета было, какъ сказали мы, устроить въ каждомъ городѣ правильныя сходки для того, чтобы проживающіе въ немъ Поляки сблизились еще больше между собою. Эмиграція *по опыту* знала, что коль скоро начнутся сходки, неминуемо выступитъ на сцену столь свойственная Полякамъ хвастливость, и они начнутъ кичиться и хвастаться одинъ передъ другимъ успѣхами своей пропаганды [1]) и тѣмъ еще болѣе привлекутъ легко-

1) Какъ образецъ хвастливости и самоодуренія Поляковъ, при-

вѣрныхъ, которые въ свою очередь будутъ тоже хвастать, и такимъ образомъ между ними будетъ рости и крѣпнуть увѣренность въ успѣхахъ затѣваемаго мятежа.

Объ этихъ собраніяхъ разстрѣлянный въ Казани поручикъ Черн якъ говоритъ:

„Устроено это общество было слѣдующимъ образомъ: Всѣ члены, сколько ихъ могло по кружкамъ собраться (изъ служащихъ и живущихъ въ Петербургѣ Поляковъ), выбрали изъ среды себя, посредствомъ закрытой баллотировки, предсѣдателя и обѣщались исполнять въ моментъ возстанія безпрекословно всѣ полученныя чрезъ него распоряженія. Онъ же входилъ въ непосредственныя сношенія съ Варшавою и другими мѣстами и обязанъ былъ передавать намъ упомянутыя выше свѣдѣнія, собиралъ деньги и т. п.“

Въ показаніяхъ поручика 3-го сапернаго баталіона Николая Васьковскаго мы находимъ слѣдующее:

„Вскорѣ послѣ подачи рапортовъ офицерами Инженерной академіи объ отчисленіи ихъ отъ нея, Хайновскій взялся познакомить меня съ офицерами Домбровскимъ и Варавскимъ, какъ съ дѣльными людьми, и какъ я имѣлъ хорошую квартиру, то назначилъ вечеръ, и у меня собрались: Домбровскій, Варавскій, Хайновскій, Жельскій и другіе.

вожу одно показаніе, въ которомъ говорится: „Изъ централизаціи (Кіевской) намъ обыкновенно писали о большихъ складкахъ, дѣлаемыхъ во всемъ краѣ, и объ общемъ расположеніи всѣхъ классовъ въ пользу революціи, и это писали о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ возстаніи приняли участіе сотни двѣ помѣщиковъ, гдѣ крестьяне дѣйствовали противъ возстанія самымъ энергическимъ образомъ.“

Спустя нѣсколько дней, кажется въ среду, ко мнѣ заѣхалъ офицеръ Инженерной академіи Жельскій и мы вмѣстѣ поѣхали къ Домбровскому и его товарищамъ (Варавскій, Гейденрейхъ и Станевичъ); тамъ застали мы большое общество офицеровъ и между ними я помню только одного штатскаго — Болтуця. Послѣ этого я бывалъ у Домбровскаго нѣсколько разъ, такъ какъ у него собирались кажется по средамъ. Въ одно изъ этихъ собраній былъ выборъ предсѣдателя, и меня Варавскій просилъ выбирать Опоцкаго, и я написалъ на выборной карточкѣ фамилію Опоцкаго, но выбрали Варавскаго. Другой разъ всѣ мы собрались у офицера Каплинскаго (Артиллерійской академіи); тамъ предположена была складка по 4 р. с. съ человѣка съ тѣмъ, чтобы на эти деньги послать кого либо изъ насъ въ Варшаву, и тогда же начались выборы—кого послать? Варавскій опять подсказывалъ, какъ мнѣ, такъ и прочимъ, тамъ бывшимъ—фамилію Домбровскаго, который и былъ выбранъ и поѣхалъ въ Варшаву, для того чтобы войти въ связи съ центральнымъ комитетомъ. Въ Варшавѣ Домбровскій пробылъ кажется двѣ недѣли, и по возвращеніи его, у него было опять собраніе, на которомъ впрочемъ онъ ничего не сказалъ, а сбывалъ насъ пустячками. Цѣль этихъ собраній была та, какъ объяснялъ мнѣ Хайновскій, чтобы офицеры польскаго происхожденія познакомились между собою. . . . . Были собранія также у офицера Инженерной академіи Зелинскаго (растрѣлянъ), тамъ тоже читались запрещенныя брошюры и листки. Я приносилъ туда также брошюры, которыя доставалъ отъ Ниловицкаго; сходились также у Жельскаго. . . . . Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Петербурга, намъ раздавалъ фотографическія карточки Мѣрославскаго офицеръ Инженерной академіи Неловицкій, кромѣ того мы [1]), нѣкоторые изъ

---

1) Въ этой группѣ слѣдующіе 17 человѣкъ: 1) помѣщикъ Минской губерніи Болтуць. 2) Юнкеръ Гренадерскаго сапернаго

бывшихъ у Домбровскаго, снялись въ общей группѣ. Группа эта снималась кажется въ Большой Милліонной, около главнаго штаба, чья фотографія не помню. 20 января 1861 года я уѣхалъ въ 5-й саперный батальонъ, расположенный тогда въ Черниговской губерніи, и возвратился опять въ Петербургъ въ концѣ апрѣля 1862 г., нанялъ квартиру въ домѣ армянской церкви (на Невскомъ), откуда въ октябрѣ переѣхалъ, не помню въ чей домъ, противъ Столярнаго переулка, на Мѣщанской; тамъ жилъ два мѣсяца; оттуда переѣхалъ въ домъ Заяшникова, въ Спасскомъ переулкѣ, около Сѣнной; тамъ жилъ и Виталій Опоцкій, рядомъ со мною; мы, какъ старые знакомые (онъ жилъ еще въ 1860 году вмѣстѣ съ Хайновскимъ), бывали другъ у друга и у него я встрѣчалъ Юндзила. Опоцкій давалъ мнѣ тогда на сбереженіе деньги съ тѣмъ, что если кто придетъ и скажетъ три условленныя буквы, то чтобы тому отдать эти деньги. Въ январѣ 1863 года, я переѣхалъ въ Среднюю Мѣщанскую въ домъ Лонгинова. Въ началѣ Февраля Хайновскій въ академіи далъ мнѣ нѣсколько бланковъ Центральнаго комитета для сбора денегъ въ пользу возстанія и по этимъ бланкамъ я собралъ съ . . . . более до своего отъѣзда Опоцкій мнѣ никакихъ порученій не давалъ,—разъ только послалъ къ Юндзилу съ пакетомъ, въ которомъ была *печать*.

баталіона Неловицкій. 3) Подпоручикъ Васьковскій. 4) Прапорщикъ Военной академіи Вилежинскій. 5) Поручикъ Военной академіи Іеронимъ Станевичь. 6) Поручикъ Варшавскій. 7) Поручикъ стрѣлковаго баталіона Каплинскій. 8) Поручикъ Воен. акад. Шалевичь. 9) Прапорщикъ Милодовскій. 10) Подпоручикъ Инженерной акад. Хайновскій. 11) Чиновникъ палаты государственныхъ имуществъ Виталій Опоцкій. 12) Подпоручикъ Миневскій. 13) Подпоручикъ Ржельскій. 14) Капитанъ Домбровскій. 15) Военной академіи поручикъ Гейденрейхъ. 16) Инженеръ-прапорщикъ Вржесневскій. 17) Артиллерійскаго училища Поручикъ Вержбицкій.

„ . . . . . . Возвратившись оттуда (со съемки) 20 іюня я остановился у офицера коммисаріатской коммисіи Станковскаго, у него прожилъ до 14 августа; между тѣмъ 6-го уѣхалъ Опоцкій въ Кіевъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, я поѣхалъ провожать его въ вокзалъ; кромѣ меня былъ еще Мокржицкій (поручикъ корпуса лѣсничихъ, съ которымъ я тогда же познакомился и мы иногда бывали другъ у друга) и какой то штатскій небольшаго роста, блондинъ, небольшая борода и усы, лѣтъ 32; послѣ пріѣхалъ въ фаэтонѣ Коссовскій (Михаилъ).....“

Одинъ изъ офицеровъ командовавшій шайкою мятежниковъ, въ своемъ показаніи, между прочимъ говоритъ:

„На вечерахъ у Домбровскаго и Варавскаго, которые были извѣстны подъ именемъ литературныхъ, я встрѣчалъ постоянно много офицеровъ; многіе изъ нихъ были постоянные посѣтители, а многіе приходили только временемъ; изъ видѣнныхъ мною тамъ, я помню слѣдующія фамиліи: 1) Домбровскаго, 2) Варавскаго офицеровъ Генеральнаго Штаба: 3) Шалевича, 4) Станевича 5) штабсъ капитана Гейденрейхъ, 6) Сапернаго баталіона поручика Эммануила Юндзилла, 7) чиновника 1-го департамента государственныхъ имуществъ губернскаго секретаря Виталія Опоцкаго, 8) студента Ѳедора Опоцкаго, 9) чиновника конторы В. К. Маріи Николаевны коллежскаго регистратора Константина Домбровскаго, 10) поручика 6-го Сапернаго баталіона Іеронима Станевича, 11) отставнаго капитана Генеральнаго Штаба Ивана Станевича, студенты: 12) Игнатій Станевичъ, 13) Маріянъ Станевичъ, 14) Бояміръ Станевичъ, 15) дворянинъ Витебской губерніи Степанъ Ходосевичъ, 16) поручикъ Кіевскаго гренадерскаго полка Андрей Цитовичъ, 17) офицеръ Рудольфъ Ниливицкій, 18) Артиллерійской академіи Вержбицкій, 19) Крушевскій, 20) генеральнаго штаба Озеран-

скій, 21) Миневскій, 22) Верженевскій, 23) Жельскій, 24) Барановскій, 25) Запольскій-Довнаръ, 26) помѣщикъ Буцко, 27) Калиновскій, 28) Сѣраковскій, 29) Жвирдждовскій, 30) Далевскій, 31) Генеральнаго Штаба Чернякъ, 32) имѣющій типографію Огрызко, 33) прапорщикъ Петръ Хайновскій, 34) прапорщикъ Васьковскій, 35) гвардейской конной артиллеріи Коссовскій, 36) Киневичъ, 37) гвардейской конной артиллеріи поручикъ Подлевскій, 38) лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикъ Погоржельскій, 38) штабсъ-капитанъ Подбельскій, 40) поручикъ Андрей Чернецъ, 41) артиллерійскій подпоручикъ Туръ, 42) Лясковскій, 43) корпуса лѣсничихъ поручикъ Мокржецкій, 44) уланскій поручикъ Ребиндеръ, 45) Артиллерійскій подпоручикъ Гедройцъ, 46) поручикъ Голиневичъ, 47) Керсновскіе—два брата, 48) Артиллерійской академіи Каплинскій, 49) Инженерной академіи Вылежинскій; академіи Генеральнаго Штаба: 50) Рыдзевскій, 51) Обезерскій, 52) О'Бырнъ и другіе. Я вступилъ въ это общество въ 1858 или 1859 г.—хорошенько не помню. Когда я, послѣ бывшей исторіи въ Инженерной академіи, долженъ былъ уѣхать въ Саперный баталіонъ, общество это было *въ самомъ разгарѣ*, но когда я вернулся опять въ академію 15 іюля 1862 года, то я уже не засталъ вечеровъ у Добровскаго и Варавскаго, такъ какъ они уѣхали, и такимъ образомъ общество бывшее въ Петербургѣ на время разстроилось [1]); цѣль этого общества была слѣдующая: *эмиграція старалась чрезъ посредство подобныхъ собраній подготовить молодежь къ возстанію и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать приблизительно какими силами можно будетъ располагать въ данный моментъ.* Вернувшись въ 1862 году въ Петербуръ я сталъ на квар-

---

1) Потомъ мѣсто уѣхавшаго Домбровскаго заступали по очереди: Погоржельскій, Каплинскій, Чернякъ и другіе.

тирѣ съ Васьковскимъ и Хайновскимъ. Однажды зашелъ къ намъ Виталій Опоцкій и объявилъ, что всѣ записавшіеся въ разныя общества теперь находятся подъ вліяніемъ центральнаго комитета и потому должны безпрекословно исполнять всѣ его приказанія и быть готовыми по первому приказанію комитета немедленно отправиться въ возстаніе, которое уже рѣшено. Я и Хайновскій согласились, а Васьковскій объявилъ, что онъ въ возстаніе отправится послѣ—когда повстанцы будутъ уже организованы, а до тѣхъ поръ Васьковскій согласился собирать деньги въ кассу комитета; Хайновскій также согласился собирать деньги, а потому Опоцкій далъ Васьковскому и Хайновскому по 5—6 бланковъ для сбора денегъ; и когда эти бланки были всѣ израсходованы, то Васьковскій сдавалъ деньги Опоцкому и получалъ опять бланки для новаго сбора, и такъ далѣе.

„Я, какъ знакомыхъ не имѣлъ, то и бланковъ для сбора не бралъ.“

Списокъ лицъ другими арестованными значительно увеличенъ. И какъ послѣдствія показали большая часть изъ упоминаемыхъ здѣсь посѣщавшихъ эти вечера приняла прямое участіе въ мятежѣ.

Разстрѣлянный же въ Казани поручикъ Черникъ положительно утверждалъ, что „изъ бывшихъ въ то время въ трехъ петербургскихъ академіяхъ офицеровъ—Поляковъ *не было ни одного*, который бы не принадлежалъ къ централизаціи и не посѣщалъ литературныхъ вечеровъ, и одни обязались немедленно идти въ возстаніе при его началѣ; другіе когда послѣдуетъ заграничное вмѣшательство, или когда сформируется польское регулярное войско; третьи—самые меньшіе по числу—только вносили деньги въ комитетъ.“

Самъ же президентъ, поручикъ Фердинандъ Варавскій, подтверждая все вышесказанное, говоритъ такъ:

,,Собранія наши были открыты по мѣстному распоряженію и настоятельнымъ увѣщаніямъ капитана Сѣраковскаго, съ цѣлью сближенія польской молодежи, но какъ ихъ посѣщали *принадлежавшіе уже къ тайному обществу*, то они и приняли политическій характеръ. Со времени же демонстрацій, начавшихся въ Варшавѣ, они получили бурный характеръ (такъ и пахнетъ сеймомъ и слышится обыкновенное niepozwalam); для возстановленія порядка, рѣшили избрать президента, посредствомъ свернутыхъ записокъ, на которыхъ каждый написалъ бы фамилію того, кого избираетъ; получившій большинство голосовъ долженъ былъ остаться президентомъ. Моя ли въ томъ вина, что выборъ палъ на меня? Впрочемъ президентство мое было болѣе номинальнымъ нежели фактическимъ и порядка возстановить было невозможно'' (liberum veto).

На эти собранія, какъ уже было сказано, Огрызко и Сѣраковскій являлись только изрѣдка, дабы не слишкомъ компроментировать себя сношеніями съ болтливою молодежью; направленіе же этимъ собраніямъ они давали черезъ Домбровскаго, который былъ порученъ надзору Огрызки. Объ этомъ Огрызко говоритъ такъ:

,,Я познакомился съ Домбровскимъ въ концѣ 1859 года, когда съ нимъ приходилъ ко мнѣ прибывшій въ то время въ С.-Петербургъ, родственникъ его, одинъ эмигрантъ 1831 г., который говорилъ, что Домбровскій молодъ и уже слишкомъ горячъ и что его нужно сдерживать, и потому просилъ меня имѣть

за Домбровскимъ надзоръ, а Домбровскому совѣтовалъ бывать у меня почаще [1]).“

Домбровскій же, вполнѣ понимая совѣтъ стараго эмигранта, во всѣхъ случаяхъ, когда надо было напечатать что либо или добыть шрифты для устраиваемой гдѣ либо тайной типографіи, всегда обращался [2]) къ наставнику и наблюдателю своему, какъ имѣющему собственную типографію (устроенную на русскія деньги) и, само собою, Огрызко не отказывалъ своему воспитаннику въ такой бездѣлицѣ.

Такимъ образомъ польская пропаганда распространялась все болѣе и болѣе. Поляки съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдствій реформы 19 февраля 1861 года, ибо, по ихъ предположенію, реформа эта не должна была обойтись спокойно: „*гдѣ нибудь да вспыхнетъ возстаніе, говорили они, охватитъ всю Россію, а мы воспользуемся этими безпорядками и начнемъ свое возстаніе*“ [3]).

---

1) Кромѣ того надзору Огрызки былъ порученъ родителями почти въ тоже время одинъ изъ студентовъ, и Огрызко, какъ должно было ожидать, хорошо направилъ обоихъ: Домбровскій сталъ начальникомъ революціоннаго военнаго кружка въ Варшавѣ, а помянутый выше студентъ — комисаромъ Могилевскаго воеводства.

2) Показанія президента революціоннаго военнаго кружка и самаго Огрызки.

3) Замѣчательно то, что Поляки всегда сильно разсчитывали на *Панургово стадо*, какъ они на условномъ языкѣ называли всѣхъ полонофиловъ, полякующихъ и вообще сознательно или без-

Но какъ „Колоколъ" не гудѣлъ въ ихъ пользу, все таки ожиданія ихъ не оправдались; а между тѣмъ польская молодежь, подготовленная тайными обществами, не имѣла исхода своему патріотическому энтузіазму. Начались демонстраціи въ Царствѣ Польскомъ и во всей западной Россіи. Революціонные комитеты, обнадеженные заграничною эмиграціею, всячески побуждали молодежь и женщинъ къ устройству демонстрацій, разсчитывая, что наступаетъ время для давно подготовляемаго возстанія. Рѣшено было привлечь къ дѣлу мятежа, при помощи ксендзовъ и религіозныхъ демонстрацій,[1]) постальныхъ Поляковъ, еще колеблющихся, и завлечь побольше изъ русской молодежи въ „*Панургово стадо*." А потому всѣ, записавшіеся въ общество, такъ искусно пользовались сочиненіями Герцена, таинственно распространяя *этотъ запретный плодъ* между любопытнымъ юношествомъ, что вскорѣ пріобрѣли себѣ сторонниковъ и между русскою молодежью, которая, подготовленная университетскими „*круж-*

сознательно пляшущихъ по ихъ дудкѣ и сочувствующихъ имъ Русскихъ. „Колоколъ" сильно помогалъ вербовать это стадо.

1) Революціонеры разсчитывали на то, что Мицкевичъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ о славянскихъ литературахъ, говоритъ:

„Что же это была за страшная сила, которая подняла народъ польскій двинула его на русскія земли и отбросила за Днѣпръ русскую народность? *Это было колоссальное могущество римской церкви*, которая приняла подъ свое покровительство *польское дѣло*, и оно сдѣлалось *ея собственнымъ дѣломъ*."

ками,“ стала *записываться въ члены устраиваемой Поляками централизаціи*, съ разными цѣлями: одни — съ цѣлью соединенія всѣхъ славянскихъ народовъ, другіе—съ цѣлью возстановленія Малороссіи, третьи — съ цѣлью пропагандировать необходимость земскаго собранія, четвертые—съ цѣлью соціалистическою, пятые—съ цѣлью вообще революціонною. Поляки принимали всѣхъ въ Панургово стадо — и *космополитовъ*, и *нигилистовъ*, и *передовыхъ* — и всѣмъ обѣщали исполненіе ихъ желаній. При недостаткѣ общественнаго мнѣнія и гласности по всѣмъ польскимъ интригамъ, у насъ въ Россіи образовались *наши* космополиты и нигилисты, которые величаютъ себя *передовыми людьми*, а въ сущности — *плохо воспитанные* юноши увлекающіеся іезуитскою пропагандою эмиграціи и вслѣдствіе этого, во имя цивилизаціи, общей справедливости, свободныхъ началъ, обособленія независимыхъ народностей, любви ко всему человѣчеству и другихъ гуманныхъ и болѣе или менѣе туманныхъ и непрактическихъ теорій, они становятся, съ спокойною совѣстью, съ убѣжденіемъ въ правотѣ и нравственности поступка, въ ряды измѣнниковъ своей исторіи и своего отечества. На западѣ общества связаны патріотизмомъ и отступничество заклеймено позоромъ; русскіе же *отступники* величаютъ себя *прогрессистами*. Первыхъ мятежниковъ нѣкоторые истинно русскіе люди, но увлеченные модными

бреднями, считали мучениками [1]. Не говорилъ-ли Г. Костомаровъ въ Вильнѣ не задолго до возстанія польскихъ рѣчей и не ходилъ ли онъ *въ нерусскомъ костюмѣ въ угоду Полякамъ и ихъ теоріямъ прогресса;* а попавъ разъ въ Панургово стадо, онъ долженъ былъ быть и въ костелѣ, когда въ Петербургѣ, по распоряженію комитета, пѣли революціонный гимнъ. Главные польскіе дѣятели сознавали, что лишь бы Русскіе влѣзли въ члены тайнаго общества, а уже разъ войдя въ него, не скоро изъ него выпутаются; Поляки надѣялись, по своей опытности въ интригѣ, одурачить вошедшихъ въ заговоръ и заставить ихъ работать по своему.

Вотъ какимъ образомъ русскій революціонный кружокъ получилъ начало солидарности съ польскимъ комитетомъ.—Когда же начались польскія демонстраціи, то нѣкоторые изъ членовъ этого тайнаго общества, увидѣвъ, куда стремятся ихъ коноводы, сейчасъ же отдѣлились отъ нихъ.

---

1) Одинъ изъ арестованныхъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее: ,,Когда вспыхнуло возстаніе, онъ жилъ въ Петербургѣ и не хотѣлъ ѣхать въ свое имѣніе, зная, что и тамъ скоро вспыхнетъ возстаніе. Долго онъ крѣпился; но отзывы родственниковъ его жены (Русскихъ и служащихъ людей) ,,что всякій Полякъ долженъ быть тамъ, гдѣ гибнутъ (!) мученики (!) изъ его соотечественниковъ“ и т. п. гиль,—заставила его, чтобы не прослыть за слишкомъ ,,*отсталаго*,“—вернуться въ деревню, Гродненской губерніи. Тутъ онъ встрѣтился съ Константиномъ Калиновскимъ, который и предложилъ ему принять должность революціоннаго уѣзднаго начальника (Naczelnika Powiatowego).

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ президентъ петербургскаго ,,кружка:"

,,Партія хлопомановъ дѣйствовала сначала за-одно съ революціонною,—*это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію;* она отдѣлилась послѣ, со времени открытія въ Кіевѣ демонстрацій, и съ тѣхъ же поръ начали появляться статьи въ журналахъ противъ польскаго движенія въ южной Россіи. Антоновичъ первый написалъ статью въ Основѣ, въ январѣ 1861 года, противъ польскаго движенія, но изъ централизаціи писали, (докторъ Лабудзинскій), что Антоновичъ отдѣлился только съ нѣсколькими человѣками, что партія хлопомановъ дѣйствуетъ все-таки за-одно съ централизаціею. Что Антоновичъ дѣйствовалъ сначала за одно съ централизаціею, я знаю потому, что еще зимой 1860 года онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, былъ тамъ у *нѣкоторыхъ личностей* и у меня, привезъ мнѣ письмо (донесеніе) изъ централизаціи, разсказалъ, что во всемъ краѣ существуютъ общества, что во время контрактовъ проѣзжалъ изъ за-границы чрезъ Варшаву въ Кіевъ редакторъ Constitutionel'а, нѣкто Lèvy, и собиралъ складки на польскіе легіоны, имѣющіе формироваться за-границею и образовать кадръ будущей польской арміи. Послѣ я узналъ, что этотъ Lévy былъ не болѣе какъ шарлатанъ, пользовавшійся легкомысліемъ Поляковъ, собравшій нѣсколько тысячъ и, по отъѣздѣ за границу, употребившій ихъ въ свою пользу. Антоновичъ передалъ мнѣ адресы [1]). Киневича [2]) въ Москвѣ; Крашевскаго въ Варшавѣ и Далевскаго [3]) въ Вильнѣ,—самъ же уѣхалъ въ Москву для

1) Дать адресы означало — сообщить степень участія того лица, т. е. дать право по дѣлу ржонда къ нему обратиться. Передача адресовъ иногда сопровождалась и сообщеніемъ условленнаго времени, мѣста и лозунга, условленнаго между заговорщиками.

2) Разстрѣлянъ въ Казани.

3) Сосланъ въ каторжную работу.

того, чтобы переговорить съ Киневичемъ, поручивъ мнѣ самому войти въ прямыя сношенія съ Крашевскимъ, Киневичемъ и Далевскимъ.“

Другіе же немногіе Русскіе, попавшіе въ кружокъ Поляковъ и ставшіе послѣдователями Герцена, образовали свои тайныя общества, напр. „Молодая Россія“ и „Земля и Воля.“ Послѣднее общество Поляки взводили даже на степень русскаго революціоннаго комитета, такъ какъ оно до самаго конца шло рука объ руку съ польскимъ возстаніемъ, и комитетъ Огрызки всегда имѣлъ въ немъ своихъ агентовъ.

Въ 1861 году почти каждодневно петербургскій комитетъ получалъ извѣстія изъ разныхъ мѣстъ о демонстраціяхъ, „*въ которыхъ участвовали тысячи народа, о большихъ складкахъ на пользу возстанія и объ общемъ расположеніи всѣхъ сословій* (!?) *къ революціи*,“ а потому Огрызко захотѣлъ убѣдиться на самомъ дѣлѣ каково настроеніе общества въ сѣверо-западной Россіи. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Огрызко:

„Въ 1861 году, кажется, въ началѣ іюля мѣсяца я пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Вильну; цѣль моей поѣздки состояла въ слѣдующемъ: Въ 1861 году директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ Константинъ Карловичъ Гротъ предлагалъ мнѣ должность управляющаго питейно-акцизными сборами въ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній, *по моему выбору*; хотя опредѣленіе на эти должности должно было послѣдовать только 1-го іюля 1862 года, но какъ успѣхъ новой системы питейныхъ сборовъ зависитъ *исключительно отъ удачнаго выбора людей*, которые должны

были вести все дѣло, то тайный совѣтникъ Гротъ старался заблаговременно распредѣлить всѣ зависѣвшія отъ министерства финансовъ должности между лицами по его выбору, съ тѣмъ чтобы предназначенные имъ управляющіе питейно-акцизными сборами имѣли возможность, до вступленія въ должность, пріискать должностныхъ лицъ, назначенныхъ по штату, число коихъ по всей имперіи простиралось до полуторы тысячи человѣкъ. О бывшемъ уже въ то время волненіи умовъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, *я зналъ*, но мнѣ неизвѣстно было до какой степени оно на *самомъ дѣлѣ* сильно; потому, зная, что въ началѣ іюля 1861 года *долженъ былъ быть съѣздъ* польскихъ помѣщиковъ въ Вильнѣ, я желалъ убѣдиться на мѣстѣ [1]).“

Далѣе Огрызко продолжаетъ:

„Въ Вильнѣ я видѣлъ въ то время многихъ изъ *моихъ* знакомыхъ, большею частію товарищей моихъ по университету или по гимназіи (тутъ Огрызко называетъ всѣхъ, съ кѣмъ онъ повидался, между которыми много уже сужденныхъ главныхъ польскихъ *столбовъ* мятежа), и въ этотъ пріѣздъ мнѣ дѣлаемы были предложенія принять участіе въ организаціи (ихъ мѣстной). Пробывъ въ Вильнѣ около недѣли, я возвратился въ Петербургъ. Хотя изъ всѣхъ разговоровъ моихъ въ Вильнѣ я пришелъ къ убѣжденію, что, принявъ должность управляющаго питейно-акцизными сборами въ одной изъ губерній, мнѣ *невозможно*

---

1) Въ Perpetuum mobile заговора, ровно 51 годъ тому назадъ, графъ Михаилъ Огинскій, призванный изъ-за границы, чтобы стать на мѣсто Чарторыйскаго во главѣ Поляковъ, работающихъ въ Петербургѣ,—былъ на съѣздѣ помѣщиковъ въ Вильнѣ, и тоже, *чтобы убѣдиться на мѣстѣ*. На страницѣ 367, 2-го тома Memoires de Michel Oginski мы читаемъ: En passsant par Vilna (1810) sur la fin du mois de Mai j'y trouvais toute la noblesse reunie etc.....

будетъ не принятъ прямаго, личнаго, участія въ революціонномъ движеніи (хорошъ, значитъ, былъ съѣздъ); но я просилъ тайнаго совѣтника Грота оставить вышесказанную должность въ одной изъ западныхъ губерній въ продолженіи нѣкотораго времени свободною.“

На виленскій сеймикъ, на которомъ засѣдалъ только что вернувшійся изъ-за границы Сигизмундъ Сѣраковскій [1]), изъ Петербурга вмѣстѣ съ Огрызкою пріѣзжалъ и Михаилъ Коссовскій [2]), который по окончаніи совѣщаній отправился въ Варшаву и оттуда въ Парижъ для переговоровъ съ эмиграціею. Въ его показаніи мы читаемъ:

„Я уѣхалъ (изъ Радомской гимназіи) въ Петербургъ въ 1852 году, и едва въ началѣ 1853 года успѣлъ опредѣлиться въ университетъ по юридическому факультету; въ 1856 году въ ноябрѣ, по окончаніи курса, поступилъ на службу въ С.-Петербургское губернское правленіе, въ которомъ сего (года), на бывшихъ выборахъ дворянства С.-Петербургской губерніи, я избранъ [3]) кандидатомъ на должность дворянскаго засѣдателя въ столицѣ и С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ утвержденъ *въ семъ званіи* (sic) . . . Въ Петербургѣ, съ самаго пріѣзда до сентября мѣсяца 1857 года, я проживалъ въ римско-католической духовной коллегіи, сначала у своего дальняго родственника пре-

---

1) Который былъ командированъ для собранія свѣдѣній о состояніи арестантскихъ ротъ, находящихся въ западной Россіи.

2) Сосланъ въ каторжную работу.

3) На выборахъ русскихъ дворянъ—избираютъ Поляка. Неужели нѣтъ достойныхъ Русскихъ?—*впрочемъ на Руси много такихъ примѣровъ*.

лата Коссовскаго, а послѣ у прелата Маркевича, и занимался преподаваніемъ уроковъ „(Uczmy się)" . . . . Въ 1861 году я получилъ должность повѣреннаго по дѣламъ графа Потоцкаго — въ Петербургѣ. . . . Въ этомъ же 1861-мъ году въ концѣ іюня мѣсяца, исходатайствовавъ себѣ заграничный отпускъ, я прежде всего отправился въ Ошмянскій уѣздъ (дабы узнать о настроеніи *хлоповъ*); послѣ того въ Вильну, а оттуда въ Варшаву, въ которой пробылъ съ недѣлю у инженера путей сообщенія Тадеуша Хржановскаго, а отправился прямо въ Парижъ къ графу Потоцкому, съ сыномъ котораго поѣхалъ въ Акенъ (Гейдельбергъ).....изъ за границы путемъ черезъ Варшаву, не заѣзжая въ Вильну, я возвратился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ ноября того же 1861 года."

Огрызко, какъ настоящій Полякъ, желалъ возстановленія Польши, вслѣдствіе чего горячо и работалъ на пользу польской справы. Вотъ его собственныя выраженія:

„Родившись Полякомъ, я не переставалъ имъ быть никогда; объ этомъ извѣстно изъ литературной и издательской моей дѣятельности съ 1859 по 1864 годъ" [1]).

Издательская дѣятельность Огрызки, кромѣ изданія газеты „Słowo," въ глазахъ Поляковъ проявилась особенно рельефно возобновленнымъ и дополненнымъ имъ изданіемъ Піаровъ „Volumina legum," которое Огрызко напечаталъ въ

---

1) Точь въ точь и Огинскій, который въ 3 части своихъ мемуаровъ, на страницѣ 31, говоритъ: „J'ai toujours etè bon Polonais, et je me fais gloire de n'avoir jamais cesser meriter ce nom."-

устроенной на русскія деньги типографіи, и выпустилъ въ свѣтъ какъ собраніе всѣхъ прежнихъ законовъ польскихъ, долженствовавшее, при возстановленіи Польши, служить тѣмъ же, чѣмъ служило для насъ общее собраніе законоположеній передъ изданіемъ нашего свода законовъ. Всѣ Поляки отдали должную справедливость трудамъ Огрызки и его „Volumina legum" въ засѣданіи Виленской археологической коммиссіи, устроенной при Виленскомъ музеѣ древностей „*для содѣйствія къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прежними областями Россіи*" были встрѣчены слѣдующею рѣчью:

„Читая любую конституцію (Рѣчи Посполитой), будто читаешь прекраснѣйшую молитву...... Мы должны заботиться о распространеніи этого изданія...... *оно не дастъ угаснуть* въ сердцахъ земляковъ отеческимъ преданіямъ...... Прочитывая страницы этого сочиненія, сердца земляковъ будутъ *ошляхтяться*...... Благословенъ тотъ домъ, въ которомъ если не будетъ читаться, то, по крайней мѣрѣ, будетъ храниться «Volumina legum»...... Хвала же пану Іосафату Огрызкѣ. Предлагаю единодушно избрать его членомъ нашего общества."

Пріобрѣтя такимъ образомъ довѣренность земляковъ, Огрызко могъ руководить *ойчистою* литературою и всѣми непозволительными изданіями польской *легальной* прессы. Между захваченными у него бумагами мы находимъ разныя предложенія, въ родѣ слѣдующаго письма отъ сосланныхъ за участіе въ послѣднемъ мятежѣ:

„Шановный пань!

„Важныя услуги, которыя пань не перестаешь оказывать литературѣ *ойчистой*, побуждають меня предложить свѣтлому взгляду шановнаго пана трудъ, который предпринять сь убѣжденіемъ, что *публика польска много пріобрѣтеть изъ взглядовь господина Чернышевскаю* на столь важные вопросы, обращающіеся въ современности. Сами переводчики не могуть принять на себя издержки перевода...... Что касается условій, они желали бы, чтобы произведеніе, продаваемое по дешевымъ цѣнамъ, было доступно большинству.... Гг. Павловичъ и Краковъ уступають право изданія за 10 р. оть печатаннаго листа (лишь бы окупилась бумага, переписка и пересылка); при этомъ г. Павловичъ въ одномъ изъ повременныхъ польскихъ изданій познакомить читающую публику съ достоинствами повѣсти „Что дѣлать"......... Гг. Краковъ и Павловичъ находятся въ изгнаніи въ Устюгѣ, чѣмъ лишены удовольствія непосредственныхъ сношеній съ паномъ......"

Юліушъ Вышинскій.

18 $\frac{7}{VI}$ 64 Великій Устюгъ.

Изданію этому помѣшалъ арестъ Огрызки.

Къ Огрызкѣ же, какъ *неперестающему оказывать важныя услуги литературѣ ойчистой*, обратился и докторъ Янушкевичъ (женатый на двоюродной сестрѣ яраго Малаховскаго [1]), бывшаго начачьника г. Вильны и учредителя жандармовъ вѣшателей въ сѣверо-западномъ

---

1) Бѣжалъ послѣ неудачнаго покушенія на жизнь Виленскаго предводителя дворянства Домейки.

краѣ) для напечатанія въ 1863 году двумя изданіями въ 6000 экземплярахъ практическаго наставленія для повстанцевъ, объ излѣченіи ранъ „o Ranah w ogólnosci;“ брошюра эта, по показаніямъ самаго Огрызки, назначалась для мятежническихъ шаекъ и была для этой цѣли отправлена въ варшавскій, виленскій и кіевскій комитеты.

Объ этомъ Огрызко между прочимъ говоритъ:

„Авторъ означенной брошюры, докторъ медицины Людвигъ Янушкевичъ, съ нимъ я хорошо знакомъ и мы бывали другъ у друга (и кромѣ того встрѣчались у отставнаго генерала Малаховскаго). . . . . . не стану скрывать передъ коммиссіею цѣль изданія этой брошюры. Такъ какъ предполагавшееся сочиненіе Янушкевича начиналось, какъ сказано выше, наставленіемъ о лѣченіи ранъ отъ выстрѣловъ и такъ какъ въ подобномъ наставленіи болѣе другихъ могли нуждаться раненые повстанцы, неимѣвшіе докторовъ, ни госпиталей . . . . . цѣна брошюры 15 к. с . . . . . брошюры этой напечатано было два выпуска и два изданія, изъ коихъ первое было напечатано въ мартѣ и апрѣлѣ (1-й выпускъ въ мартѣ, а 2-й въ апрѣлѣ); а второе изданіе въ началѣ лѣта 1863 года, — кажется оба выпуска въ одной брошюрѣ . . . . первое изданіе въ 1000 экземплярахъ . . . второе въ 4 т. или въ 5 т. было сдѣлано по совѣту Пржибыльскаго . . . . Брошюра въ Варшаву (къ Пржибыльскому) была послана черезъ самого автора, т. е. доктора медицины Людвига Янушкевича, находящагося и нынѣ въ Петербургѣ . . . .“

Такимъ образомъ Огрызко, *родившись Полякомъ, неперестававъ имъ быть никогда, что дѣй-*

ствительно и видно изъ литературной и издательской его дѣятельности съ 1859—63 годъ [1]).

---

1) Въ началѣ ареста Огрызки, одинъ изъ слѣдователей доказывая ему всю безсмысленность польскихъ затѣй, между прочимъ, замѣтилъ, что по исторіи, право которой отвергать нельзя— Борисовъ находится въ бывшемъ княжествѣ Полоцкомъ, а слѣдовательно, стремленіе подобныхъ Огрызкѣ личностей — ополячить Русь, не имѣетъ даже *легальнаго основанія.* Тогда Огрызко съ запальчивостію выразился: „Какъ бы тамъ не было, но я проклялъ бы своихъ дѣтей, еслибы они не умѣли говорить по польски."

Отчегоже, Французъ, Нѣмецъ, и люди другихъ національностей, поселившись внутри Россіи и принявъ ея подданство, постепенно, какъ въ языкѣ, такъ и въ обычаяхъ, сливаются съ окружащею ихъ средою и становятся чисто русскими людьми, отличающимися отъ кореннаго населенія развѣ только религіею, и прежняя ихъ національность можетъ быть опредѣлена лишъ по ихъ иностранной фамиліи. Между тѣмъ какъ какой нибудь шляхтичъ Огрызко, живя въ Россіи, въ глуши Борисовскаго уѣзда, воспитывавшійся въ русскомъ учебномъ заведеніи и служа въ русской государственной службѣ, только и думаетъ—какъ бы *въ Россіи устроить Рѣчь Посполитую, проклиная дѣтей своихъ за неумѣніе говорить по польски.*

Польскій языкъ въ западной Россіи — есть языкъ туземной аристократіи, которая, во время польскаго владычества, изъ подражанія наѣхавшимъ въ западную Россію магнатамъ, стала говорить по польски, называя польскій языкъ—языкомъ *панскимъ,* а русскій — языкомъ *хлоповъ,* такъ какъ масса народа оставалась *консервативною* и не поддавалась тогдашнимъ *радикаламъ*, пропагандировавшимъ, что западная Россія есть Польша, т. е. не поддавалась *польской пропагандѣ.*

Въ настоящее время многіе изъ помѣщиковъ западной Россіи, *также какъ и послѣ прежнихъ мятежей,* силятся на словахъ увѣрить правительство, что они *„не смотря на разницу вѣроисповѣданій,—чисто русскіе люди, и Россію всегда считали и считаютъ своимъ отечествомъ."*— Сознавая, что не столько

Но, какъ человѣкъ умный и осторожный, онъ по временамъ не вполнѣ вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, а потому и оставлялъ себѣ на всякій случай *тепленькое мѣстечко* : неравно, дескать, правительство рѣшительными мѣрами предупредитъ возстаніе, тогда Огрызко, служа въ сѣверо-западномъ краѣ, могъ бы опять продолжать польское дѣло и подготовить этотъ край къ возстанію въ *болѣе благопріятный моментъ*.

Въ концѣ 1862 года, убѣдившись, что возстаніе будетъ непремѣнно *устроено*, Огрызко, хотя и старался увѣрить себя въ томъ, что заграничныя державы окажутъ помощь Полякамъ, но все-таки онъ не рѣшался подставить свою голо-

---

религія, какъ употребляющійся у домашняго очага языкъ опредѣляетъ національность — (именно у домашняго очага, ибо оффиціально и Огрызко говорилъ по русски и за успѣхи въ русскомъ языкѣ даже награжденъ чиномъ). И такъ сознавая значеніе языка, мы смѣло поставимъ вопросъ о благонадежности землевладѣльцевъ въ западной Россіи слѣдующимъ образомъ:—Въ настоящее время ополяченные помѣщики силятся свалить инціативу мятежа, на разныхъ „Parvenu," увѣряя насъ въ своемъ *всегдашнемъ консерватизмѣ* т. е. *охранительныхъ началахъ;* но такъ какъ, по ихъ увѣреніямъ, они *„считаютъ Россію своимъ отечествомъ,"* и они *„чисто Русскіе люди,"* то пускай же они какъ *консерваторы* и *охраняютъ* ее *отъ ополячиванія*, и поймутъ, что пока польскій языкъ не будетъ у насъ изгнанъ изъ семейнаго очага, какъ языкъ Поляковъ, а не *чисто Русскихъ,* до тѣхъ поръ благонадежность ихъ сомнительна, и всѣ ихъ увѣренія — пустыя слова, имѣющія цѣлью, какъ и послѣ прежнихъ мятежей — отуманить насъ и опять завербовать *въ Панургово стадо.* Смотри: „Польская Эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—1863 г." Вильна 1866 года, страницы: 176, 226, 327, 331, 332 и 334.

ву, принявъ участіе въ *мѣстной* виленской организаціи, куда его приглашали товарищи по университету, такъ какъ, находясь въ ней, было болѣе вѣроятія попасть въ руки правосудія, между тѣмъ какъ, стоя во главѣ петербургскаго революціоннаго движенія и прикрываясь *исправностью по службѣ и ручательствомъ начальства*, можно было продолжать тайно содѣйствовать *своимъ* патріотамъ, а въ случаѣ мнимаго успѣха, скинуть маску и пожинать лавры *воскресителя Польши* , а потому говоритъ Огрызко:

,,Въ концѣ 1861 года я объявилъ К. К. Гроту, что не могу принять должности въ одной изъ западныхъ губерній и что ѣхать на подобную же должность въ Россію не желаю, а прошу его прикомандировать меня къ департаменту разныхъ податей и сборовъ, котораго онъ былъ директоромъ. На просьбу мою послѣдовало съ его стороны согласіе.‘‘

И дѣйствительно, въ формулярномъ спискѣ его значится:

,,9-го ноября 1861 года переведенъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ (нынѣ неокладныхъ сборовъ), а 24 ноября того же 1861 года, за *отлично усердную* службу, начальствомъ засвидѣтельствованную, получилъ единовременно 500 р.‘‘

Такимъ образомъ Огрызко устраивался такъ, что на казенный счетъ даже покрылъ свои путевыя издержки при поѣздкѣ на виленскій *сеймикъ*, на которомъ происходилъ выборъ губернскихъ представителей подъ фирмою *делегатовъ*. Эти делегаты должны были служить глав-

ною основою при проведеніи Огрызкиными друзьями революціонной организаціи. Эти же делегаты должны были вести *легальную* пропаганду, [1]) т. е.

„Заботиться объ устройствѣ польскихъ школъ для крестьянъ, библіотекъ для польской молодежи, прекращать всѣ возможные иски и ссоры между помѣщиками и всячески стараться соединять Поляковъ въ одно цѣлое; установлять братства трезвости. Имъ дано было право именемъ общества дѣлать замѣчаніе всякому Поляку и вмѣстѣ съ тѣмъ они обязаны были составить подробныя вѣдомости обо всѣхъ землевладѣльцахъ, изъ какихъ членовъ состоятъ ихъ семейства, кто сколько имѣетъ доходовъ съ имѣнія, сколько въ немъ крестьянъ и не имѣетъ ли кто нибудь особыхъ капиталовъ.“ (Хорошъ *консерватизмъ* и хороши *охранительныя начала!*)

Въ началѣ марта 1862 года въ Познани, въ Гейдельбергѣ и другихъ городахъ происходили совѣщанія заграничныхъ двигателей польскаго дѣла, для обсужденія вопросовъ по предстоящему мятежу. На эти совѣщанія изъ Петербурга поѣхалъ Огрызко, который по обыкновенію своему устроился такъ, что на казенный счетъ былъ въ это время командированъ за границу, по распоряженію начальства, „съ порученіемъ, „(по его выраженію) удостовѣриться на мѣстѣ, будетъ ли заказъ 15000 стеклянныхъ спиртометровъ Траллеса выполненъ тамошними мастера-

1) Показаніе Якова Гейштора, Антона Еленскаго и князя Гедройца. Всѣ трое члены виленскаго комитета сосланы въ каторжную работу.

,,ми къ сроку.“ Въ эту поѣздку на заграничныя совѣщанія Огрызко окончательно повѣрилъ въ полное сочувствіе всѣхъ заграничныхъ державъ польскому дѣлу.

На возвратномъ пути изъ-заграницы Огрызко видѣлся въ Вильнѣ съ редакторомъ официальнаго журнала ,,Kuryer Wilenski“ г. Киркоромъ, который передъ официальнымъ журналомъ издавалъ въ Вильнѣ польскій сборникъ ,,Teka Vilenska“ запрещенный одновременно съ Огрызкинымъ ,,Словомъ“ за напечатаніе письЛелевеля. Кромѣ того въ Вильнѣ Огрызко повидался съ своими корреспондентами и товарищами по университету, наблюдая и подмѣчая вездѣ настроеніе края, и послѣ совѣщанія съ членами тогдашняго революціоннаго комитета Францемъ Далевскимъ, Звирждовскимъ [1]) и другими, пришелъ къ тому заключенію, что край уже *готовъ къ возстанію* [2]), а потому онъ и вернулся въ Петербургъ, рѣшившись приступить къ дѣйствію. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ, какъ *одинъ изъ главныхъ* руководителей петербургскихъ революціонеровъ, вошедшихъ

---

1) Капитанъ Генеральнаго Штаба; начальствовалъ въ могилевскомъ возстаніи подъ именемъ Топора, бѣжалъ за границу, потомъ изъ-за границы вернулся опять и командовалъ шайкою въ Царствѣ Польскомъ, пойманъ и повѣшенъ въ Апатовѣ.

2) Изъ Украйны онъ еще 8 октября 1861 года получилъ *донесеніе*, ,,что въ ихъ губерніяхъ заражены душкомъ и питаютъ въ сердцѣ месть... и готовы колотить головки“... Смотри письмо Горшковскаго.

уже въ то время, при посредствѣ „Гейдельбергской читальни“ и другихъ эмигрантскихъ учрежденій, въ прямыя сношенія съ русскимъ революціоннымъ „кружкомъ“ [1]), занятъ былъ проведеніемъ повсемѣстной революціонной „организаціи“ для предстоящаго возстанія, уже рѣшеннаго окончательно на заграничныхъ совѣщаніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по обязанности службы, онъ долженъ былъ содѣйствовать къ проведенію новой питейно-акцизной системы. Огрызко, такъ сказать, *сидѣлъ на двухъ стульяхъ* и долженъ былъ проводить одновременно двѣ системы или организаціи: одну — революціонную, другую — питейно-акцизную, и онъ, какъ настоящій Полякъ, *по своему* воспользовался этимъ. Всячески старался онъ, хотя въ нѣкоторыхъ личностяхъ, соединить, какъ самъ соединялъ въ себѣ, эти противуположныя обязанности: *соблюдать интересъ казны и наносить ей возможно большій вредъ.* Огрызко говоритъ объ этомъ между прочимъ слѣдующее:

„Такъ какъ я принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ къ успѣшному проведенію новой системы питейныхъ сборовъ *и въ назначеніи на новыя должности*, то директоръ департамента Константинъ Карловичъ Гротъ, руководившій этимъ дѣломъ, сомнѣвался первое время въ возможности пріисканія такого числа

---

1) Одинъ изъ членовъ варшавскаго ржонда Оскаръ Авейде, разсказывалъ: что въ Гейдельбергѣ передъ мятежемъ была устроена „Читальня,“ въ которой собиралась польская эмиграція и русскіе „*либералы.*“

лицъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Еще болѣе казалось затруднительнымъ пріискать такихъ людей для сѣверо-западныхъ губерній, какъ потому, что должностныя лица акцизнаго вѣдомства обязаны были тамъ имѣть дѣло съ винокуренными заводчиками, большею частію польскаго происхожденія (!?), такъ и потому въ особенности, что изъ лицъ русскаго происхожденія весьма мало было охотниковъ (?!) для занятія должностей въ этихъ губерніяхъ. [1]) Поэтому тайный совѣтникъ Гротъ, зная, что я имѣю знакомыхъ въ этихъ губерніяхъ, поручилъ мнѣ переговорить съ ними (назначаемыми въ этотъ край) по этому предмету; я же, съ своей стороны, назвавъ имъ нѣсколько фамилій [2]), указалъ имъ на бывшихъ моихъ товарищей по университету Оскерку и Якова Гейштора [3]), сказавъ, что кого они рекомендуютъ, за тѣхъ я ручаюсь."

Переписка и бумаги, находящіяся въ рукахъ коммиссіи, объясняютъ какого рода личности были назначаемы Огрызкою въ сѣверо-западный край [4]). Для примѣра приведу 2 письма его

---

1) Это показаніе ложно: въ перепискѣ, взятой у Огрызки, мы находимъ массу писемъ людей *русскаго происхожденія*, просившихъ *гдѣ нибудь* мѣста въ акцизѣ.

2) Которыя уже давно попали въ алфавитъ слѣдственныхъ политическихъ коммиссій.

3) Александръ Оскерко и Яковъ Гейшторъ были оба членами zarządzającego prowincjami na Litwie oddziała (Отдѣла управляющаго провинціями на Литвѣ). Послѣдній былъ даже предсѣдателемъ отдѣла:—оба осуждены въ каторжную работу.

4) Не только западный край наводнился чиновниками Поляками, но и внутри Россіи *на хлѣбныхъ мѣстахъ* пріютилось и расположилось такое множество Поляковъ, что при открытіи земскихъ собраній не могли не появиться заявленія объ этомъ. Одно изъ подобныхъ заявленій я помѣстилъ въ приложеніи № VIII, вмѣстѣ съ объясненіемъ, удостовѣряющимъ въ справедливости этого заявленія.

къ Оскеркѣ, по которымъ еще въ 1863 году производились разслѣдованія:

,,Податель этой записки М. Меркуловъ назначенъ г. министромъ финансовъ *по моему совѣту*; онъ хочетъ съ тобою познакомиться. Пріими его, какъ слѣдуетъ (какъ найлучше), и ни въ чемъ не отказывай, о чемъ просить будетъ; Меркуловъ *человѣкъ справедливый въ отношеніи насъ и имѣющій самыя лучшія намѣренія*. Онъ будетъ просить о рекомендаціи людей на должности по акцизу; я указалъ *только двухъ*: Чепелинскаго (исключенъ по неблагонадежности) и Укліевскаго; назови ему *прочихъ*, только такихъ, которые не *предадутъ*. Не слѣдуетъ ли назвать Веригу (былъ тогда уже членомъ комитета; сосланъ въ каторжную работу) Фолькенгогена и Клечковскаго (его фамилія встрѣтится ниже; бѣжалъ). Съ тою же просьбою обратится къ тебѣ и Палицынъ, прими его хорошо и назови тѣхъ, кого считаешь необходимымъ; я называлъ ему *тоже двухъ*. Въ концѣ іюня буду въ Вильнѣ.‟

Или другое:

,,Податель сего письма старый декабристъ; на сколько могу полагать, этотъ человѣкъ *большой намъ другъ* и имѣетъ наилучшія намѣренія; онъ будетъ просить объ указаніи нѣсколькихъ лицъ на должности; рекомендуй ему тѣхъ, на кого *падаетъ* рекомендація, т. е. за *благоразуміе* которыхъ ручаешься. Я рекомендовалъ ему *тоже двухъ* Гундзіуса и Гинейку (оба сосланы въ каторжную работу). Прими его какъ слѣдуетъ и дай записку къ Гейштору‟ [1]).

---

1) Снабжая подобными письмами Русскихъ дѣятелей пріѣзжавшихъ въ западный край, Огрызко и другіе *столбы въ народѣ* были спокойны за польскую справу въ томъ отношеніи, что помощниками и исполнителями у этихъ Русскихъ дѣятелей становились ,,*свои люди*,‟ разные: Вериги, Клечковскіе, Гейшторы, Гундзіусы, Гинейки, Оскерки и Чепелинскіе, которые и оправдали ихъ довѣріе.

Кромѣ того въ захваченной перепискѣ есть письма съ заявленіемъ Огрызкѣ чувствъ благодарности за то, что онъ *своимъ старается дать мѣста* съ хорошимъ содержаніемъ.

И такимъ образомъ въ каждой губерніи по крайней мѣрѣ двухъ своихъ *большихъ друзей* [1]) Огрызко помѣстилъ на казенномъ содержаніи. Черезъ посредство этихъ *большихъ друзей* онъ надѣялся получать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи общества въ революціонномъ отношеніи, а условная корреспонденція, въ видѣ счетовъ, облегчала сношенія. Для того же, чтобы узнать настроеніе общества внутри Россіи, онъ съѣздилъ по казенной надобности, как онъ самъ выражается:

1) „въ іюнѣ 1862 года въ Костромскую губернію для разсмотрѣнія на мѣстѣ дѣлъ питейнаго отдѣленія Костромской казенной палаты по Макарьевскому и Юрьевскому откупамъ; 2) въ сентябрѣ въ Смоленскъ для дополнительнаго заподряда на тотъ годъ вина для Смоленской губерніи; 3) въ концѣ октября въ Землю Войска Донскаго, для соображенія, была ли надобность въ заготовленіи для тамошняго края на 1863 годъ 600 т. ведеръ вина, какъ доносилъ тамошній управляющій, и если была дѣйствительная надобность, то для

1) Въ 1866 г. въ № 20 газеты „Голосъ" господину Меркулову было интересно знать, какому это „*нашему дѣлу*" сочувствовали назначаемые *по совѣту* Огрызки, *его большіе друзья*? На это я скажу только то, что какъ Огрызко, такъ и Оскерко, вмѣстѣ со всѣми *своими большими друзьями*, еще съ 1849 года работали на пользу *польской справы*, которую и считали *своимъ* дѣломъ, за что и сосланы оба въ каторжную работу.

заподряда онаго въ томъ количествѣ, какое я признаю нужнымъ; я представилъ, что въ заподрядѣ вина, по моему соображенію, не было надобности, не смотря на то, что управленіе боялось, что произойдутъ отъ этого *безпорядки въ народѣ*; но соображеніе это оказалось вѣрнымъ, а ожиданіе безпорядковъ въ народѣ ошибочнымъ" [1]).

Пользуясь 2-ою командировкою въ Смоленскъ, Огрызко побывалъ въ Варшавѣ и Вильнѣ для совѣщаній столь важныхъ, что писали изъ Петербурга къ А. Оскерко:

„Сообщаю тебѣ, что онъ (Огрызко) предполагаетъ выѣхать изъ Петербурга 5-го сентября; не думаю, чтобы это число было положительно вѣрно, хотя онъ *грозитъ*, что выйдетъ въ отставку, если его къ тому времени не отпустятъ въ Варшаву: но всегда лучше тебѣ быть заблаговременно предупрежденнымъ."

Желаніе его исполнилось еще лучше: онъ получилъ командировку на казенный счетъ въ Смоленскъ.

Огрызко самъ отправился узнавать настроеніе общества внутри Россіи, а для узнанія положенія дѣлъ и намѣреній аристократической эмиграціи поѣхали другія личности; такъ въ показаніяхъ Михаила Коссовскаго мы читаемъ:

„Въ іюлѣ 1862 года, передъ отъѣздомъ моимъ (изъ Петербурга) вмѣстѣ съ графомъ Григоріемъ Потоц-

---

1) Захваченная переписка показываетъ, что онъ и тамъ надѣялся пріискать себѣ между старообрядцами *сотрудниковъ* и *корреспондентовъ* революціонной справы; но онъ ошибся, ибо Донцы ловко проучили тѣхъ, кто заикнулся о мятежѣ противъ Государя.

кимъ, Виталій Опоцкій зашелъ ко мнѣ и просилъ взять письмо въ Вильну (въ комитетъ); письмо было безъ адреса, который онъ и принесъ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ . . . Въ Вильнѣ пришлось пробыть четыре дня . . . . Я возвратился въ Петербургъ въ началѣ августа. На Рождество Христово я опять ѣздилъ въ Вильну и возвратился въ самомъ началѣ 1863 года."

Огрызко вернувшись изъ путешествій по Россіи довольный своими путевыми впечатлѣніями и донесеніями своихъ корреспондентовъ, былъ успокоенъ и сообщеніями Михаила Коссовскаго. Въ Петербургѣ же Огрызко по пріѣздѣ своемъ засталъ присланнаго туда отъ Варшавскаго ржонда Подлевскаго [1]), пріѣхавшаго съ порученіемъ соединить русскихъ заговорщиковъ и *либераловъ* и сформировать изъ нихъ комитетъ. Подлевкій былъ командированъ ржондомъ потому, что въ 1862 году, когда нѣкоторые русскіе студенты и молодежь, подъуськиваемая Поляками, начали тоже устраивать разныя университетскія демонстраціи, панихиды по убитымъ и разстрѣляннымъ въ Варшавѣ, и такимъ образомъ заявили Полякамъ свое сочувствіе,— варшавскій ржондъ, довольный успѣхомъ своей пропаганды, хотѣлъ втянуть Русскихъ глубже въ дѣло заго-

---

1) Офицеръ гвардейской конной артиллеріи; разстрѣлянъ; пріѣзжалъ въ Петербургъ подъ именемъ графа Матусевича. Подлевскій— передъ этой поѣздкой ѣздилъ къ Герцену для обсужденія вопроса о революціи въ Россіи и о средствахъ привлеченія къ дѣлу польскому русскихъ революціонеровъ и, какъ сказано на 1345 страницы „Колокола," „*былъ въ числѣ шести совѣтниковъ*."

вора, чтобы имѣть во первыхъ сотрудниковъ, которыхъ не будутъ подозрѣвать, а во вторыхъ, чтобы имѣть возможность выставлять имена этихъ *анти-русскихъ* патріотовъ, какъ доказательство *общаго сочувствія всѣхъ* (?!!) *Русскихъ къ польскимъ замысламъ.* Интрига эта, къ стыду нашему, удалась, и между Русскими нашлись такіе, которые стали *обезъянничать* съ польскаго комитета. Плодомъ чего и явилось общество „Ада," изъ котораго вышелъ Каракозовъ.

Въ доказательство же солидарности всѣхъ безпорядковъ и несчастій, бывшихъ въ Россіи, съ польскимъ мятежемъ могутъ служить захваченныя въ разное время письма и черновые на нихъ отвѣты, попавшіеся въ руки слѣдственныхъ коммисій, и имѣющіеся въ разныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ показанія преступниковъ, кажется довольно ясно опредѣляющихъ тѣхъ „*враговъ Россіи*" которымъ мы обязаны всеобщими пожарами и покушеніемъ 4-го апрѣля.

„Между польскими эмигрантами,—говоритъ Р...... кій (*), *есть тайная шайка поджигателей;* средоточіе этой шайки Швейцарія, за тѣмъ Парижъ и Турція. Я не могу указать время основанія этого страшнаго общества, его организацію и начало его преступныхъ дѣйствій, но могу назвать нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ нему;—такъ изъ частныхъ свѣдѣній мнѣ извѣстно, что въ Парижѣ принадлежатъ къ этому обществу: эми-

---

(*) Фамиліи обличителей мною по возможности скрыты, дабы не навлечь на нихъ мести *польскихъ ревнителей-патріотовъ.*

грантъ Бычинскій [1]), бывшій въ послѣднюю революцію начальникомъ г. Вильны, литовскій уроженецъ; Кешковскій, бѣглый офицеръ кавказской арміи; въ Швейцаріи: Игнатій Хмелевскій [2]) (эмигрантъ изъ Царства Польскаго) со своими приверженцами; Конопацкій, младшій изъ трехъ братьевъ эмигрировавшихъ съ Рожицкимъ изъ Волынской губерніи, и нѣкто Кокосинскій; въ Турціи—проживающій въ Константинополѣ Рыкъ, бывшій офицеръ русской арміи, разжалованный въ рядовые и передавшійся французамъ во время осады Севастополя.

„Въ началѣ 1865 года Гедройцъ, бѣглый офицеръ русскихъ войскъ, проживающій въ настоящее время въ Парижѣ, говорилъ мнѣ, что нѣкто Копанскій, однодворецъ Вилкомірскаго уѣзда, эмигрировавшій во время послѣдняго мятежа и служившій во время возстанія подъ его начальствомъ, приходилъ къ нему совѣтоваться—ѣхать ли ему въ Литву, такъ какъ Бычинскій уговариваетъ его заняться поджигательствомъ вмѣстѣ съ какимъ то Ясинскимъ, подъ начальствомъ котораго Копанскій долженъ былъ дѣйствовать. Гедройцъ отсовѣтовалъ Копанскому принять предложеніе.

„Въ томъ же году въ февралѣ мѣсяцѣ, Котковскій говорилъ при мнѣ Гутри [3]), что Бычинскій въ числѣ многихъ другихъ завербованъ въ составъ новой организаціи, желающей начать возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и что Бычинскаго положено выслать въ Вильну для устройства тамъ организаціи. Гутри,

---

1) Вѣроятно—ксендзъ Бучинскій.

2) Хмелевскій тотъ самый, который распоряжался покушеніемъ на жизнь Его Императорскаго Высочества Великаго Князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

3) Котковскій—эмигрантъ Царства Польскаго.—Гутри—глава польскаго дѣла въ Познани, самъ помѣщикъ—и далеко не раздѣлялъ мнѣнія, что поджоги хорошее средство для возбужденія народныхъ страстей.

услышавъ это, пришелъ въ ужасъ и возразилъ: ,,развѣ вы не знаете, что Бычинскій поджигатель, такъ пошлите туда еще и Кешковскаго, они заведутъ вамъ тамъ славную организацію.“

,,По словамъ Гутри, шайка поджигателей состоитъ подъ покровительствомъ Лондонскаго общества ,,Ognisko revolucyjne“ (революціонный очагъ или фокусъ), членъ котораго эмигрантъ Божеславскій занимается преимущественно дѣлами этого общества. Съ русскими революціонерами шайка поджигателей сносится чрезъ эмигранта Владислава Миловича [1]). Гутри подозрѣваетъ что эмигрантъ Франковскій также принадлежитъ къ этому обществу.

,,Не знаю поѣхалъ ли Бычинскій въ Литву, но парижскій комитетъ отказалъ ему въ деньгахъ на дорогу.

,,При этомъ считаю нужнымъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Польская эмиграція, живущая въ Парижѣ, раздѣлена на многочисленные политическіе ,,кружки,“ по большей части тратитъ свои силы въ междоусобныхъ политическихъ спорахъ и занимается по преимуществу составленіемъ проектовъ о различныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ. Проекты эти передаются для выполненія польскимъ эмигрантамъ въ Швейцарію, которые, сильно нуждаясь въ матеріальныхъ средствахъ, готовы всегда на все.

,,Работы эти покрыты тайною, такъ что не принадлежащіе къ нимъ, особенно же эмигранты живущіе въ Парижѣ, знаютъ о нихъ только по слухамъ; по этому то мнѣ неизвѣстно до какой степени развита организація шайки поджигателей и какія ее средства, но, судя по многимъ разговорамъ, могу только одно навѣрное сказать, что средоточіе этой шайки Швейцарія.

,,Рыкъ, о которомъ я упомянулъ выше, какъ мнѣ кто-то говорилъ, человѣкъ безъ всякихъ средствъ и какъ нужно полагать, состоя въ связяхъ съ швейцарскимъ обществомъ поджигателей, помогаетъ другой по-

---

1) Эмигрантъ Люблинской губерніи.

добной русской шайкѣ, называющейся *агенціею* Герцена и сосредоточенной въ Тульчѣ.

,,Эта русская шайка, сильно развившаяся въ Турціи и имѣющая огромное вліяніе на всѣхъ раскольниковъ, какъ то: липовановъ, скопцовъ и другихъ выходцевъ изъ Россіи, занимается всякаго рода пропагандою, а въ томъ числѣ и поджогами въ южной части коренной Россіи.

,,Все это я слышалъ во время бытности моей въ 1864 году въ Яссахъ отъ *агента польскаго народнаго правительства*[1]), тамошняго жителя армянина Айвазовскаго.

,,Осенью 1864 года нѣкто Краснопѣвцевъ, бывшій офицеръ русской артиллеріи и членъ общества ,,Молодая Россія," высланный Герценомъ изъ Парижа въ Тульчу, писалъ оттуда къ своимъ товарищамъ въ Парижъ, что онъ занимается преимущественно высылкою людей *съ различными порученіями во внутрь Россіи*. Одинъ изъ товарищей Краснопѣвцева, именно Ельчаниновъ[2]), проживающій и теперь въ Парижѣ, говорилъ мнѣ, что изъ этого письма легко было догадаться, что «*агенція* Герцена *занимается производствомъ пожаровъ въ южной Россіи*».

,,По словамъ эмигранта ксендза Котковскаго, *въ Россіи составилась изъ сосланныхъ Поляковъ тайная революціонная организація, а потому очень быть можетъ, что сосланные находятся въ сношеніяхъ съ поджигателями*.

,,Будучи въ 1864 году въ Яссахъ у агента польскаго народнаго правительства Айвазовскаго, какъ я уже сказалъ выше, я встрѣтилъ тамъ двухъ венгерскихъ эмигрантовъ Стефани и Вогези; изъ нихъ послѣдній членъ Лондонскаго общества ,,*Ognisko revolu-*

---

1) Одинъ и тотъ же титулъ съ Огрызкою и Киневичемъ. И потому значитъ циркуляры комитета о поджогахъ доходили и до *Петербургскаго агента польскаго народоваго правительства*, которымъ былъ Огрызко.

2) Бѣглый русскій офицеръ.

cyjne" и Польско-венгерско-итальянскаго комитета. Оба они дѣйствовали въ Турціи и Придунайскихъ княжествахъ по уполномочію *польско-венгерско-итальянскаго комитета* [1]), собирали въ Молдавіи венгерскую эмиграцію и занимались вмѣстѣ съ *агенціею* Герцена въ Тульчѣ пропагандою между русскими раскольниками. Стефани и Вогези разсказывали весьма много о внутреннемъ состояніи Россіи и о пользѣ пожаровъ, такъ что мнѣ тогда же казалось, что они или сами участвуютъ въ этомъ дѣлѣ, или же по крайней мѣрѣ имѣютъ объ этомъ предметѣ подробныя извѣстія отъ русскихъ революціонеровъ въ Турціи.

„Предположеніе мое, что „*Ognisko revolucyjne*" имѣетъ связи съ *агенціею* Герцена въ Тульчѣ основано на томъ, что нѣкто Мрозовицкій [2]), бывшій коммисаръ польскаго народнаго правительства въ Придунайскихъ княжествахъ, говорилъ мнѣ, что „въ Маѣ 1864 года членъ этого общества Божеславскій привозилъ деньги вышеупомянутымъ двумъ венгерцамъ и *агенціи* Герцена и жилъ нѣсколько времени въ Тульчѣ."

„Соображая все вышеизложенное мною, я полагаю, что за границей существуютъ двѣ шайки революціонныхъ поджигателей:

„*1-я шайка польскихъ эмигрантовъ*, и

„*2-я шайка самыхъ красныхъ русскихъ революціонеровъ.*

„И тѣмъ и другимъ помогаетъ денежными средствами Лондонское общество „*Ognisko revolucyjne.*" Объ отношеніяхъ этихъ двухъ шаекъ между собою мнѣ совершенно неизвѣстно. На всѣ предпріятія, какъ то: *заговоры на жизнь разныхъ лицъ, а преимущественно коронованныхъ особъ* [3]), *на пожары и вообще на всѣ революціонныя*

---

1) Замѣчательно то, что нѣтъ революціоннаго общества, въ которомъ бы во главѣ не стояли Поляки. Не мудрено, что они такъ искусились въ интригахъ.

2) Эмигрантъ изъ Галиціи.

3) Такъ вотъ куда вѣрно ѣздилъ совѣтоваться Худяковъ, привезшій обществу „Ада" мысль о неслыханномъ въ Россіи царе-

ціонныя работы ,,Ognisko revolucyjne" *получаетъ деньги отъ члена своего—лондонскаго банкира* Тейлора, сердечнаго пріятеля Мадзини. Я это слышалъ отъ эмигрантовъ Скальскаго и Гутри."

Ниже приводимое показаніе Д....скаго служитъ какъ бы подтвержденіемъ словъ Р...кaго относительно участія Герцена въ поджогахъ. Д....скій говоритъ:

,,Что во время бытности его, Д....скаго, въ началѣ 1864 года, въ Краковѣ проживавшій тамъ нѣкто Губицкій, помѣщикъ Радомской губерніи, за паспортомъ выѣхавшій за границу и нынѣ находящійся въ Парижѣ, разсказывалъ ему: ,,что въ Краковъ прибыли изъ Лондона проѣзжающіе въ Россію два агента отъ Герцена и Бакунина, которымъ поручено развить организацію поджигателей и стараться при помощи поджоговъ и пропаганды приготовить городское сословіе къ революціи." Одинъ изъ этихъ агентовъ, по словамъ Губицкаго, былъ горбатый; они требовали отъ краковскаго революціоннаго комитета денежныхъ пособій, но комитетъ, не имѣя достаточныхъ доказательствъ объ этихъ лицахъ, имъ отказалъ."

По словамъ Я...скаго:

,,Для поджоговъ употребляютъ воспламеняющійся составъ изъ угля, сѣры и фосфора [1])."

убійствѣ. Названіе *,,Ognisko rewolucyjne,"* кажется, довольно ясно показываетъ, что его учредители Поляки; такъ вотъ кому мы обязаны тѣмъ, что въ Россіи нашелся Каракозовъ. Неужели и послѣ всего этого наша молодежь будетъ когда либо увлекаться бреднями ,,Колокола" и тому подобной мерзостью и не будетъ остерегаться увѣреній Поляковъ, что они сочувствуютъ намъ, что всѣ они преданы нашему престолу, и что всѣ они, состоя на службѣ—служатъ въ интересѣ русскаго государства.

1) Подобная жидкость была въ довольно большемъ количествѣ приготовлена въ варшавской аптекѣ *,,Младенца Іисуса"*,

Для поясненія той *опеки*, которую на себя взяли Поляки, чтобы устраивать у насъ безпорядки, вовлекать въ нихъ молодежь и потомъ руководить попавшими *въ западню либерализма* по своему усмотрѣнію, приведу письмо капитана Людвига Жвирждовскаго [1]), бывшаго тогда уже членомъ Виленскаго комитета, къ Александру Гутри, главному двигателю польскихъ дѣлъ въ Познани [2]).

высланнымъ въ каторжную работу аптекаремъ Строньскимъ. Бывшій начальникъ города, *Лемпке*, въ 1863 г. чрезъ неизвѣстное Я . . . . . му лицо выслалъ порядочную бутылку подобной жидкости въ Брестъ Литовскій; эта же жидкость была употреблена при пожарѣ Ратуши въ Варшавѣ и съ помощью ее въ 1863 году подожжена была крыша казармъ около замка, но пожаръ былъ во время замѣченъ и потушенъ.

При покушеніи на жизнь Графа Берга изъ дому бывшаго Замойскаго употреблена была та же самая жидкость, сильная до такой степени, что горѣла еще на слѣдующій день на каменной мостовой.

1) Капитанъ Людвигъ Жвирждовскій былъ адъютантомъ въ штабѣ виленскаго генералъ-губернатора; онъ умѣлъ до того вкрасться въ довѣріе къ своему начальству, что оно не вѣрило даже въ возможность его участія въ политическихъ дѣлахъ; даже *офиціальное увѣдомленіе, что онъ соучастникъ съ* Домбровскимъ, не могло поколебать *неограниченной* довѣренности къ нему начальства.

2) Всякій изъ читающихъ пойметъ, что такъ какъ время бывшихъ безпорядковъ еще такъ не далеко, то и нельзя обнародовать всѣхъ документовъ, и я привожу только тѣ изъ нихъ, безъ которыхъ обойтись нельзя, но которые могутъ дать понятіе о томъ вредномъ вліяніи, какое имѣютъ Поляки, служащіе у насъ въ Россіи.

„Г. Вильна 25 ноября (5 декаб.) 1861 г. Александръ.

„Пользуюсь случаемъ, чтобы передать вамъ нѣсколько словъ и получить отъ васъ вѣсти. Податель сего письма, Викентій Козелъ, бывшій инженерный поручикъ, котораго я вамъ рекомендую съ хорошей стороны. Онъ можетъ васъ ознакомить съ *мѣстными* событіями; прилагаю вамъ программу вопросовъ, которые вы можете ему сдѣлать:

„1) Безпорядки въ университетахъ, ихъ причины и предшествовавшія событія въ Петербургѣ и Москвѣ.

„2) Депутаціи и возвращеніе Государя съ Кавказа въ Петербургъ.

„3) Дѣла Виленской гимназіи.

„4) Коммиссія въ Минскѣ.

„5) Дизлокаціи войскъ по городамъ и уѣздамъ.

„6) Увольненіе и переводъ офицеровъ польскихъ уроженцевъ.

„7) Способы читать и писать.

„Остальныя свѣдѣнія могутъ быть вамъ со всею подробностію переданы вручителемъ письма; но вамъ не нужно его посвящать въ тайну. Въ январѣ или февралѣ, вѣроятно, я пріѣду за границу. Людвикъ."

Къ несчастію, мы не вправѣ помѣстить здѣсь всей переписки Жвирждовскаго, пересланной черезъ офицера гвардейской конной артиллеріи Коссовкаго [1]) и другихъ за границу. Но и приведенное нами письмо показываетъ, что послѣдователи польскаго катехизиса ловко обращали насъ, Русскихъ, сначала въ *панургово стадо*, а потомъ изъ него уже вербовали въ дѣло заговора. Эмиграція вела свою интригу въ нача-

1) Поручикъ гвардейской конной артиллеріи; сужденъ въ Сибирь на поселеніе.

лѣ съ большимъ успѣхомъ, такъ, что ряды Русскихъ, сочувствующихъ Полякамъ, сильно увеличивались [1]). Не только между коренными Русскими Поляки вербовали себѣ сотрудниковъ, они ихъ искали между *всѣми* русскими подданными,

---

1) Успѣхъ польской пропаганды былъ такъ силенъ, что правительство, не желая допустить офицеровъ Поляковъ до нарушенія, въ угоду разныхъ „*бродильныхъ началъ*,“ воинской дисциплины, показало неслыханный примѣръ заботливости, разрѣшивъ: офицерамъ, уроженцамъ Царства Польскаго и западныхъ губерній, просить о переводѣ ихъ въ войска внутри Россіи расположенныя. Но Поляки явили себя и въ этомъ случаѣ, какъ и слѣдовало ожидать — не добросовѣстными, т. е. весьма не многіе честно воспользовались предложеніемъ и открыто просили о переводѣ; а большинство отзывалось: „Зачѣмъ переводиться, когда я здѣсь могу быть полезнѣе для нашего дѣла.“ Когда же началось возстаніе, то я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ цѣлая часть хотѣла просить своего командира о переводѣ, не желая дѣйствовать противъ мятежниковъ, и къ стыду нашему тутъ былъ и офицеръ православный, считавшій себя Полякомъ, и уроженецъ западнаго края. А были и такіе примѣры, что когда правительство, для усиленія русскаго элемента въ войскахъ, расположенныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ, переводило туда офицеровъ уроженцевъ великорусскихъ губерній — то между ними находились и такіе отуманенные *польскимъ напускомъ* гуманности, либерализма и прогресса, которые подавали въ отставку, чтобы не ѣхать дѣйствовать противъ Поляковъ; одинъ изъ подобныхъ, прозрѣвшихъ съ началомъ мятежа, въ настоящее время, прочитавъ мою рукопись, выразился: „Я сознаюсь, что невѣденіе, въ которомъ мы находились относительно польскихъ дѣлъ, завлекло меня въ панургово стадо; а увлекаясь модными бреднями, я не давалъ себѣ труда обдумать ихъ хорошенько; въ то время мнѣ казалось, что какъ бы я не былъ преданъ своему правительству, я буду правъ, если не поѣду; а потому—я подалъ въ отставку. Само собою мнѣ стыдно сознаться въ этомъ.“

и *петербургскіе друзья революціи* сильно работали на пользу польской справы; работа ихъ шла такъ удачно, что дала впослѣдствіи возможность Бакунину написать слѣдующее письмо къ одному изъ членовъ ржонда:

„Изъ вашего письма я заключаю, что для меня еще не настало время ѣхать въ Польшу; но я не хочу и не могу отказаться отъ этого плана, который принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ надеждамъ всей моей жизни. Для его исполненія я долженъ быть предварительно увѣренъ, что моего пріѣзда желаютъ въ Польшѣ; но напрасно я адресовался бы, по этому предмету, къ моимъ друзьямъ бывшаго польскаго центральнаго комитета: онъ былъ довольно плохой корреспондентъ даже и предъ революціей; теперь же онъ долженъ быть погруженъ въ дѣла по горло. Кромѣ того мнѣ неизвѣстно, остались ли членами мнѣ знакомые. Пишу къ Лангевичу, котораго я знаю и высоко цѣню; пишу ему о содѣйствіи и о той симпатіи, на которой я преимущественно основываю мои ожиданія. Прошу васъ передать ему мое письмо возможно скорѣе. Покамѣстъ я поѣду въ Стокгольмъ, чтобы тамъ ожидать лучшихъ вѣстей и *употреблю всѣ мои усилія, чтобы произвести движеніе въ Финляндіи, котораго не только мы желаемъ, но желаютъ вмѣстѣ съ нами и наши петербургскіе друзья.* Если движеніе въ Польшѣ продолжится еще съ мѣсяцъ или съ два, то почитаю дѣло вполнѣ выиграннымъ. Позвольте мнѣ высказаться откровенно: по извѣстіямъ, нами полученнымъ въ Лондонѣ, познанскіе дипломаты гораздо болѣе довѣряютъ дипломатіи и иноземной помощи западныхъ дворовъ, чѣмъ собственнымъ силамъ польской революціи; но для того, чтобы дипломатія для насъ работала, необходимо, чтобы польское движеніе себя показало почти единогласнымъ и серіознымъ, и въ особенности, чтобы оно продержалось нѣсколько времени. Если постигнетъ то бѣдствіе, что оно будетъ

подавлено въ нѣсколько дней, то вы не пріобрѣтете ничего, или пріобрѣтете весьма мало. Я полагаю Поляковъ патріотами; всѣ, къ какого бы цвѣта партіямъ они ни принадлежали, должны желать продолженія начатаго революціоннаго движенія, должны содѣйствовать тому всѣми своими средствами. Что до меня касается, то я вполнѣ убѣжденъ, что если движеніе продержится одинъ только мѣсяцъ, то *будетъ полная побѣда, потому что подъ русское правительство подведены мины (?), а оно почитаетъ себя прочнымъ.* На этомъ основаніи, я вовсе не досадую, что имѣю одну или двѣ недѣли передъ собою, чтобы побывать въ Стокгольмѣ [1]). *Если мнѣ удастся раззадорить честолюбивыхъ господъ въ Швеціи на движеніе въ Финляндіи, то я почту себя совершенно счастливымъ и довольнымъ. Дѣйствія подобной диверсіи на русское правительство, на Европу, на всю Россію будутъ страшныя.* Но я хочу и я долженъ быть въ Польшѣ.

„Знаете ли вы, что центральный комитетъ въ Варшавѣ сдѣлалъ плачевную ошибку: *въ то время, когда цѣлыя роты русской пѣхоты (?!?!) хотѣли присягнуть нашему знамени „Земля и Воля" и только ждали польскаго возстанія, чтобы къ нему присоединиться, Поляки на нихъ напали и разрушили разомъ драгоцѣнную работу цѣлаго года.* Теперь они считаютъ себя предательски обманутыми и ихъ нельзя возвратить на прежнюю дорогу; *но дабы пріобрѣсть для инсуррекціоннаго движенія прочное основаніе нужно сформировать русскій революціонный легіонъ, дѣйствуя на плѣнныхъ, которые будутъ вами набираемы* (?). Начало подобнаго легіона несомнѣнно будетъ сопряжено съ величайшими затру-

---

1) Въ № 167 „Колокола" подъ рубрикою: „Пиръ въ Стокгольмѣ" уже описывается это посѣщеніе Бакунина, и между прочимъ говорится: „*Бакунинъ,* мы увѣрены, первый Русскій, въ честь котораго Шведы давали не дипломатическій,—а дружескій, братскій пиръ. На этомъ обѣдѣ молодой Полякъ (опять Полякъ!, и вездѣ Полякъ!) провозгласилъ тостъ въ память *Потебни* и всѣхъ Русскихъ, погибшихъ за польское дѣло."

дненіями, но преодолѣвъ ихъ однажды, я вполнѣ надѣюсь, что примѣръ будетъ дѣйствовать и дѣло пойдетъ далѣе само собою. Польза подобнаго легіона будетъ для всѣхъ насъ разительная. Дабы предпринять это дѣло, я долженъ быть предварительно увѣренъ въ полной *симпатіи* и содѣйствіи одного изъ польскихъ военачальниковъ, у котораго на то есть добрая воля и власть; потому я пишу къ Л а н г е в и ч у, котораго я знаю. Надѣюсь, что вы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы ему скорѣе доставить это письмо, а мнѣ его отвѣтъ. *Не теряйте духа, дѣла уже пошли не дурно; станемъ крѣпко держаться до конца и воскликнемъ: да здравствуетъ революція!*"

Когда начались пожары въ Петербургѣ, то многіе изъ увлекавшихся разными нелѣпыми тенденціями до того, что записались въ члены революціонной централизаціи, увидѣли ясно куда ведутъ ихъ Поляки; опомнились и бросили свои *завиральныя идеи*, стыдясь кому либо признаться, что они были такъ недальнозорки, что не видѣли, куда втягивала ихъ дружба Поляковъ въ компаніи съ Г е р ц е н о м ъ. Тѣ же, у которыхъ заблужденіе было сильнѣе и которые болѣе подпали подъ вліяніе польской интриги, тѣ, по совѣту и настоянію П о д л е в с к а г о, соединились и изъ разныхъ обществъ „*Молодой Россіи*" „*Великорусса*" и „*конституціонной*" составили одно общество, подъ фирмою: „*Центральный народный* (?!) *русскій комитетъ*," девизомъ котораго было: „*Земля и Воля*;" „*Свобода*."

Объ этомъ вліяніи въ № 1-мъ подметнаго листа „*Свобода*" мы читаемъ:

„Для свержения существующаго порядка составилось общество «Земля и Воля.»—Говорить о силѣ этого общества — неумѣстно; мы можемъ замѣтить только, что это общество *успѣло соединить* въ себѣ членовъ тѣхъ отдѣльныхъ «кружковъ», которые не разъ уже заявляли себя . . . . . . *Русскій центральный народный комитетъ* является только представителемъ антиправительственной организаціи. Организація общества не образовалась (?) изъ людей, увлекаемыхъ на борьбу съ правительствомъ одними возбужденными страстями или безотчетнымъ фанатизмомъ. Образованіе нашей организаціи вызвано потребностью (!) самого общества (? !)..... Такъ организація наша составилась изъ людей, непоколебимо убѣжденныхъ, что революція въ Россіи неизбѣжна, что она неминуемо разразится въ возстаніе и что она получитъ исполинскіе размѣры кровавой драмы, если все, или по крайнѣй мѣрѣ большинство, способное и честное (? !) изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону доведеннаго (Поляками и Герценомъ)..... до возстанія народа . . . . . Такимъ образомъ, выступая на борьбу съ правительствомъ, *Народный комитетъ* въ настоящее время ставитъ себѣ одною изъ задачь—привлечсніе образованныхъ классовъ . . . . . Въ этой задачѣ ясно стремленіе такъ называемыхъ революціонеровъ — предотвратить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить кровопролитіе . . . . Въ силу сказаннаго, народный комитетъ призываетъ теперь открыто всѣхъ русскихъ гражданъ . . . . . . Никто изъ честныхъ (? ! !), здравомыслящихъ людей не можетъ, оставаясь правымъ передъ своею совѣстью (? ! !) уклоняться отъ служенія этому дѣлу [1]). Пусть всѣ тѣ, которые могутъ и готовы вмѣстѣ съ нами, энергически и непрестанно, не щадя себя ни въ какихъ трудахъ и опасностяхъ, служить нашему дѣлу (? !)— присоединяются къ намъ; доступъ къ намъ такіе люди найдутъ всегда и вездѣ, при посредничествѣ нашихъ столичныхъ, провинціяльныхъ, и заграничныхъ

1) Замѣчательно то, какими легкомысленными считали насъ польскіе подмастерья.

ныхъ агентовъ, снабженныхъ отъ комитета извѣстными установленными уполномочіями и довѣренностями. Агенты комитета сообщаютъ вновь вступающимъ въ организацію и уже достаточно испытаннымъ лицамъ особую за печатью комитета инструкцію, знакомящую подробно съ задачами общества и съ тѣмъ какъ вести дѣло организаціи .... Призывая въ настоящую минуту открыто всѣхъ и каждаго къ содѣйствію, народный комитетъ, естественнымъ (?) теченіемъ обстоятельствъ поставленный во главѣ революціоннаго движенія, отвѣтствуетъ (!) передъ каждымъ изъ членовъ (?) общества „Земля и Воля" въ томъ, что онъ будетъ неуклонно и постоянно вести дѣло къ предположенной цѣли ..... Затѣмъ, комитетъ считаетъ нужнымъ сообщить членамъ организаціи, что сообразуясь съ желаніемъ большинства членовъ, комитетъ будетъ отъ времени до времени выпускать свои печатныя изданія подъ настоящимъ названіемъ ....."

Относительно печатанія этихъ прокламацій и подметныхъ листовъ въ рукописи В. Ѳ. Ратча мы читаемъ [1]):

---

1) В. Ѳ. Ратчь, по довѣрію къ нему покойнаго графа М. Н. Муравьева, имѣлъ завидную возможность бесѣдовать съ арестованными дѣятелями послѣдняго мятежа, это дало ему, рѣдкую для историка, возможность,—разсказами самихъ же дѣятелей печальной исторіи, провѣрять и освѣщать—описываемую эпоху. И такимъ образомъ, вмѣсто однихъ голыхъ фактовъ, онъ имѣлъ возможность, при содѣйствіи слѣдственной коммисіи, познакомиться и изучить и самихъ дѣятелей. Бесѣдуя съ нѣкоторыми, какъ историкъ, онъ получалъ отъ нихъ, много свѣдѣній такого рода, о которыхъ подсудимый во время слѣдствія старался всячески умолчать, не желая компроментировать своихъ товарищей. Многіе изъ дѣятелей составляли цѣлые мемуары и передавали ихъ В. Ѳ. Ратчу, какъ историку, и такимъ образомъ у него сгруппировались такія важныя и интересныя данныя, которыя ни для какого слѣдствія не были доступны, и которыя выяснили дѣятельность разныхъ личностей—*недосягаемыхъ для юридическаго обвиненія.*

,,Такъ называемые литературные вечера множились по Петербургу и у Поляковъ и у поклонниковъ Герцена; а на этихъ вечерахъ согласно внушеніямъ *Колокола* вербовались свои ,,кружки." Въ этихъ ,,кружкахъ" у Поляковъ уже прямо толковали объ освобожденіи Польши; въ русскихъ же о средствахъ произвести мятежи, и *Колоколъ* обращался въ настольную книгу; послѣдствіемъ было появленіе прокламацій подпольной печати. Русскіе вожаки дѣйствовали по польскимъ теоріямъ: они тоже взвалили на плечи легко воспламеняемой молодежи опасности предпріятія, они сочиняли прокламаціи, подбивали юношей ихъ печатать и таинственно распространять въ публикѣ. Какъ польская эмиграція взяла Герцена съ его компаніей подъ свою ближайшую опеку, такъ и въ Россіи Поляки опекали русскихъ Герценистовъ. ,,Согласно высшимъ постановленіямъ, Поляки вышли изъ своей замкнутости и изъ писемъ студентовъ видно, что въ буквальномъ смыслѣ слова, они въ 1860 году подали руку тѣмъ Русскимъ, которые по декретамъ *Колокола* были обязаны *дружески пожать эту руку*. Долгое время Поляки загребали жаръ русскими руками. Въ производимыхъ разныхъ слѣдствіяхъ, по проявленіямъ польской пропаганды, Русскіе являются въ числѣ подстрекателей и распорядителей, а Поляки ловко и искусно стушевываются и если попадаются, то въ хвостѣ Русскихъ, въ числѣ *увлеченныхъ, невинно втянутыхъ въ дѣло;* они прикрывались впередъ высланнымъ *панурговымъ стадомъ*.

,,Поляки усердно хлопотали о развитіи герценизма и начали промысломъ; въ учебныхъ заведеніяхъ они первые стали поставлять нумера *Колокола* и по весьма дорогой цѣнѣ, а потомъ уже даромъ по карманамъ разсовывали произведенія герценовской литературы; Поляки старались облегчить всѣ затрудненія, устранить всѣ препятствія. При сводѣ свѣдѣній изъ разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ и конфискованныхъ бумагъ выяснились вполнѣ всѣ переходы одной подпольной фабрики прокламацій: *Полякъ* Вейде, для печатанія, отыскиваетъ мѣсто въ лѣсистой глуши въ имѣньи *Поляка* Уль-

яновскаго, въ домѣ, гдѣ живутъ два его брата; оттуда работы переносятся по сосѣдству, въ другое панское имѣніе Липпы — Липскихъ, на фольварокъ (приселокъ), управляемый экономомъ *Полякомъ* Полонскимъ. Для печатанія *Полякъ* Подосскій доставляетъ въ Петербургѣ типографическія принадлежности; типографическими принадлежностями *Полякъ* Домбровскій запасается въ типографіи *Поляка* Огрызки, въ ближайшемъ завѣдываніи *Поляковъ,* въ томъ числѣ и временно Пржибыльскаго, *перекрестъ* Утинъ даетъ деньги и оригиналъ для прокламацій студенту Степанову; сводитъ его съ Вейде, который его и доставляетъ на мѣсто; тамъ Степановъ печатаетъ съ помощью *двухъ Поляковъ* Вейде и Бутковскаго; для безопасности типографскія принадлежности сдаются на храненіе *шляхтичу* Сѣдловскому; съ готовыми прокламаціями Степановъ отправляется въ сопровожденіи *ополяченнаго,* въ польской средѣ взросшаго, исключеннаго изъ службы за участіе въ польскихъ манифестаціяхъ, штабсъ-капитана Жукова; а въ дневникѣ московскаго *студента Поляка* Квятковскаго читаемъ, что *Поляки студенты раскидываютъ эти прокламаціи по Москвѣ.* Чѣмъ имѣющіяся свѣдѣнія мѣстныхъ документовъ подробнѣе, тѣмъ ближе работы герценистовъ подходятъ къ приведенному заготовленію прокламацій.“

Главный членъ Варшавскаго ржонда говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„До самаго выѣзда Подлевскаго въ Петербургъ, въ началѣ декабря 1862 года, или въ концѣ ноября, не было никакихъ прямыхъ сношеній между центральнымъ комитетомъ варшавскимъ и заговоромъ русскимъ, отчасти потому, что Домбровскій увѣрялъ что онъ самъ сдѣлаетъ все, что только будетъ можно въ этомъ отношеніи; главное же думаю потому что вѣроятно не было еще тогда, т. е. до осени 1862 года, ни русскаго заговора, ни русскаго главнаго комитета. Наконецъ

центральный комитетъ поручилъ Подлевскому, чтобы онъ, на основаніи полномочія и рекомендаціи Герцена и Бакунина [1]) вошелъ въ сношенія съ русскими революціонерами и лично убѣдился въ настоящемъ положеніи революціонныхъ намѣреній и усилій въ Россіи. Посредникомъ между Подлевскимъ и главами русскаго заговора долженъ былъ быть *петербургскій польскій комитетъ*. Кромѣ же того Подлевскій имѣлъ данный Искандеромъ адресъ одного довѣреннаго лица и *отзывъ* къ нему. Послѣ возвращенія своего, Подлевскій объявилъ, что въ самомъ дѣлѣ русскіе революціонеры въ послѣднее время образовали центральный народный русскій комитетъ и стремятся къ революціи въ Россіи, но что комитетъ этотъ находится только *въ началѣ* своихъ дѣйствій и „*организація*" его слишкомъ слаба и незначительна, по собственнымъ словамъ членовъ петербургскаго комитета; что русскій комитетъ не опредѣлилъ до сихъ поръ *срока революціи и въ настоящее время даже приблизительно опредѣлить его не можетъ*. Во всякомъ случаѣ лица, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, откровенно объявили ему, что революція въ Россіи прежде лѣта 1863 года невозможна, что русскій комитетъ *преохотно* соглашается быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Варшавою и обѣщаетъ *всякую* съ своей стороны помощь нашимъ революціоннымъ дѣйствіямъ; что русскій комитетъ проситъ насъ не возставать раньше лѣта 1863 года, но съ тѣмъ вмѣстѣ обѣщалъ *всякую* съ своей стороны помощь въ случаѣ если обстоятельства принудятъ насъ возстать раньше,—именно обѣщали, хотя въ словахъ оченъ двусмысленныхъ

---

1) Подлевскій, въ товарищѣ и пріятелѣ своемъ, князѣ Трубецкомъ, какъ корреспондентѣ „Колокола," встрѣтилъ большую помощь. Трубецкой, получивъ письмо отъ Гарибальди, въ которомъ этотъ генералъ благодаритъ Трубецкого за обученіе его артиллеріи, сталъ въ глазахъ молодежи *прогрессистомъ*.

и неопредѣленныхъ, сдѣлать движеніе революціонное на Уралѣ, гдѣ будто бы *революціонная организація* была больше развита и болѣе прочна. Изъ этого всего центральный комитетъ варшавскій пришелъ къ убѣжденію, что заговоръ въ Россіи очень слабъ и, по словамъ Подлевскаго, *онъ* (комитетъ) *болѣе подражаетъ польскому комитету и есть скорѣе минутное, искуственное предпріятіе, нежели натуральное и прочное стремленіе большей, или даже хоть меньшей части русскаго общества*. Почти тоже самое, что представилъ Подлевскій, сказано было въ привезенной имъ съ собою корреспонденціи центральнаго русскаго комитета, писанной по французски. Лица, исчисленныя Подлевскимъ, какъ болѣе вліятельныя члены русскаго комитета, который состоялъ изъ пяти членовъ...." (Изъ нихъ назову только Утина и Михайлова 1-й бѣжалъ, а 2-й сосланъ въ каторжную работу).

Чтобы остеречь на будущее время нашу молодежь, я постараюсь дать читающей публикѣ нѣкоторое понятіе объ устроенномъ Поляками обществѣ „Земля и Воля," въ которомъ дѣятельными членами были: Утинъ [1]), Михайловъ [2]), Слѣпцевъ, Чернышевскій [3]), Серно-Соловьевичъ [4]), Маевскій [5]), Худяковъ [6]), Пантелѣевъ [7]) Потебня [8]), Черникъ [9]) и дру-

---

1) Бѣжалъ.

2), 3), 4) Сосланы въ каторжную работу.

5) Докторъ *Маевскій*, былъ Ковенскимъ революціоннымъ коммисаромъ подъ всѣвдонизмомъ *Соболевскаго*, скрылся изъ С. З. края въ 1864 г.

6), 7) Сосланы въ каторжную работу.

8) Убитъ въ шайкѣ Лангевича.

9) Разстрѣлянъ въ Казани.

гіе—жертвы польской пропаганды. Я привожу слѣдующую выписку изъ „Колокола“ № 162, 1-го мая 1863 года, въ которомъ мы уже читаемъ:

„.....Память Потебни 1) ничѣмъ лучшимъ не могу почтить..... судьба поставила его въ Польшѣ, гдѣ онъ и основалъ комитетъ русскихъ офицеровъ 2) .... Вскорѣ потомъ онъ пріѣзжалъ къ намъ (къ Герцену, Огареву и Бакунину). По желанію его друзей (?) мы напечатали адресъ офицеровъ къ Великому Князю и адресъ офицеровъ къ офицерамъ 3) ...... Пріѣхавши

1) Главный агентъ Герцена въ Царствѣ Польскомъ, былъ прапорщикомъ Шлюсельбургскаго полка; во время пребыванія въ офицерской стрѣлковой школѣ; былъ посвященъ въ общество „Земля и Воля“ убитъ въ шайкѣ Лангевича.

2) Вотъ что Потебня писалъ 7-го іюля 1862 года изъ Варшавы къ Герцену: „М. Г. Въ своемъ воззваніи къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ въ 54 г. вы писали: „Мы скажемъ вамъ, что дѣлать, когда придетъ часъ;“ по нашему крайнему убѣжденію этотъ часъ пришелъ; что можно было сдѣлать—сдѣлано; если вы имѣете вѣрное понятіе о положеніи дѣла въ Польшѣ, вы должны знать также и духъ войска въ Польшѣ; мы(?)на столько сблизились съ *патріотами польскими*, что во всякомъ случаѣ примемъ прямое участіе въ близкомъ возстаніи Польши, но мы настолько привыкли уважать (!) ваше имя (?), что хотѣли бы прежде знать ваше мнѣніе по этому вопросу. Я уже писалъ вамъ разъ по порученію своихъ товарищей (?), тогда я еще не зналъ, что пропаганда будетъ такъ легка и успѣшна; теперь войско, квартирующее въ Варшавѣ, стоитъ на такой ногѣ, что готово драться съ своими (!?!), если-бъ они вздумали идти противъ Поляковъ. На свое письмо я не получилъ никакого отвѣта; можетъ быть оно не дошло до васъ, можетъ быть вы не нашли нужнымъ отвѣчать на письмо, правда нѣсколько дикое. Во всякомъ случаѣ отъ имени многихъ (?!) офицеровъ обращаюсь еще разъ къ вамъ съ просьбою увѣдомить насъ о вашемъ мнѣніи.“

3) Дѣйствительно Поляками были составлены фальшивые адресы, якобы поданные отъ офицеровъ къ Его Императорскому Высо-

въ Польшу, онъ соединилъ общество русскихъ офицеровъ съ главнымъ обществомъ ,,Земля и Воля" въ Россіи. А какъ онъ жилъ въ Польшѣ! Для того чтобы не быть прикованнымъ къ мѣсту, онъ уже давно оставилъ свой полкъ 1) и долго скитался, являясь то тутъ, то тамъ, гдѣ только требовали обстоятельства ..... я только что возвратился... ,,я не могу вамъ писать теперь подробно о результатѣ этой поѣздки, но вообще онъ оказался лучшимъ, нежели мы могли предполагать. Событія приближаются, работы слишкомъ много у каждаго, у меня въ особенности; а между тѣмъ мое положеніе со дня на день становится труднѣе; за мной слѣдятъ и не знаю долго ли можно будетъ скрываться отъ нихъ..." (отрывокъ изъ письма Потебня изъ Варшавы отъ 17 (5) Декабря 1862 г.).... Но что

честву и отъ офицеровъ къ офицерамъ; но эта гнусная фабрикація была опровергнута въ заграничныхъ газетахъ. Слѣдуетъ обратить вниманія на то какъ систематически Поляки и ихъ сотрудникъ Герценъ, старались, поколебать, въ русскихъ офицерахъ и солдатахъ, въ русскомъ дворянствѣ и народѣ, — ту историческую преданность, своему Царю и отечеству, которою мы такъ справедливо гордимся. Но всѣ ихъ происки разбились о здравый смыслъ русскаго человѣка. Потерявъ же всякую надежду на привлеченіе къ себѣ Русскихъ (за небольшимъ исключеніемъ), они перемѣнили тактику, и стали наглымъ образомъ клеветать на офицеровъ, солдатъ, дворянство и народъ, — надѣясь посѣять недовѣріе въ правительствѣ къ войскамъ, дворянству или народу, вызвать мѣры строгости, и тогда, по выраженію Поляковъ: ,,Между *malkontentami* (недовольными) легко живется." Если бы этимъ клеветами не удалось вызвать правительство на мѣры строгости, то тогда у нихъ все-таки оставалась надежда, посѣять недовѣріе, въ одномъ сословіи къ другому; и поджоги—приписать войску, (думаю не ошибиться указавъ на Симбирскъ); чиновниковъ обвинить въ комунизмѣ (такъ Поляки уже обвиняютъ всѣхъ служащихъ въ С. З. краѣ); Руское дворянство, огласить—недовольнымъ существующимъ порядкомъ; а народъ—готовымъ къ революціи.

1) Промотавъ нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ.

же можно было дѣлать? Собрать русскій отрядъ (!), сначала пристать съ нимъ къ польскому возстанію (?!) и потомъ идти въ Россію подымать (?!) народъ для „Земли и Воли"…. „Потебня *собралъ отрядъ…. Несчастный случай разрушилъ его…. Но теперь мы не станемъ говорить объ этомъ;* много причинъ заставляютъ молчать. Вы его поймете, друзья юноши! (?). Придетъ время (?!) мы скажемъ (?),— въ лѣтописяхъ пропуска неостанется…. Потебня пріѣхалъ къ намъ, чтобы сколько-нибудь обдуматься (?!). Чрезъ нѣсколько дней онъ опять поѣхалъ въ Польшу, давши намъ слово, во всякомъ случаѣ сохранить комитетъ русскихъ офицеровъ и его связь съ обществомъ „Земля и Воля."

„Въ мартѣ мы получили записку, писанную карандашемъ:

„Песочная скала 3-го марта. Пишу вамъ изъ лагера Лангевича; я рѣшился остаться здѣсь…. Надежды сдѣлать что нибудь — мало; попробуемъ.

Вашъ А. П."

„Это была послѣдняя записка. Въ одной изъ схватокъ у Песочной скалы онъ былъ убитъ….. Друзья! отслужите по немъ панихиду и продолжайте его дѣло. Вы, которые его знали, не разторгайте своей связи какъ бы вы ни были разсыпаны по пространству земли русской, сохраните „*офицерскій кружекъ*," котораго работа соединитъ все войско и народъ въ одно дѣло…..

„Вы, которые его не знали — примыкайте къ „обществу»…… Польское дѣло еще не разрѣшилось. Элементы движенія, разнесенные по Россіи, медленно скопляются въ тучу. Перейдетъ ли польское дѣло изъ національнаго въ крестьянское (?) и съ Литовской окраины зашевелитъ всю Россію (?!!)…. [1]) Сведутъ ли они, при враждебной для обѣихъ сторонъ помощи

---

1) Смотри: „Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи," мечты Жвирждовскаго.—Русскій Вѣстникъ 1865 года. Тамъ хорошо описаны замыслы и мечты польской справы.

европейскаго запада свою развязку на *какое нибудь* освобожденіе Польши?..... Какъ это знать! Вѣроятнѣе всего, что дѣло „Земли и Воли" придется подготовлять еще не одинъ день..... теперь это ваша задача, друзья юноши!..... Спѣшите заступить его мѣсто вы, юноши офицеры.... Было время нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы говорили офицерамъ (?), преданнымъ нашему (?) дѣлу, — не оставляйте военной службы, на васъ лежитъ обязанность (!) освобожденія Польши (!). Но лучшіе люди (?) вышли въ отставку, или перешли въ гражданскую службу. Считаютъ до 15 т. (?) офицеровъ, оставившихъ войско съ 1855 года. То-ли было бы теперь, еслибы они оставались на своихъ мѣстахъ? Не повторяйте этой огромной ошибки..... Вы, которые на студенческой скамьѣ не рѣшились избрать какой нибудь особенной любимой вами дѣятельности и равнодушно смотрите на ту или другую карьеру, — ступайте въ военную службу. Вы примкнете себя къ солдату, вы примкнете войско къ крестьянину — а въ этомъ одна изъ главныхъ *нашихъ* задачъ.... Обстоятельства съ каждымъ днемъ уясняются и теперь вамъ видно—гдѣ людей искать нечего и, слѣдственно, гдѣ людей искать надо. Дѣло *наше* шло своимъ окольнымъ путемъ, который не худо припомнить, чтобъ хорошенько осмотрѣться. Въ 25 году за *наше* дѣло стояли дворяне, богатые дворяне изъ знатныхъ семей, больше или меньше смутно, больше или меньше ясно понимая, что цѣль ихъ перестать быть дворянами. Въ то время только *они* думали; *они* говорили; *они* писали; *они* служили въ войскѣ; *они* подымали войско; *они* мечтали вести *наше* дѣло путемъ легальности..... народъ остался къ *ихъ* дѣлу равнодушнымъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ явились *другіе* (заговорщики) тоже изъ дворянъ. Это уже были люди не изъ знатнаго, а скорѣе изъ средняго дворянства; даже одинъ мѣщанинъ примкнулъ къ *нимъ*..... ихъ самоотреченіе шло дальше, *они* отрекались не только отъ своего сословія, но отрекались отъ *помѣщичества; ихъ цѣль шла на разработку соціальныхъ теорій Запада. Они*

прошли незамѣченные своимъ сословіемъ и неузнанные народомъ. Тѣмъ не меньше и дѣло Декабристовъ и дѣло общества Петрашевскаго имѣли свое вліяніе. И то и другое оставалось *завѣтомъ для преемниковъ*..... Необходимость соціальной основы стала *завѣтомъ* съ сороковыхъ годовъ..... Въ обоихъ случаяхъ дворянство (?!!!) заявляло необходимость *беземельности* (!), **отрекалось отъ самаго себя** (!)...... Послѣднія же происшествія на дворянскихъ собраніяхъ, закидывающихъ черными шарами всякую (революціонную) мысль,—ясно доказываютъ, что дворянство покончило съ инициативой (революціонной) жизни..... тутъ *вамъ* людей искать нечего; довольно счесться *своими въ томъ маломъ меньшинствѣ изъ нихъ, которое сохранило оба завѣта:* **отреченіе отъ дворянства и отреченіе отъ помѣщичества.** Счетъ будетъ не труденъ. Но между тѣмъ какъ *отцы* и *дѣти* касты (за исключеніемъ нагляднаго меньшинства) уходили отъ *насъ*, возникала и росла другая молодежь, *которой нечего отрѣкаться отъ дворянства и помѣщичества*,— образованная молодежь „**разночинцевъ.**" Изъ духоты семинарій, изъ подъ гнета духовныхъ академій, изъ бездомнаго чиновничества, изъ удрученнаго мѣщанства *они вырвались къ жизни и взяли инициативу въ литературѣ.* Этою молодежью Россія совершаетъ свое отрѣченіе отъ буржуазіи; скомкано, сжато, мгновенно отрицаетъ буржуазію сословности и опять таки приходитъ къ понятію дѣйствительной безсословности, къ безсословности не по имени, а *по общественному отношенію къ собственности*...... Отрекаясь отъ науки (!), отрицая дворянство (!) и отрекаясь отъ буржуазіи,—они (Разночинцы) изъ города и помѣщичьей усадьбы уходятъ на село, примыкаются къ крестьянству, идутъ въ народъ. Они должны устроить изъ себя „Общество"; они должны умножить, выростить это „общество", пополняя свои ряды изъ такъ называемаго *низшаго слоя*— солдатами, дворовыми, мужиками. *Вотъ гдѣ* **вамъ** *людей искать надо.* Недавній приговоръ сената, осудившій по одному дѣлу пропаганды двухъ медицинскихъ студен-

товъ, вмѣстѣ съ троими крестьянами, доказываетъ, что пора этого союза пришла..... *Ваша* дѣятельность очерчивается сама собою: *ясное географическое распредѣленіе „своихъ центровъ,“* совпадающее съ мѣстными условіями жизни; *выборъ руководителей*, какъ можно болѣе сознательный; *устная и печатная пропаганда;* проповѣдь, обращенная *къ неученымъ*, но способнымъ здраво мыслить, а не споръ съ заучившимися; *проповѣдь, обращенная къ отрекающимся отъ помѣщичества и сословности и къ тѣмъ, которые по своему положенію ни къ тому, ни къ другому непричастны*, а не праздный споръ съ тѣми, которые въ томъ и другомъ закрѣпли; *приращеніе общества людьми изъ народа, изъ „разночинцевъ.“*

Разсматривая далѣе разныя органы этихъ *подпольныхъ обществъ* и такъ называемую *„Заграничную вольную прессу,“* мы находимъ слѣдующее: На страницахъ 168 и 169 „Полярной Звѣзды“ за 1856:

„Одна могучая мысль Запада, въ которой вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ нашемъ патріархальномъ быту. *Артель* и *сельская община, раздѣлъ прибытковъ* и *раздѣлъ полей, мірская сходка* [1]) и *соединеніе селъ въ волости*, все это краеугольные камни, на которыхъ созиждется храмина *нашего* будущаго дѣйствія. Но эти краеугольные камни, все-же камни..... и безъ *западной мысли* нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ.“

---

1) Стоитъ просмотрѣть любой № „Современника,“ выходившій подъ редакціею Чернышевскаго и вліяніемъ Сѣраковскаго, и въ немъ найдется пропаганда, подготовлявшая къ принятію этой *Западной мысли.*

Въ Колоколѣ отъ 15 сентября 1861 г. № 107 стран. 896, 897:

,,Одного энергическаго человѣка, знающаго народъ и обладающаго его довѣріемъ достаточно, чтобы связать съ нимъ сплоченное меньшинство (?!); для этого нѣтъ другаго средства, какъ *тайные союзы.* Они образуютъ бойцевъ, соединяютъ силы, подготовляютъ движеніе.... польза и сила союзовъ такъ очевидна, что на этомъ нечего и настаивать..... Составлять союзы у насъ легче, чѣмъ гдѣ нибудь. Громадность разстояній, пространство границъ, просторъ населенія затрудняютъ надзоръ, облегчаютъ возможность дѣйствовать и укрываться отъ преслѣдованія. Кромѣ того *само подлежащее чиновничество занимается надзоромъ не хотя и спустя рукава.* Все это драгоцѣнныя условія *для дѣла.* Говорятъ, что мы не умѣемъ молчать и оттого существованіе тайныхъ союзовъ у насъ невозможно..... Стоитъ устроиться такъ, чтобы открытіе одного или нѣсколькихъ ,,центровъ" ,,*кружковъ,*" не подвергало опасности всѣхъ; вотъ и гарантія противъ болтливости..... Кругъ дѣйствій *союзовъ* долженъ быть такъ широкъ, чтобы всякій нашелъ себѣ работу. *Надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайныя типографіи, распространять печатанное въ народѣ и войскѣ; обучать крестьянъ и солдатъ; заводить братства въ полкахъ, сближать солдатъ съ народомъ, войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничныя изданія,* привлечь къ себѣ какъ можно больше военныхъ, извлекать изъ коронной службы способныхъ людей, давая имъ другія средства существованія; *завести торговыя и промышленныя заведенія,* (на комунистическихъ началахъ), и готовить денежныя и всякія средства"......

Въ № 2 ,,Великорусса" 1861 года.

,,Выслушавъ отчеты своихъ членовъ о мнѣніяхъ, *высказываемыхъ въ публикѣ* (?!) по поводу вопросовъ,

предложенныхъ въ *Великоруссѣ*, комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ..... Крестьяне еще не организовались (!) для общаго возстанія (!!!), эпохою котораго будетъ *лѣто 1863 года* (?)... *Русскіе должны требовать безусловнаго освобожденія Польши......... Поляки неудовольствуются ничѣмъ*, кромѣ полной отдѣльности отъ насъ (!?). Мы должны (?) вовсе уйти изъ Польши..... Если мы не сдѣлаемъ этого сами, Поляки все таки освободятся (?): они ждутъ только перваго случая, чтобы возстать поголовно (!). И намъ неудастся подавить ихъ теперь (?), какъ при Паскевичѣ, **потому что нѣтъ теперь въ Польшѣ внутренняго раздора** (?), которому тогда мы были обязаны торжествомъ....... Но вопросъ о Южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе Южно-Руссовъ (?). Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно: *выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса* (!) *народа или говоритъ по польски* (?), *или привязана къ прежней уніятской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ* (?) *имѣетъ если не имя Поляковъ, то* **польскій духъ** (?!!!?)......"

Сводя все это, мы находимъ, что къ пріѣзду Подлевскаго въ Петербургъ тамъ уже существовали отдѣльные «кружки», которые, направляемые польскою эмиграціею черезъ ея *поденщиковъ* Герцена и Огарева, составили нѣсколько тайныхъ обществъ: „Великоруссовъ," „Южноруссовъ," „Конституціонистовъ" и „Земля и Воля." Общества эти, руководимые Поляками, начали проводить свои „организаціи" по Россіи съ цѣлью (какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше выписокъ) распространять соціалистическія ученія, разрушать начало общественной нрав-

ственности, колебать вѣру въ основахъ религіи, и путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ въ государствѣ.

Средствами для сего должны были служить:

1) Пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа.

2) Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ власти.

3) Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему зловредныя ученія соціализма.

4) Заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, которыя находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготовлять новыхъ членовъ и въ тоже время состояли бы въ зависимости отъ центральнаго общества (или комитета).

5) Распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей, т. е. та же самая задача и даже тѣже самыя средства, которыя были раскрыты и въ томъ „*адскомъ*" обществѣ, изъ котораго къ стыду всей Россіи вышелъ Каракозовъ [1]).

О дѣйствіяхъ въ Петербургѣ польскихъ уче-

---

1) Смотри „Сѣверная Почта" 1866 года, № 166.

никовъ подъ фирмою „*Земля* и *Воля*“ въ показаніяхъ одного изъ сотрудниковъ Огрызки мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Хотя до пріѣзда Подлевскаго въ Петербургъ я не имѣлъ ни съ кѣмъ преступныхъ сношеній, но не трудно было видѣть, что настроеніе умовъ приняло—революціонный характеръ. „*Центра*“ откуда это истекало я не зналъ. Когда я повидался съ Подлевскимъ, то узналъ отъ него, что „организація“ проведена уже не только въ польскомъ и въ русскомъ обществѣ, что она даже проникла въ ряды войскъ, а въ особенности русскихъ офицеровъ, расположенныхъ на площадяхъ Варшавы; что въ самомъ Петербургѣ имѣется русскій революціонный комитетъ, что девизъ общества, управляемаго этимъ комитетомъ, есть „*Земля и Воля*,“ что онъ Подлевскій бываетъ тамъ, и что если будетъ посланный изъ Варшавы, то записки съ надписью „Brown“ я долженъ передавать одному изъ членовъ комитета Утину..... Вскорѣ послѣ отъѣзда Подлевскаго изъ Петербурга, дѣйствительно явился ко мнѣ Утинъ и спрашивалъ нѣтъ-ли чего нибудь изъ Варшавы....... вмѣстѣ съ бланками для сбора денегъ привезена была записка съ надписью „Brown“.... я отвезъ ее Утину въ Галерную улицу, въ домъ кажется подъ № 11-мъ, принадлежащій его родителямъ. Утинъ просилъ меня, чтобы я его не посѣщалъ и указалъ мнѣ квартиру по Екатерининской канавѣ въ домѣ Штейнбока, въ которой жили тогда Пантелѣевъ и Пушторскій; первому я долженъ былъ передавать полученную корреспонденцію .... Нѣтъ сомнѣнія, что тайно печатанные русскіе повременныя изданія были дѣломъ этого общества; я помню даже, что мнѣ говорили о существованіи тайной типографіи въ саду Медико-хирургической академіи; на сколько это справедливо, не знаю; болѣе же достовѣрно слышанное мною отъ Пантелѣева, что печатаніе производилось въ лѣсу по Новгородской желѣзной дорогѣ..... Знаю, что

Опоцкій имѣлъ сообщниковъ, о которыхъ я не зналъ, потому что однажды онъ мнѣ сказалъ: сегодня я отправлюсь на танцовальный вечеръ; лица, посѣщающія эти вечера, говорилъ онъ, на хорошемъ счету у правительства, потому что оно полагаетъ, что лица, посѣщающія эти вечера, не занимаются дѣломъ; а мнѣ нужно кое съ кѣмъ повидаться; вечера эти, просто шпицбалы, были у Чернышева моста по Фонтанкѣ.....

„Помнится мнѣ, что когда я зашелъ къ Подлевскому, жившему тогда на квартирѣ Николая Ермолова, у Литейнаго моста, въ казенномъ домѣ, то засталъ у Подлевскаго Князя Трубецкаго, служившаго прежде въ гусарахъ, потомъ поступившаго въ офицерскіе классы при Артиллерійскомъ училищѣ, а по окончаніи курса переведеннаго въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію; я засталъ князя Трубецкаго что то пишущаго... и узналъ тутъ же отъ Подлевскаго, что Трубецкой собирается ѣхать за границу и хочетъ взять съ собою одну статью для напечатанія въ „*Колоколѣ*" или другомъ какомъ нибудь, какъ ихъ называли, „*Герценовскомъ журналѣ*"..... что Подлевскій съ княземъ ее обработали для печати.... знаю также отъ Пантелѣева, что агенты русскаго революціоннаго комитета сильно дѣйствуютъ (по совѣту Подлевскаго) между раскольниками; что Бакунинъ черезъ Швецію пріѣзжалъ въ Петербургъ (sic); что главное вниманіе правительства обращено на сухопутныя границы, а между тѣмъ большая часть заграничныхъ запрещенныхъ періодическихъ и повременныхъ изданій, какъ то: *Колоколъ, Съ того берега, Голоса изъ Россіи* и пр. приходятъ черезъ Кронштадтъ, чему разумѣется способствуютъ частью моряки, частью контрабандисты; по Петербургу же они разносились и продавались *букинистами*, т. е. мелкими книгопродавцами, у которыхъ вся лавочка въ мѣшкѣ на плечахъ, а товаръ обыкновенно состоящій изъ книгъ, продававшихся почти на вѣсъ; за пазухой же, или за голенищемъ хранились вышеупомянутыя изданія. Продавались они по непомѣрно-высокой цѣнѣ; имъ пла-

тили рубля по 3 и по 5-ти за номеръ „Колокола;" такая цѣна возрасла отчасти потому, что много экземпляровъ отправлялось въ Москву, которой какъ то видимо Пантелѣевъ придавалъ болѣе важности, чѣмъ Петербургу, называя первую „городомъ боярскимъ," а послѣднiй „городомъ нѣмецкимъ;" Москва, по его словамъ, была мѣстопребыванiемъ русской знати, недовольной (sic) существующимъ порядкомъ вещей."

Одинъ изъ сотрудниковъ Огрызки, чрезъ котораго онъ больше всегда имѣлъ сношенiе съ русскими революцiонерами, говоритъ:

„Знаю отъ Утина, что въ ея составъ (т. е. революцiонной организацiи) вошли лица, *высоко поставленныя* въ обществѣ, а есть даже *лица, занимающiя довольно важныя должности.*"

Въ № 105 Колокола, на страницѣ 884, какъ бы въ подтвержденiе этого показанiя мы находимъ слѣдующую замѣтку, подъ рубрикою „Заговоръ:"

„Что за заговоръ открытъ? что за сенаторъ, что за дамы?— Timeo Danaos! не лежитъ у насъ сердце къ этимъ заговорщикамъ первыхъ трехъ классовъ; тутъ навѣрное не убѣжденiе, не сочувствiе въ основѣ, а личныя выгоды, корысть, перемѣна лицъ, тѣ же мундиры съ другой начинкой. Или это опять пуфъ парижскихъ и бельгiйскихъ журналовъ? Корреспондентъ Star'а говоритъ, что „Высокопоставленные заговорщики имѣли сношенiя съ русскими изгнанниками," конечно не съ нами. Мы съ народомъ русскимъ, мы съ мужиками, а не съ сенаторами."

И такъ, вернувшись изъ путешествiя по Россiи въ началѣ января 1863 года [1]) и довольный

1) Къ этому же времени, какъ видно выше, прибылъ и Михаилъ Коссовскiй.

своими путевыми впечатлѣніями и результатомъ своихъ совѣщаній съ Подлевскимъ, Огрызко рѣшился принять даже *официіальную должность* въ мятежѣ; а потому Вацлавъ Пржибыльскій [1]) донесъ объ этомъ рѣшеніи въ центральный комитетъ, членъ котораго Бобровскій [2]) не замедлилъ выслать Огрызкѣ номинацію на должность *главнаго агента ржонда народоваго въ Петербургѣ* и присвоенную этому мѣсту печать съ надписью: „*Отдѣлъ заграничный С.-Петербургскій.*" Вмѣстѣ съ номинаціею прислано было Огрызкѣ приказаніе приступить окончательно къ приготовленіямъ и къ высылкѣ молодежи въ шайки.

Одинъ изъ сужденныхъ уже дезертировъ говоритъ объ этомъ, между прочимъ, такъ:

„Еще въ началѣ февраля пришелъ приказъ (изъ ржонда народоваго), что назначается (главнымъ коммисаромъ) Огрызко, имѣющій свою типографію; чтобы къ 1 марта приготовились всѣ къ отъѣзду; вслѣдствіе этого я подалъ прошеніе, чтобы меня отчислили отъ академіи."

Въ показаніи же, данномъ членомъ главнаго варшавскаго комитета, мы находимъ слѣдующее:

„Во время моего отсутствія изъ Варшавы, по представленію виленскаго комитета, а въ особенности его уполномоченнаго Вацлава Пржибыльскаго (секре-

---

1) Бѣжалъ.

2) Убитъ на дуэли съ Грабовскимъ по поводу диктатуры Лангевича.

тарь Литвы при революціонномъ правительствѣ) онъ, Огрызко, получилъ назначеніе отъ Бобровскаго быть главнымъ агентомъ центральнаго *народоваго правительства* (?!) въ С.-Петербургѣ. Назначеніе Огрызки быть агентомъ въ С.-Петербургѣ послѣдовало *не позже* второй половины февраля мѣсяца 1863 года новаго стиля; ближе дня назначенія обозначить не могу."

Самъ же Огрызко въ своемъ показаніи говоритъ такъ:

„Придя къ тому убѣжденію, что запирательство съ моей стороны было бы лишнее и что отъ этого могли бы только пострадать невинные по какимъ либо не точнымъ показаніямъ, я рѣшаюсь высказать совершенно чистосердечно мое участіе въ дѣлѣ послѣдняго мятежа. Въ концѣ февраля, или въ половинѣ марта 1863 года, *дѣйствительно была принята мною должность революціоннаго агента въ Петербургѣ....*"

Въ этомъ случаѣ Огрызко, болѣе всѣхъ другихъ Поляковъ, представляетъ собою образчикъ послѣдователей польскаго катехизиса, такъ напримѣръ: замышляя принять *мандатъ* на должность революціоннаго намѣстника, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ удвоиваетъ свои старанія по службѣ и достигаетъ того, что въ февралѣ 1863 года ему поручается управленіе *тремя отдѣленіями департамента на правахъ вице-директора*. Это показываетъ, что ни одно учрежденіе, какъ бы современно оно ни было, не можетъ избавиться отъ *разныхъ* Огрызокъ, которые, подобно *фистулѣ*, точатъ нашъ государственный организмъ и, прикрываясь легальнымъ исполненіемъ своей обязанности и наружною честностью убѣжденій,

ловко заставляютъ себя считать исключенiемъ изъ общаго числа *послѣдователей польскаго катехизиса.*

Окрѣпнувъ такимъ образомъ на служебномъ поприщѣ, Огрызко принялся за исполненiе приказанiй ржонда народоваго и, какъ самъ говоритъ:

,,На другой же день по полученiи номинацiи Юндзиллъ, Опоцкiй и Коссовскiй... дѣйствительно пришли ко мнѣ. Пржибыльскiй объявилъ имъ при мнѣ, что центральный комитетъ назначилъ меня агентомъ въ Петербургѣ, при чемъ показана имъ помянутая выше номинацiя, что они обязаны вести все дѣло по прежнему, въ случаѣ надобности обращались бы ко мнѣ за совѣтомъ и что *чрезъ меня будутъ они получать приказанiя отъ центральнаго комитета къ исполненiю.* Послѣ чего, назначивъ день для свиданiя и окончательныхъ переговоровъ, всѣ они отъ меня ушли, а на другой день Пржибыльскiй отправился въ Варшаву" [1]).

Огрызко же *отлично-усердно* взялся за свою новую революцiонную обязанность, и дѣятельность закипѣла. Сейчасъ же были усилены сборы денегъ съ проживающихъ въ Петербургѣ Поляковъ и предупреждены всѣ офицеры и другая молодежь, на увлеченiе которой можно было расчитывать.

---

1) Увѣренный, что бразды революцiоннаго правленiя находятся въ Петербургѣ въ хорошихъ рукахъ Iосафата Огрызки, вполнѣ достойныхъ подземнаго правительства. Не даромъ же у Огрызки былъ патрономъ *Iосафатъ Кунцевичъ.*

Одинъ изъ членовъ петербургскаго революціоннаго комитета, между прочимъ, говоритъ:

,,Помню также, что я, Опоцкій, Юндзиллъ и Огрызко, по приглашенію Сѣраковскаго, были у полковника Рехневскаго, и просили его принять участіе въ возстаніи на Литвѣ....''

,,Помню еще (говоритъ одинъ изъ членовъ Варшавскаго народоваго правительства), что Пржибыльскій посылалъ Огрызкѣ облигаціи, авизаціи и квитанціи для сбора подати, постановленной *революціоннымъ правительствомъ* (?!?) между польскими жителями С.-Петербурга. [1]) Денегъ однакоже Огрызко въ Варшаву никогда не присылалъ; всю собираемую сумму изразходовалъ онъ или на необходимыя въ С.-Петербургѣ издержки (напримѣръ отправку офицеровъ, покупку для нихъ оружія и прочее), или же отсылалъ ихъ въ Вильну.''

Огрызко же, подтверждая это вполнѣ, говоритъ между прочимъ:

,,Я рѣшаюсь высказать совершенно чистосердечно, что квитанціи для сбора съ Поляковъ денегъ въ Петербургѣ дѣйствительно были получены мною....''

Въ прямое прикосновеніе съ обществомъ Поляковъ вь Петербургѣ комитетъ приходилъ чрезъ посредство нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ, болѣе ярыхъ революціонеровъ Петербургскаго ,,кружка,'' изъ нихъ чаще упоминаются: поручикъ гвардейской конной артиллеріи Владиславъ Коссовскій, прапорщикъ военныхъ инженеровъ Эмануилъ Юндзиллъ и чинов-

---

1) Podatku Narodowego, Ofiary, Ogólnéj Narodowéj Pożyczki; облигаціи послѣдней были разной цѣнности: 100, 500, 1000 и 5000 злотыхъ одинъ билетъ.

никъ Ѳадей Виталій Опоцкій [1]). Имъ выдалъ Огрызко квитанціи для сбора усиленной подати и добровольныхъ пожертвованій и чрезъ нихъ собственно и производилась комитетомъ вербовка повстанцевъ и снабженіе ихъ оружіемъ, фальшивыми паспортами и адресомъ того члена мѣстной организаціи, къ которому отправляющійся долженъ былъ явиться по прибытіи на мѣсто дѣйствія. Огрызко между прочимъ говоритъ такъ:

„Александръ Оскерко, бывшій членомъ виленскаго комитета, привезъ мнѣ около 20-ти адресовъ принадлежащихъ лицъ, съ тѣмъ чтобы отправляющіеся въ партіи офицеры знали, къ кому могутъ обратиться по прибытіи на мѣсто."

Это дѣлалось такъ ловко, что *главные дѣятели* долго оставались неизвѣстными; оттого-то и Огрызко былъ арестованъ только въ ноябрѣ 1864 года. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ офицеровъ, который былъ отправленъ изъ Петербурга въ шайку:

„Главныхъ дѣятелей мы не знали, а въ Петербургѣ подъ именемъ комитета считали поручика гвардейской конной артиллеріи Владислава Коссовскаго, поручика инженеровъ Эмануила Юндзилла и чиновника Виталія Опоцкаго. У Юндзилла собирались въ назначенные для того часы тѣ, которые имѣли какое нибудь дѣло, т. е.

---

1) Первый сосланъ на поселеніе; остальные бѣжали, Юнзиллъ бѣжалъ изъ 2-го Сухопутнаго госпиталя, въ которомъ онъ содержался подъ арестомъ. Онъ бѣжалъ въ то время, когда его намѣрены были отправить въ Вильну.

нѣкоторые приносили собранныя деньги, приходили за квитанціями (для сбора по нимъ денегъ), или же просто приходили, чтобы получить какое нибудь приказаніе. Обыкновенно сходилось нѣсколько человѣкъ, часто незнакомыхъ между собою, и общество оставалось въ первой комнатѣ. Юндзиллъ по одному вызывалъ къ себѣ въ другую комнату; тамъ каждый ему говорилъ что ему нужно. Особенно въ послѣднее время, т. е. когда начали выѣзжать въ возстаніе и когда многимъ нужны были свидѣтельства, паспорты или казенныя подорожныя, равно деньги на проѣздъ, покупку револьверовъ,—въ это время многіе заходили къ Юндзиллу, котораго рѣдко заставали дома; но всякій разъ Юндзиллъ оставлялъ записку, въ которомъ часу онъ вернется. Тогда всѣ въ назначенный часъ собирались.‟

Это же подтверждаетъ и Огрызко, говоря:

,,Революціонныя дѣйствія ихъ [1]) состояли, 1) въ сборѣ денегъ по находившимся у нихъ квитанціямъ; 2) въ оказываніи пособія офицерамъ, отправлявшимся въ партію, въ покупкѣ разныхъ нужныхъ для нихъ предметовъ и 3) въ исполненіи порученій центральнаго комитета, какъ это будетъ объяснено ниже......‟

Собираемыя такимъ образомъ денги сосредоточивались у Огрызки, который и отдавалъ ихъ на храненіе кассиру своему, секретарю С.-Петербургскаго губернскаго правленія, титулярному совѣтнику Михаилу Коссовскому [2]). Одинъ

1) Т. е. названныхъ сотрудниковъ.

2) Сосланъ въ каторжную работу. Кромѣ упомянутаго дѣла онъ занимался составленіемъ пасквилей, желая такимъ образомъ изъ политическаго дѣла сдѣлать дѣло личное. Объ немъ было уже говорено въ корреспонденціи изъ Вильны въ № 145 ,,Московскихъ Вѣдомо-

изъ сотрудниковъ Огрызки, между прочимъ, объ этомъ говоритъ слѣдующее:

,,Знаю также, что Опоцкій былъ знакомъ съ Михаиломъ Коссовскимъ и передавалъ послѣднему на храненіе деньги, полученныя отъ г. Огрызки....... наконецъ помню, что Михаилъ Коссовскій зимою, въ концѣ 1862 г., или въ началѣ 1863 г., ѣздилъ изъ Петербурга въ Вильну и передъ отъѣздомъ Опоцкій былъ у него........"

Этотъ же Коссовскій занимался впослѣдствіи сборомъ *офяръ* по роспискамъ ржонда народоваго для такъ называемой ,,*народной опеки*" и *поддѣлкою фальшивыхъ паспортовъ* для намѣревавшихся бѣжать за границу, какъ говоритъ его собственное сознаніе и найденные при арестѣ его фальшивые паспорты.

Въ Петербургѣ Поляки также какъ и вездѣ дѣйствовали черезъ женщинъ; такъ въ показаніяхъ Михаила Коссовскаго мы читаемъ:

,,Осенью 1863 г. обращалась ко мнѣ знакомая мнѣ *супруга дѣйствительнаго статскаго совѣтника* Марія Гедиминъ съ просьбою о содѣйствіи ей въ сборѣ денегъ подъ предъявленныя ею мнѣ квитанціи центральнаго комитета, которыхъ примѣрно въ то время могло у ней быть въ рукахъ—штукъ до двадцати......"

стей" за 1865 годъ, ,,что онъ хотѣлъ разстроить свадьбу одного слѣдователя за то, что тотъ строго допрашивалъ его и Огрызку и такимъ образомъ отомстить ему за то, что онъ будто-бы: ,,jeden z najpierwszych inkwizytorów tutejszego kraju....." (одинъ изъ первѣйшихъ инквизиторовъ здѣшняго края).

Комитетомъ были сдѣланы распоряженія о заготовленіи оружія. Во многихъ офицерскихъ и студенческихъ квартирахъ образовались склады оружія; нѣкоторые были полиціею обнаружены; такъ между прочимъ въ квартирѣ Павла Червинскаго [1]) найденъ былъ складъ оружія, что не помѣшало ему оправдаться *легальными доводами* и потомъ отправиться въ шайку, командуя которою подъ именемъ Совы, онъ поразилъ своими звѣрствами даже самыхъ красныхъ патріотовъ. Онъ повѣсилъ нѣсколько человѣкъ и даже вырѣзалъ груди у женщинъ.

Для снабженія молодежи, отправляемой въ шайки, агентъ ржонда Огрызко устроилъ въ квартирѣ Юндзилла цѣлую фабрику фальшивыхъ паспортовъ, подорожныхъ и печатей всѣхъ вѣдомствъ. Одинъ изъ пойманныхъ офицеровъ дезертировъ, теперь уже сужденный, говоритъ объ этомъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Вслѣдствіе этого нѣсколько человѣкъ, назначенныхъ къ Юндзиллу, приготовляли фальшивыя свидѣтельства; кажется, печати приготовлялись слѣдующимъ образомъ: если на конвертѣ, запечатанномъ сургучемъ, или на какомъ нибудь дѣйствительномъ свидѣтельствѣ, была казенная печать, то ее намазывали деревяннымъ масломъ и обливали стеариномъ и по полученной формѣ галваническимъ приборомъ воспроизводили изъ мѣди печати. Не только печати, но казенныя подорожныя и паспорты очищались химиче-

1) Повѣшенъ.

скими средствами [1]) и надписывались на разныя фамиліи; а такъ какъ обыкновенно главная подпись литографировалась, то она и оставалась невредимою. Такихъ различныхъ бумагъ было приготовлено до 50, такъ какъ около этого числа лицъ должны были выѣхать изъ Петербурга *одновременно*. Мнѣ, такъ какъ я считался прикомандированнымъ къ гвардейскому саперному баталіону, досталось свидѣтельство на 28—дневный отпускъ, до полученія отставки, въ г. Кіевъ, на имя поручика Глинки. Передъ выѣздомъ мнѣ было дано отъ Юндзилла 60 р., а отъ Опоцкаго на маленькой карточкѣ адресъ въ Вильну, къ Клечковскому [2]). Адресъ этотъ былъ написанъ на узенькой карточкѣ такъ, что, свернувъ его, можно было положить въ мундштучокъ папироски. Кромѣ того я оставилъ у дворника адресъ какой-то квартиры, въ которую будто бы я переѣзжаю, а самъ, собравши свои вещи, въ 1 часу 6 марта переѣхалъ на квартиру къ *одному офицеру* и отъ него на другой же день отправился въ вокзалъ желѣзной дороги, *вмѣстѣ съ другими моими товарищами*.“

Въ это же время въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Москвы представитель тамошняго польскаго революціоннаго кружка, сынъ польскаго эмигранта, Геронимъ Киневичъ [3]), имѣвшій, какъ и Огрызко, должность *революціоннаго агента*

---

1) Совѣтъ Uczmy się— не пропалъ даромъ; научныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя *на русскія деньги*, пригодились. Смотри Приложеніе II.

2) Огрызко въ одномъ изъ писемъ къ члену виленскаго комитета Оскеркѣ, совѣтуетъ рекомендовать этого Клечковскаго (бѣжалъ) на должность по акцизу; къ нему направлялись отправляемые изъ Петербурга офицеры, желающіе поступить въ ряды мятежниковъ.

3) Разстрѣлянъ въ Казани.

въ Москвѣ. По совѣщаніи съ своимъ *собратомъ*, Киневичъ сталъ проводить идею, что возмущеніе на югѣ Россіи будетъ весьма важнымъ подспорьемъ для польскаго возстанія. „Онъ вошелъ въ прямыя сношенія съ представителями русскаго революціоннаго общества „Земля и Воля,“ которые и подали ему надежду, *что многіе русскіе офицеры и солдаты перейдутъ въ ряды повстанцевъ* (?!) и что лѣтомъ можетъ быть вспыхнетъ возстаніе (!?) во внутреннихъ губерніяхъ. Обнадеженный такимъ образомъ, онъ однако мало вѣрилъ обѣщаніямъ и силѣ русскихъ революціонеровъ, а потому обратился къ петербургскому польскому комитету за деньгами для этого предпріятія, которое надѣялся устроить самъ. Но петербургскій агентъ, не имѣя въ то время значительныхъ суммъ, долженъ былъ ему отказать, командировавъ его въ Вильну къ тамошнимъ *своимъ друзьямъ*, которые въ общемъ засѣданіи комитета хотя и не одобрили *офиціально* его планъ, но все таки деньги выдали. Разстрѣлянный въ Казани поручикъ Червякъ говоритъ объ этомъ, между прочимъ, такъ:

„Знаю только отъ Киневича, что деньги для веденія казанскаго дѣла онъ получилъ не изъ Петербурга, а изъ Вильны, потому что Киневичъ говорилъ мнѣ, что идея его сдѣлать возстаніе въ приволжскихъ губерніяхъ не была офиціально одобрена виленскимъ комитетомъ, и что только послѣ долгихъ стараній удалось ему пріобрѣсть помощь отъ нѣкоторыхъ членовъ сего комитета.“

Вернувшись изъ Вильны съ порядочнымъ запасомъ денежныхъ средствъ (ему было выдано комитетомъ 15000 р. сер.), Киневичъ сталъ искать себѣ достойнаго помощника, и такъ какъ онъ намѣревался вести это дѣло прикрываясь именемъ русскихъ революціонеровъ, то ему надо было имѣть помощникомъ или Русскаго или Поляка съ русскою фамиліею. При содѣйствіи русскаго комитета, онъ нашелъ искомое въ поручикѣ Максимѣ Чернякѣ. Уговорившись съ обществомъ „Земля и Воля," взявъ съ собою Черняка, Киневичъ завязалъ въ Казани „кружки," при помощи которыхъ, разсчитывая на легковѣріе нашего мужичка, надѣялся фальшивыми манифестами и *золотыми грамотами* [1]), въ приволжскихъ губерніяхъ затѣять бунтъ съ кровавой рѣзней.

Жажда крови была такъ сильно развита у этихъ *прокаженныхъ*, одержимыхъ „*польскимъ духомъ*," что въ письмахъ того времени въ видѣ похвалы молодому человѣку писали: „Николай (Утинъ) человѣкъ способный, только и бредитъ что *крови и крови*"! Чернякъ былъ въ этомъ родѣ, и хотя былъ вѣроисповѣданія православнаго, но воспитанный въ догматахъ польскаго катехизиса, считалъ

---

1) Чтобы вполнѣ ознакомить читателя съ этой интригой, чтобы показать, какъ Поляки низко ставятъ русское общество и нашъ народъ, который надѣялись взбунтовать подобнымъ фальшивымъ манифестомъ, я помѣщаю его въ приложеніи V.

себя Полякомъ [1]), какъ и многіе товарищи Огрызки по университету, хотя и православные, но считали себя ,,Поляками до *плоти* и *кости*,“ и вслѣдствіе этого усердно *вліяли печатно* въ пользу польскаго дѣла. Когда Киневичъ донесъ ржонду народовому, что онъ разсчитываетъ въ своемъ предпріятіи на помощь русскихъ революціонеровъ, но только они сильно нуждаются въ деньгахъ, то варшавскій ржондъ предписалъ Огрызкѣ снестись съ обществомъ русскихъ революціонеровъ и потребовать отъ нихъ увѣдомленія, въ чемъ могутъ они содѣйствовать интересамъ польскаго возстанія. Одинъ изъ членовъ варшавскаго ржонда говоритъ объ этомъ такъ:

,,Еще въ мартѣ (1863 г.) послалъ я порученіе Огрызкѣ спросить *Центральный русскій комитетъ* (?!), можетъ ли онъ вообще чѣмъ нибудь помочь возстанію и чѣмъ именно?—и получилъ чрезъ Вильну отвѣтъ отъ Огрызки, что члены комитета откровенно объявили о невозможности подать намъ какую нибудь помощь, развѣ что будутъ стараться *вліять на общественное мнѣніе Россіи въ нашу пользу*“ [2]).

---

1) Разстрѣлянъ въ Казани. Нѣкоторыя подробности о его дѣлѣ были публикованы въ № 232 ,,Московскихъ Вѣдомостей“ за 1865 годъ. Мать его была Полька и онъ молодость свою провелъ у своего дяди, Поляка-фанатика; оттого на допросахъ о своемъ происхожденіи Чернякъ выразился: ,,я считаю себя Полякомъ, такъ какъ не религія, а среда, преданія, обычаи и языкъ, въ которыхъ человѣкъ взросъ, опредѣляютъ націю.“

2) Ужъ не вслѣдствіе ли *этого* многія газеты особенно, въ то время начавшія свое существованіе такъ усердно *вліяли на наше общественное мнѣніе по польскому дѣлу*.

Огрызко въ своемъ показаніи объ этомъ говоритъ между прочимъ такъ:

,,Рѣшаясь высказать совершенно чистосердечно мое участіе въ дѣлѣ послѣдняго польскаго возстанія, имѣю честь объяснить, что на запросъ варшавскаго центральнаго комитета о томъ, можно ли будетъ разсчитывать на содѣйствіе петербургскаго русскаго революціоннаго общества, я увѣдомилъ, что общество это такъ слабо, что на него разсчитывать не слѣдуетъ"....

Далѣе Огрызко говоритъ:

,,Во главѣ того общества (русскаго), которому были переданы бумаги центральнаго комитета, стоитъ Утинъ; какъ бумаги, такъ и записки передавались обществу чрезъ бывшаго студента С.-Петербургскаго университета Лонгина Пантелѣева [1]) (который завѣдывалъ сношеніями русскихъ революціонеровъ съ Поляками) и на бумагахъ, которыя передаются этому обществу, слѣдуетъ дѣлать надпись: ,,Brown."

Кромѣ того, при содѣйствіи петербургскаго комитета, отставнымъ инженеромъ Іосифомъ Калиновскимъ [2]) были собраны всѣ секретные планы крѣпостей и доставлены въ ржондъ народовый, главный членъ котораго въ своихъ показаніяхъ говоритъ объ этомъ такъ:

,,Іосифъ Калиновскій (инженеръ), въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, представилъ и вручилъ *народовому правительству* (?!) посредствомъ Голендзовскаго [3]) кар-

---

1) Сужденъ въ каторжную работу.

2) Іосифъ Калиновскій, отставной инженеръ штабсъ-капитанъ, завѣдывалъ военнымъ отдѣломъ въ Литвѣ (военный министръ); сосланъ въ каторжную работу.

3) Завѣдывалъ военнымъ отдѣломъ въ Царствѣ Польскомъ (военный министръ); бѣжалъ.

ты (т. е. планы) крѣпостей русскихъ. *Планы* эти были отправлены за границу на сохраненіе къ Владиславу Чарторыйскому, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было копію плановъ представить г. Друенъ-де-Люису, министру иностранныхъ дѣлъ во Франціи" 1).

Затѣмъ, изъ болѣе важныхъ распоряженій варшавскаго ржонда, Огрызко получилъ предписаніе заготовить и доставить въ Варшаву и Вильну топографическія карты Царства Польскаго и западныхъ губерній и прислать въ Варшаву нѣсколько офицеровъ Генеральнаго Штаба и артиллеріи. Одинъ изъ главныхъ членовъ варшавскаго ржонда говоритъ объ этомъ, между прочимъ, такъ 2):

„Въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая, 1863 года, я отправилъ Огрызкѣ порученіе *покупить* топографическія карты Царства Польскаго и западныхъ губерній и прислать въ Варшаву нѣсколькихъ офицеровъ Генеральнаго Штаба и артиллеріи, вслѣдствіе чего Огрызко и прислалъ въ Варшаву желаемыя карты, кажется, въ двухъ экземплярахъ, и офицеровъ Голендзовскаго, поручика инженеровъ Соколовскаго и другихъ."

Кромѣ того, изъ его показаній мы знаемъ, что:

---

1) О значеніи, которое имѣлъ Владиславъ Чарторыйскій въ польской эмиграціи, смотри книгу: „Польская Эмиграція;" въ приложеніи я помѣстилъ рѣчь, сказанную въ день годовщины польскаго мятежа 1831 года, его отцемъ (тайно коронованнымъ въ Парижѣ), какъ выясняющую польскую интригу. См. Прилож. III.

2) Показанія самого Огрызки вполнѣ подтверждаютъ какъ приводимое здѣсь показаніе члена варшавскаго ржонда, такъ вообще и всѣ прочія здѣсь приводимыя.

„Варшавскій ржондъ требовалъ отъ петербургскаго комитета высылки въ Варшаву офицеровъ техниковъ-спеціалистовъ для устройства, въ случаѣ удачнаго оборота революціонныхъ дѣйствій и пришествія французкихъ войскъ, мѣстныхъ оружейныхъ, капсюльной фабрики, военныхъ лабораторій и пороховаго завода,— и получилъ отвѣтъ изъ Петербурга, что, какъ техники, въ распоряженіе центральнаго комитета будутъ доставлены требуемые офицеры, но что въ возстаніе они не пойдутъ, пока не образуются окончательно революціонныя войска, или не придутъ Французы.“

Далѣе въ его же показаніи мы читаемъ:

„Недостатка въ офицерахъ не было. Не было ни одной шайки въ Литвѣ, въ которой находилось бы менѣе трехъ русскихъ (sic) офицеровъ: это объясняется тѣмъ, что весьма многіе литовскіе помѣщики служили въ русской арміи и что петербургскій военный комитетъ доставилъ виленскому отдѣленію значительное число офицеровъ.—Виленскіе *друзья наши* до такой степени не знали, что дѣлать и куда посылать офицеровъ, что, напримѣръ, посланный нами въ ихъ распоряженіе Гейденрехъ (Крукъ), который желалъ воевать въ Литвѣ, возвратился послѣ нѣкотораго времени въ Варшаву и говорилъ, что не могъ дождаться никакого порученія.“

Далѣе слѣдуетъ:

„Прямыя сношенія Огрызки съ варшавскимъ правительствомъ (?!) были весьма скудны; отвѣчалъ же онъ на данныя ему порученія всегда посредствомъ виленскаго комитета. Вся дѣятельность его (Огрызки) была почти исключительно посвящена возстанію въ Литвѣ, и революціонное правительство предназначило исключительно виленскому комитету извлекать всевозможную пользу изъ сношеній съ Петербургомъ, по невозможности *пособлять* Литвѣ средствами, которыя

другимъ мѣстностямъ представляли сношенія съ Галиціею, Познанью, съ эмиграціею и съ заграницею вообще.“

Однимъ словомъ, по выраженію одного здѣшняго генерала, разбиравшаго военныя дѣйствія мятежниковъ: „*Петербургъ былъ операціоннымъ базисомъ мятежниковъ во время послѣдняго возстанія въ сѣверо-западномъ краѣ.*“

И дѣйствительно, петербургскій комитетъ высылалъ офицеровъ и студентовъ преимущественно въ западный край. Между многими, высланными по распоряженію петербургскаго комитета, назову: Сѣраковскаго, Миладовскаго, двухъ братьевъ Ляковскихъ, Лыщинскаго, Червинскаго, двухъ братьевъ Малецкихъ, Малаховскаго, Довнара-Запольскаго, Барановскаго, Черняка, Гедройца, Хойновскаго, Маевскаго Погоржельскаго, Ребиндера и другихъ; всего до 1000 человѣкъ.

Чтобы выяснить рельефнѣе все значеніе и вліяніе петербургскаго ржонда и описаннаго выше офицерскаго „кружка,“ я долженъ сдѣлать слѣдующую замѣтку: Изъ Петербурга черезъ откомандированныхъ отъ столицы офицеровъ, пропаганда распространялась между полевыми войсками такъ сильно, что правительство, въ 1861 году, озаботилось перевести изъ войскъ, стоявшихъ въ такъ называемомъ (шляхтою) *Забранномъ краѣ*,—изъ каждой части по нѣскольку Поляковъ во внутрь Имперіи; а на ихъ мѣста, для

усиленія русскаго элемента, было переведено такое же число русскихъ уроженцевъ.—Въ число послѣднихъ попалъ и я. По пріѣздѣ въ сѣверо-западный край къ новому мѣсту служенія въ Слонимъ, я засталъ общество офицеровъ преимущественно польское, смотрѣвшее на насъ, Русскихъ, какъ на *колонистовъ* (ихъ выраженіе). Офицеры не только на ученьяхъ между собою говорили по польски, но случалось, что увлекшись, они и солдатамъ дѣлали замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго: ,,Jak stoisz i jak rękę trzymasz" (т. е. какъ стоишь и какъ руку держишь) или отдавали приказанія фельдфебелю слѣдующимъ тономъ: ,,Słuchaj, braciszku, pan pułkownik przykazał żeby dziś była ekzercicia przy armatach" (т. е. слушай, братъ, полковникъ приказалъ, чтобы нонче ученіе было при орудіяхъ.) За весьма немногими исключеніями, офицеры, не стѣсняясь даже нашимъ присутствіемъ, старались выказать свой ,,*патріотизмъ*;" слѣдствіемъ чего было то, что нѣкоторые (болѣе задорные и хвастливые), даже публично заявляли, *что противъ Поляковъ они стрѣлять не будутъ;* за что и пріобрѣтали у мѣстныхъ жителей и чиновниковъ названія ,,prawych patriotów i prawdziwych polaków" (т. е. истинныхъ патріотовъ и Поляковъ). — Самонадѣянность и кичливость ихъ была такъ велика, что и мы, нѣсколько Русскихъ, собираясь въ своемъ небольшомъ кружкѣ, съ сомнѣніемъ говорили объ успѣхѣ подавленія бу-

дущаго (по ихъ словамъ) *поголовнаго возстанія.* И надо откровенно сознаться, что почти всѣ мы въ то время были въ *панурговомъ стадѣ*, ибо долго не понимали, а понявъ не рѣшались оффиціально *увѣдомить* о пропагандѣ своихъ *товарищей*, — стѣсняясь словомъ — *доносъ.* Впрочемъ, о настроеніи ихъ лучше всего можно судить изъ показанія одного сужденнаго революціоннаго начальника, который между прочимъ говорилъ: „*14 Поляковъ офицеровъ изъ слонимской артиллеріи записались въ готовности принять участіе въ возстаніи.*"

Однако мы, уроженцы великорусскихъ губерній, не долго были въ панурговомъ стадѣ; и извѣстіе о начавшемся возстаніи окончательно насъ отрезвило. Когда же, по приказанію покойнаго графа Михаила Николаевича Муравьева, „23 мая 1863 года значительное скопище повстанцевъ подъ Миловидами" было нами разбито, и лагерь ихъ уничтоженъ, то и *товарищи-патріоты* смекнули, что шансы на успѣхъ возстанія плохи; а потому (кромѣ Цюнзивицкаго, который разстрѣлянъ, и Малецкаго, который командовалъ шайкою и бѣжалъ за границу) всѣ накрылись хвостомъ, и замѣтивъ, что и мы ихъ поняли, стали передъ нами Русскими порицать „*безумство возстанія*"; а передъ своими „патріотами" утверждать, что они подождутъ иноземнаго вмѣшательства, или пока сфор-

мируются регулярныя польскія войска [1]).—Тѣ же, которые были по моложе и по слабѣе, тѣ были въ жалкомъ положеніи.—Подстрекаемые „патріотами" изъ товарищей и изъ мѣстныхъ жителей, начитавшись Мицкевича и разныхъ прокламацій, получаемыхъ, по преимуществу, изъ офицерскаго „кружка" Жвирждовскаго въ Вильнѣ молодежь эта собиралась дезертировать, чтобы стать героемъ, но не успѣвъ еще стать вполнѣ Валенродомъ — колебалась. Такъ, нѣсколько молодыхъ прапорщиковъ обращались къ намъ за совѣтомъ, что имъ дѣлать, такъ какъ сознаніе долга и чести у нихъ сохранилось, а между тѣмъ родные и жители (патріоты) подстрекали ихъ идти въ возстаніе, и прозваніе „*Здрайца*" (т. е. измѣнника) страшило ихъ.—Кто не былъ здѣсь въ краѣ до мятежа и при самомъ его началѣ, тотъ, пожалуй, и не повѣритъ всему этому [2]).

---

1) Знаю, что оглашая подобные факты, я не пріобрѣтаю новыхъ друзей, и между *накрывшимися хвостомъ* не увеличится число моихъ пріятелей, или вѣрнѣе—доброжелателей; но что же дѣлать?—иначе не уменьшится *Панургово стадо.*

2) Впрочемъ, я надѣюсь современемъ, собрать свои воспоминанія, чтобы ознакомить читающую публику съ положеніемъ Русскаго въ западной Россіи до мятежа, — когда товарищъ представляя меня на охотѣ своему знакомому— *становому,* рѣшился высказаться: „Moskal ale porządny człowiek" (т. е. Русскій *но* (!) порядочный человѣкъ); или когда *откомандированный* изъ Петербурга офицеръ разсказывалъ: о неистовствахъ и варварствахъ „Москалей" въ студенческихъ исторіяхъ; или наконецъ когда офицеръ рѣшился предложить уѣзжавшему семейству своего коман-

Съ назначеніемъ въ Вильну главнымъ начальникомъ края покойнаго графа М. Н. Муравьева и послѣдовавшими затѣмъ рѣшительными мѣрами, возстанію въ сѣверо-западномъ краѣ былъ нанесенъ громовой ударъ. По выраженію главнаго члена варшавскаго ржонда:

„Первый напоръ, первый ударъ прибывшаго въ Вильну въ маѣ, кажется, мѣсяцѣ генерала Муравьева былъ такъ вѣренъ, что разбилъ въ дребезги литовскую революціонную администрацію: шляхетскіе чиновники въ паническомъ страхѣ бросали дѣла, прятали въ землю печати, не увѣдомивъ даже о томъ свое начальство.“

Ударъ этотъ былъ такъ силенъ, что онъ не могъ не отозваться и на петербургскихъ революціонерахъ; а принятыя нашимъ правительствомъ мѣры сдѣлали для нихъ невозможною матеріальную помощь Литвѣ. Даже ихъ сообщенія съ Вильною стали очень затруднительны. А такъ какъ Россія сама по себѣ, безъ польскихъ учителей и опекуновъ, непредставляла бы матеріала для революціи, то и понятно, что петербургскіе революціонеры пришли къ весьма комическому положенію—дѣлать *заемъ въ сотню рублей*. Слабость революціонеровъ въ Петербургѣ, въ августѣ 1863 года, лучше всего рисуется показаніемъ одного изъ членовъ варшавскаго ржонда:

дира „Kartu obespeczeństwa,“ за печатью польскаго комитета, при предъявленіи которой всякая (!) шайка должна бы была пропускать ѣдущихъ безъ замедленія.

„Помню, что во время пребыванія моего въ Литвѣ, Владиславъ Малаховскій послѣ выѣзда своего изъ Вильны въ Петербургъ, [1]), въ письмѣ, присланномъ оттуда Константину Калиновкому [2]), жаловался на недѣятельность и *трусливость* Огрызки и просилъ виленскій комитетъ требовать у народнаго правительства удаленія его (ржонда) представителя, вмѣстѣ съ тѣмъ представляя доктора при Статсъ-секретаріатѣ Царства Польскаго (Рымовича) на должность революціоннаго агента въ С.-Петербургѣ."

Далѣе онъ говоритъ:

„Во время пребыванія же моего въ Вильнѣ, Малаховскій (Владиславъ) писалъ изъ Петербурга къ Калиновскому, что познакомился съ русскими революціонерами (т. е. съ комитетомъ) и что въ самомъ дѣлѣ они слабы; но что онъ совѣтуетъ виленскому комитету помогать имъ *для пользы революціи*, и просилъ именно прислать имъ одну ручную типографію и дать на издержки, *какъ заемъ, 500 руб. серебромъ.* Калиновскій денегъ не послалъ, но приказалъ отправить, по указанному Малаховскимъ адресу, типографію, выписанную изъ-за границы" [3]).

---

1) Былъ революціоннымъ начальникомъ Вильны; послѣ неудачнаго покушенія на жизнь Виленскаго предводителя дворянства Домейки бѣжалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ скрываясь нѣсколько дней у своихъ близкихъ, и потомъ повидавшись съ *Огрызкою*, бѣжалъ за границу.

2) Константинъ Калиновскій былъ уполномоченнымъ коммисаромъ въ Вильнѣ, а впослѣдствіи даже диктаторомъ литовскимъ; арестованъ въ январѣ и повѣшенъ въ мартѣ 1864 г. (Въ № 286 „Московскихъ Вѣдомостей" вкралась ошибка, ибо онъ повѣшенъ 10 марта 1864 г.)

3) Арестована виленскою полиціею на желѣзной дорогѣ, при ея отправкѣ, и ручной станокъ подаренъ покойнымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ Виленской губернской типографіи; на этомъ станкѣ производились коректурные оттиски сей книги.

Пробудившееся же во всей Россіи патріотическое чувство раскрыло глаза заблуждавшимся Русскимъ, и они увидѣли всю бездну, въ которую Поляки съ Герценомъ и Бакунинымъ всячески хотѣли ихъ втянуть, и *лжерусскіе* патріоты показались такъ гадки, что, какъ выразился одинъ: „*Досадно за себя, какъ это я былъ такъ глупъ, что вѣрилъ и увлекался словами этихъ Шемякинскихъ сановниковъ.*"

Тѣ же изъ послѣдователей общества „Земля и Воля," которые, какъ напримѣръ Худяковъ, были болѣе „*прокажены*;" тѣ, пользуясь вышеупомянутою польскою „*помощію для пользы революціи*" устроили общество „Ада," изъ котораго, къ стыду Россіи, вышелъ Каракозовъ.— Но въ то время (т. е. вскорѣ послѣ назначенія въ Вильну покойнаго графа М Н. Муравьева) этотъ всеобщій проснувшійся въ Россіи патріотизмъ навелъ на польскихъ революціонеровъ въ Петербургѣ такую панику, что даже и Огрызко *струсилъ*.

Всѣ они, съ свойственною Полякамъ ловкостью, стали заботиться, какъ бы получше скрыть свои дѣйствія и *прослывъ* „преданными правительству" не попасть въ отвѣтъ передъ закономъ; и для этого опять таки прибѣгали къ новымъ незаконнымъ средствамъ. Члены петербургскаго комитета, боясь чтобы тѣ, которые могли назвать ихъ, попавъ разъ въ руки правосудія, не были бы арестованы, горячо занялися фабри-

каціею паспортовъ [1]) и сборомъ денегъ въ пользу ссыльныхъ и намѣревающихся бѣжать за границу [2]). Поручикъ Васьковскій описываетъ одинъ изъ случаевъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ нынѣшнемъ году (1864) офицеръ 5-го сапернаго баталіона Скальскій въ академіи просилъ меня достать ему паспортъ для прожитія, я зашелъ къ Мокржецкому и попросилъ у него; Мокржецкій досталъ мнѣ листъ гербовой бумаги, на которой уже была какая-то казенная печать, кажется сенатская и съ черновой продиктовалъ аттестатъ на имя Горлинкова; я написалъ это у него на квартирѣ (на Офицерской улицѣ, кажется третій домъ отъ угла Вознесенскаго проспекта); послѣ этого, онъ просилъ зайдти къ нему чрезъ два часа и самъ поѣхалъ куда то для подписанія аттестата; чрезъ два часа я зашелъ, взялъ аттестатъ уже подписанный, но кѣмъ не знаю (Мокржецкій подписался при мнѣ только разъ за графа Гейдена), и отнесъ его къ Скальскому, который жилъ на Литейной, не помню въ чьемъ домѣ; онъ показалъ мнѣ письмо бывшаго товарища своего Янковскаго, который писалъ къ нему, что онъ былъ раненъ, перевезенъ въ Ригу, тамъ ухаживаетъ за нимъ какая-то дама, и проситъ Скальскаго достать

1) Добыванію паспортовъ содѣйствовали служащіе въ Петербургѣ Поляки; особенно же старательны были въ этомъ отношеніи: оберъ-секретарь Баранецкій, Михаилъ Коссовскій, лѣснаго корпуса поручикъ Мокржецкій (бѣжалъ), сапернаго баталіона поручикъ Васьковскій (сужденъ).

2) Этотъ сборъ производился по роспискамъ, за печатью кого нибудь изъ членовъ ржонда. И такъ какъ наружная идея была довольно *гуманная*, то почти всѣ Поляки охотно вносили деньги и получали квитанцію за печатью ржонда. Михаилъ Коссовскій былъ и тутъ большой дѣятель; суммы были собраны достаточныя, но большая часть ихъ разошлась по карманамъ сборщиковъ.

ему видъ на жительство. У Скальскаго я засталъ какого-то штатскаго, который назвалъ себя Свѣнтицкимъ, и тоже просилъ видъ, но у меня другаго не было. Въ мартѣ этого года зашелъ ко мнѣ Мокржецкій и сказалъ, что вечеромъ у меня будетъ гость, фамиліи котораго чтобы я не спрашивалъ; дѣйствительно, вечеромъ, когда я занимался съ Битнеромъ, офицеромъ армейскаго полка, состоящимъ при академіи, вошелъ какой-то господинъ въ статскомъ платьѣ; господинъ этотъ, войдя, сказалъ мнѣ, что мы знакомы и что онъ видѣлъ меня у себя, посидѣлъ у меня не много и пришелъ въ другой разъ ночевать, уже по уходѣ Битнера, и сказалъ мнѣ, что онъ бывшій начальникъ шайки въ Минской губерніи Лясковскій; онъ ночевалъ у меня потомъ два или три раза, а въ іюнѣ онъ принесъ ко мнѣ листъ гербовой бумаги за подписью графа Гейдена (подписался Мокржецкій) и печатью дежурнаго генерала, и просилъ написать аттестатъ, который я и написалъ на имя кажется фонъ Галлера; вскорѣ послѣ этого онъ былъ у меня и сказалъ, что хорошо, что онъ знаетъ немного по нѣмецки, потому что въ генералъ-губернаторской канцеляріи, когда онъ бралъ заграничный паспортъ, то чиновникъ обратился къ нему по нѣмецки и онъ ему съумѣлъ отвѣчать; потомъ я зашелъ къ нему, онъ жилъ съ какимъ то другимъ господиномъ (брюнетомъ, роста выше его) на Милліонной улицѣ, въ чьемъ домѣ не помню; тогда я не засталъ его дома и видѣлъ только лежащій, кажется, на столѣ заграничный паспортъ; потомъ Мокржецкій просилъ меня проводить Лясковскаго на пароходъ; но мнѣ было нѣкогда, и когда я послѣ вскорѣ встрѣтился съ Мокржецкимъ, то узналъ отъ него, что онъ провожалъ Лясковскаго. Кромѣ этого, по просьбѣ Мокржецкаго, я писалъ нѣсколько аттестатовъ, для кого и на чье имя не помню, и аттестаты эти по написаніи я передавалъ Мокржецкому. Лѣтомъ 1862 года у служащаго при главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ Сковзгирда я познакомился съ

офицеромъ С.-Петербургской коммисаріатской коммиссіи Парафіоновскимъ, который тогда бывалъ у меня и который по просьбѣ Лясковскаго далъ мнѣ черновую аттестата на имя Геллера для переписки на бѣло для Лясковскаго......"

Въ показаніяхъ же Михаила Коссовскаго мы читаемъ:

„Въ февраля 1864 года Мокржецкій прибывъ ко мнѣ обратился съ просьбою, **какъ полякъ къ поляку** (значитъ всякій Полякъ революціонный агентъ) и вынувъ изъ бумажника писанныя, предъявленныя мнѣ здѣсь въ коммиссіи квитанціи за печатью революціоннаго начальника города Вильны, для сбора денегъ въ пользу арестованныхъ Поляковъ, просилъ принять для раздачи, такъ какъ у меня много зажиточныхъ домовъ знакомыхъ, и какъ *этотъ сборъ по своей цѣли* (?) *не можетъ* (!) *въ сущности* (?) *подвергать отвѣтственности*...... я согласился и онъ у себя отмѣтилъ въ бумажникѣ число принятыхъ квитанцій.... Мокржецкій вручилъ мнѣ и разрѣшеніе (безъимянное на предъявителя—dozwolenie na okazicela) на сборъ этихъ новыхъ налоговъ.... Наконецъ въ 1864 году въ началѣ іюля, взявъ четырехъ-мѣсячный заграничный отпускъ, я прямо чрезъ Варшаву, въ которой у Хржановскаго былъ четыре дня (остановившись въ Римской гостинницѣ) отправился въ Парижъ. Тамъ не заставъ Графа Потоцкаго, я уѣхалъ къ нему въ Лондонъ.... Послѣ того возвратился въ Парижъ, опять черезъ Лондонъ; немного времени спустя, я уѣхалъ въ Германію.... возвратился я изъ за границы въ послѣднихъ числахъ октября, тоже черезъ Варшаву, въ которой на три дня останавливался у служащаго въ тамошнемъ магистратѣ чиновника Цезарія Сосонко, и въ первыхъ числахъ ноября пріѣхалъ въ Петербургъ........"

Вернувшись въ Петербургъ, Михаилъ Коссов-

скій, вмѣстѣ съ другими, занялся фабрикаціею паспортовъ, дабы спасти своихъ соучастниковъ, которые, попавшись, моглибы его выдать. Огрызко тоже хлопоталъ о томъ, какъ бы спрятать концы въ воду и въ этомъ дѣлѣ былъ еще болѣе остороженъ: онъ объѣхалъ всѣхъ своихъ соучастниковъ и, по *собственному сознанію*, условился со всѣми, какъ показывать въ случаѣ призыва къ допросу.

Но не успокоенный этимъ, онъ постоянно слѣдилъ за начинавшимися арестами въ Петербургѣ и за возникшимъ по этому поводу слѣдственнымъ дѣломъ (чрезъ разныхъ родственниковъ арестованныхъ, допускавшихся къ свиданію), тревожась, какъ бы фамилія его не была кѣмъ нибудь названа.

Арестованный въ Петербургѣ Юндзиллъ не сознавался, и Огрызко былъ спокоенъ. Наконецъ одинъ изъ офицеровъ—дезиртиръ, отправленный въ шайку петербургскимъ комитетомъ, долго укрывался послѣ разбитія шайки въ Новогрудскомъ уѣздѣ, но никакъ не могъ достать себѣ паспорта, не смотря на то, что онъ обращался ко всѣмъ своимъ прежнимъ соучастникамъ, угрожая имъ выдать ихъ въ случаѣ ареста. Вдругъ онъ получаетъ изъ Петербурга паспортъ и инструкцію, какъ добраться до Петербурга, но на дорогѣ былъ схваченъ и на допросахъ, между прочимъ, показалъ:

„Въ Петербургѣ же я долженъ былъ постараться

выйдти изъ вагона первымъ, чтобы меня легче было замѣтить и разглядѣть условный знакъ; этотъ условный знакъ состоялъ въ томъ, что я долженъ былъ держать платокъ у носа и тогда ко мнѣ долженъ былъ нодойдти и посмотрѣть на меня пристально человѣкъ лѣтъ 40, средняго роста, и я долженъ былъ сказать I. О., т. е. начальныя буквы его имени и фамиліи (Іосафатъ Огрызко); а онъ уже долженъ былъ распорядиться, чтобы отправить меня поскорѣе за границу."

Но судьба устроила иначе, и этотъ дезертиръ попался къ допросу въ виленскую особую слѣдственную коммиссію, гдѣ вскорѣ далъ (сначала, какъ водится, не полное) показаніе, въ которомъ изъ знавшихъ преступленія Огрызки назвалъ только Юндзилла и одного офицера, служившаго въ Кіевѣ (въ первомъ показаніи Огрызко не былъ еще названъ). Показаніе это было отправлено въ Петербургъ: Огрызко чрезъ родственниковъ арестованныхъ пронюхалъ объ этомъ и сейчасъ-же увѣдомилъ въ Кіевѣ остававшагося на службѣ офицера, совѣтуя ему *скрыться за границею*. Но офицеръ этотъ былъ арестованъ. Когда же въ Вильнѣ начались сосредоточиваться всѣ дѣла, т. е. когда приказано было доставить изъ Петербурга Юндзилла съ нѣкоторыми причастными къ его дѣлу, то Юндзиллъ, узнавъ объ этомъ, сказался больнымъ, вслѣдствіе чего въ Вильну были доставлены только прикосновенные къ его дѣлу.—Когда же покойный графъ М. Н. Муравьевъ его потребовалъ, и было уже

сдѣлано распоряженіе о его отправкѣ въ Вильну, то петербургскіе революціонеры, сознавая, что Юндзиллъ, какъ посвященный *во многое*,— разъ попавъ въ Вильну, пожалуй можетъ всѣхъ ихъ выдать—рѣшились дать ему средство бѣжать изъ-подъ ареста — и онъ бѣжалъ.—Побѣгъ его скрылъ *многое*, которое, если бы было вовремя раскрыто, можетъ быть недопустило бы совершиться святотатственному покушенію 4-го апрѣля. Но всѣ эти продѣлки не спасли Огрызку. Накопившіяся къ этому времени въ коммиссіи свѣдѣнія говорили ясно о виновности Огрызки, а потому онъ, по распоряженію господина б. главнаго начальника края, покойнаго графа М. Н. Муравьева, былъ арестованъ и 16 ноября [1]) (1864 г.) доставленъ въ Вильну.

Чтобы объяснить еще одну сторону характера и дѣятельности Огрызки, приведу слѣдующее многознаменательное для насъ Русскихъ, особенно послѣ 4-го апрѣля, объясненіе Огрызки.

Въ числѣ фактовъ къ своему оправданію и для того, чтобы заслужить смягченіе при конфирмаціи, Огрызко, между прочимъ, разсказывалъ, что когда былъ уже назначенъ въ Вильну графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, то варшавскій ржондъ намѣренъ былъ убить его. Искали только фанатика, который бы взялся за исполненіе подобнаго преступленія, вслѣдствіе чего

---

1) Ровно наканунѣ годовщины возстанія 1831 года.

и петербургскій комитетъ тоже съ своей стороны искалъ такого злодѣя. Наконецъ однажды Виталій Опоцкій пришелъ къ нему, Огрызкѣ, съ донесеніемъ, что, при содѣйствіи пресловутаго общества „Земля и воля,“ охотникъ нашелся между Русскими (!?!) ремесленниками, который и проситъ за это злодѣйство 5 т. р. сер., и что будто-бы онъ, Огрызко, отклонилъ исполненіе этого злодѣйства, подъ тѣмъ предлогомъ, что не стоитъ рисковать жизнію такого преданнаго (!) ихъ дѣлу русскаго (?!) человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ, по всей вѣроятности, не знаетъ хорошо Вильны, и что тамъ должны быть *свои жандармы*. Будто-бы этимъ удовлетворилъ (?) и Опоцкаго и спасъ жизнь (!?) М. Н. Муравьеву.

Чтобы обрисовать личность Огрызки со всѣхъ сторонъ, привожу слѣдующее [1]). Сначала, въ коммиссіи, Огрызко началъ было рисоваться, употребляя разныя чиновническія увертки, утверждая, что онъ не виноватъ, и когда слѣдователь совѣтовалъ ему высказать откровенно свою вину, то онъ возразилъ:

„Послушайте, г. слѣдователь, я самъ знаю, что я уменъ, такъ какъ же вы хотите, чтобы я сознался? Вѣдь я понимаю, что если допустить даже, что я виноватъ, все-таки, пока я не сознаюсь, меня не казнятъ, потому что весь Петербургъ, въ *которомъ у меня много друзей*, закричитъ, что я казненъ неправильно; а если я сознаюсь, тогда меня вправѣ казнить.“

---

1) Смотри приложеніе VII.

И когда ему слѣдователь сказалъ, что коммиссія постарается его убѣдить въ необходимости сознаться, тогда онъ спросилъ съ насмѣшкою: ,,Кто же это будетъ меня убѣждать?"—Слѣдователь сказалъ: а хоть бы я. На это Огрызко насмѣшливо возразилъ: ,,мелко плаваете..." А чрезъ двѣ съ половиною недѣли, сознавшись во всемъ, онъ со слезами на глазахъ, цѣлуя, по польскому обычаю, плечи и локти того же самаго слѣдователя, просилъ, дабы ему оставили жизнь. Полевой судъ приговорилъ его къ смертной казни; но главный начальникъ края, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, даровалъ ему жизнь, замѣнивъ смертную казнь ссылкою въ каторжную работу на 20 лѣтъ въ рудникахъ.

Разсказъ этотъ составленъ на основаніи фактовъ и со словъ самихъ же дѣятелей, съ которыми я имѣлъ возможность, по своей обязанности, говорить о Польской справѣ.

Выводы и заключенія, которыя я позволилъ себѣ здѣсь сдѣлать, основаны на шестилѣтнемъ моемъ пребываніи въ краѣ, во время котораго мнѣ, какъ по служебнымъ, такъ и по частнымъ дѣламъ, приходилось вращаться въ разныхъ слояхъ общества, а главное—они основаны на трехълѣтней работѣ въ особой слѣдственной коммиссіи, послѣ которой мнѣ стали ясны многія осо-

бенности польскаго характера и его способность къ самымъ тонкимъ и самымъ грязнымъ интригамъ, которыми они насъ легко опутывали и завлекали въ *панургово стадо*. А вѣдь кто изъ насъ не побывалъ въ этомъ стадѣ за періодъ времени 1856—1866 годъ, когда всѣ безсознательно гонялись за *гуманностію* и *прогрессомъ* и за тѣмъ, *что скажутъ заграницей*?

Пропаганда производилась и заговоръ созрѣвалъ на нашихъ глазахъ, а мы молчали, ибо поляки искусно пользовались нашимъ добродушіемъ и закрывали намъ ротъ вопросами: «а вамъ какое дѣло; развѣ вы полицейскій; неужели вы будете доносчикомъ или шпіономъ?» И мы, русскіе, молчали, считая *гуманностію* и дѣломъ *прогресса*— позволять покушаться на цѣлость и спокойствіе нашего государства и считали *доносомъ*—помѣшать заговорщикамъ. А потому мы сами виноваты, если 4 апрѣля случилось святотатственное покушеніе на жизнь нашего Государя, и себя, болѣе чѣмъ кого либо, мы должны обвинять въ этомъ пятнѣ, которое чуть-чуть не легло на чистыя страницы нашей исторіи. Нѣтъ, пока *увѣдомленія* о заговорѣ, о проискахъ Поляковъ и о дѣлаемыхъ имъ поблажкахъ (??) считаются *доносомъ*, а не *обязанностію* каждаго честнаго русскаго гражданина, — до тѣхъ поръ мы будемъ въ панурговомъ стадѣ и не раздѣлаемся съ поляками.

Разсказъ этотъ, кажется, достаточно ясно показываетъ, до чего можетъ довести насъ въ бу-

дущемъ наше излишнее добродушіе *къ несчастнымъ*. Намъ надо помнить, что Поляки искусно умѣютъ жаловаться и принимать *видъ жертвы*, и тогда насъ не увлечетъ ложное добродушіе, которое имѣетъ такія пагубныя для Россіи послѣдствія.

Чтобы показать, какъ Поляки умѣютъ пріобрѣтать сочувствіе нѣкоторыхъ Русскихъ, которые дорожатъ болѣе мнѣніемъ заграничныхъ газетъ и Поляковъ, чѣмъ благосостояніемъ своего государства, приведу одно письмо, находящееся въ числѣ другихъ матеріаловъ въ нашихъ рукахъ. Письмо это писано чисто-русскимъ человѣкомъ.

„Парижъ 22, Rue de la Paix, 23 декабря (4 января) 186$^{4}/_{5}$

„Искренно благодарю ваше превосходительство за дружеское письмо ваше. . . . .

„Вѣрноподданническая преданность моя къ Государю и неограниченное уваженіе къ М. Н. Муравьеву одушевляютъ меня въ моемъ ходатайствѣ (за графа Ивана Тышкевича), ибо я убѣжденъ, что послѣ энергіи, которою онъ уничтожилъ мятежъ, чѣмъ пріобрѣлъ вѣчную благодарность Россіи, въ настоящее время мѣры кротости и милосердія не только въ отношеніи невинныхъ (?!), но даже и къ *самымъ преступнымъ* личностямъ должны принести несомнѣнную пользу, доказывая ложность обвиненій, возводимыхъ на насъ партіею, враждебною матушкѣ Россіи, и разглашаемыхъ революціонными газетами; препровождаю двѣ вырѣзки изъ „*Opinion nationale*,“ который при разборѣ: 1-е—папской буллы и 2-е—словъ Наполеона дипломатическому корпусу въ новый годъ, нашелъ возможнымъ сдѣлать нападку на Россію и на генерала Муравьева.

„Не желая отвлекать Михаила Николаевича отъ его занятій, умоляю его чрезъ посредничество ваше, положить гнѣвъ на милость, вспомнивъ русскую пословицу, *что лежачаго не бьютъ*“ [1])....

---

1) Письмо это показываетъ всю громадность заслуги главнаго начальника края, которому, уничтожая польскую пропаганду, приходилось получать подобнаго рода ходатайства отъ Русскихъ, ибо хороша невинность графа Ивана Тышкевича, который рѣшился, *въ припадкѣ патріотизма у себя въ домѣ*, дѣлать невѣжливости генералъ-губернатору,—и вообще стоялъ во главѣ виленскихъ демонстрацій, такъ, что еще по представленію генералъ-губернатора В. И. Назимова, какъ одинъ изъ агитаторовъ, смѣненъ съ должности виленскаго предводителя дворянства. Впрочемъ приведенное выше письмо Ивана-Непомуцена Яновскаго даетъ понятіе и о его заграничномъ вліяніи. Только благодаря тому, что г. Тышкевичъ не явился изъ-за границы по вызову покойнаго графа М. Н. Муравьева, и такимъ образомъ не могъ быть сужденнымъ вмѣстѣ съ своими соучастниками, какъ за преступленія II-й категоріи Высочайше утвержденныхъ правилъ, къ которой причисляются политическіе преступники:

„Взятые съ оружіемъ въ рукахъ или хотя и безъ оружія, но явно изобличеннныя въ участіи въ мятежѣ или въ возбужденіи къ оному, лица, которыя, по образованію или положенію въ обществѣ могли имѣть и имѣли вредное вліяніе на массы народа, сюда относятся зажиточные помѣщики, лица духовнаго званія, негоціанты, врачи, учителя, чиновники и т. п.; къ этой же категоріи должны быть отнесены и тѣ лица, которыя хотя и не могли имѣть особеннаго вліянія на распространеніе возмущенія, но существенно содѣйствовали успѣхамъ возстанія, равно какъ и тѣ, которыя по отношеніямъ къ правительству въ особенности обязаны были не только ненарушимо соблюдать данную ими вѣрноподданническую присягу, но и служить примѣромъ для другихъ, напримѣръ отставные чиновники, офицеры и нижніе чины „...............“ Полевые военные суды, при постановленіи приговоровъ о преступникахъ второй категоріи, въ тѣхъ случаяхъ, когда по строгости полевыхъ военныхъ законовъ виновные, за сдѣланные ими преступленія, будутъ подлежать смертной казни, въ замѣнъ оной могутъ присуждать подсудимыхъ, по мѣрѣ виновности ихъ, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на извѣстный срокъ, согласно 21 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., или въ Сибирь на поселеніе.“

Но такъ какъ графъ Иванъ Тышкевичъ изъ-за границы вернулся только въ 1865 году, т. е. когда всѣ соучастники были уже суждены, то онъ по конфирмаціи б. главнаго начальника края сосланъ на жительство въ Воронежскую губернію.

Но вѣдь подобное сердобольничанье есть, по выраженію самихъ же поляковъ, отличительная черта Панургова стада. Впрочемъ, какъ интрига польская ведется съ давнихъ временъ, такъ и подобныя тенденціи существуютъ давно. Въ 1812 году графъ Михаилъ Огинскій намѣревался-же подсунуть Государю проектъ возстановленія Польши съ тѣмъ, чтобы *сдѣлать отдѣльное Великое княжество Литовское изъ западной Россіи;* но благодаря только проницательности Государя Императора проектъ этотъ не былъ принятъ. Истинно Русскіе люди, какъ, напримѣръ, нашъ знаменитый исторіографъ Н. М. Карамзинъ—всегда находили возстановленіе Польши дѣломъ пагубнымъ для Россіи и вслѣдствіе этого невозможнымъ [1]. —А вѣдь были же такіе Русскіе, которые находили проектъ Огинскаго мѣрою *возможною*, *современною* и даже *полезною*, хотя самъ Огинскій писалъ: „Votre Majesté trouvera peut étre que la mesure que je propose est trop précipitée... Mais j'anticipais sur les événements, qui doivent arriver sans aucun doute.“

Въ этомъ проектѣ предполагалось между прочимъ слѣдующее письмо къ фельдмаршалу [2]):

„Солдаты да видятъ въ жителяхъ *несчастныхъ* брать-

---

1) Мнѣніе исторіографа Н. М. Карамзина, поданное Государю Императору Александру I-му о возстановленіи Польши было уже напечатано прежде, но я его помѣщаю здѣсь въ приложеніи IV.

2) „Memoire de Michel Oginski,“ смотри стр. 235 III ч.

евъ, а начальники *наперерывъ да поспѣшатъ* осушить ихъ слезы. Ваше покровительство да распространится *на всѣ сословія.* Тѣ, которые, уступая силѣ обязательствъ, приняли должности въ управленіи или въ войскахъ, тѣ, которыхъ соблазнили мечтательныя обѣщанія Наполеона, да не познаютъ они другаго наказанія, какъ *угрызенія ихъ собственной совѣсти* (!?!!).“

Долго ли мучили Поляковъ угрызенія совѣсти? и оказалась ли она у нихъ?—объ этомъ можетъ судить всякій изъ того, что мятежъ и польская интрига не прекращались ни на минуту и составляютъ своего рода *perpetuum mobile польской справы* [1]). И не смотря на это, есть люди, которые утверждаютъ опять, *что надо, что пора прекратить преслѣдованіе несчастныхъ.* Да вѣдь кто не преслѣдуетъ непріятеля, тотъ не воспользуется плодами выиграннаго сраженія. А имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ, какъ поляки, которые, благодаря своему катехизису, такъ искусились въ дѣлѣ интриги, намъ непремѣнно надо продолжать преслѣдованіе до nec plus ultra. Въ доказательство же того, что и такъ-называемый „лежачій полякъ“ все таки не перестаетъ заводить интриги, приведу слѣдующее: Когда О г р ы з к о съ своими соучастниками былъ уже сужденъ, то, передъ отправкою его въ Сибирь, онъ успѣлъ возобновить сношенія *съ сво-*

---

1) Въ непродолжительномъ времени поступитъ въ печать, по окончательной отдѣлкѣ, рукопись В. Ѳ. Ратча: „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1363 г. въ С. З. Россіи,“ которая, можно надѣяться, выяснитъ этотъ *perpetuum mobile польской справы.*

ими петербургскими *друзьями*, при помощи которыхъ Огрызко надѣялся (?) въ Петербургѣ выхлопотать себѣ *амнистію* (!!!?). Соучастники его тоже надѣялись получить амнистію вмѣстѣ съ Огрызкою, сильно разсчитывая „*на ширину плечъ*" этого „*столба въ народѣ*" и на „*могущество* Огрызкиныхъ *друзей*" [1]), и для этой цѣли они было завели особую интригу (которая, къ счастію, обнаружена), надѣясь, по прибытіи въ Петербургъ, при содѣйствіи *друзей*, повернуть дѣло такъ, что будто бы Огрызко и соучастники его сосланы вслѣдствіе личностей Огрызки,—и съ кѣмъ бы вы думали? — съ графомъ Муравьевымъ (!!!?).

Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одинъ изъ подсудимыхъ:

„Потерявъ надежду на успѣшный исходъ ходатайства *Петербургскихъ друзей* о перенесеніи такъ называемаго „Петербургскаго дѣла" изъ Вильны въ столицу, Михаилъ Коссовскій, тѣмъ не менѣе, не отказывался отъ мысли о возможности возобновить дѣло, и не смотря на то, что конфирмація ясно опредѣляла его будущую участь, онъ все-таки надѣялся, при помощи Огрызки и *его друзей* (?), освободиться отъ всякаго наказанія и отвѣтственности.

Дабы удобнѣе было приступить къ возобновленію дѣла Михаилъ Коссовскій изъ дѣла политическаго старался сдѣлать дѣло личныхъ отношеній; но такъ какъ интриги были обнаружены, и кромѣ грязи, своимъ закинутымъ неводомъ, Михаилъ Коссовскій

---

1) Вѣроятно, общихъ съ Бакунинымъ „*петербургскихъ друзей.*"

ничего более не могъ для себя вытащить, то онъ обдумалъ другое, по его мнѣнію, болѣе удобное и менѣе рискованное для него средство: **Зная объ обширныхъ связяхъ и широкихъ плечахъ, которыя Огрызко имѣлъ за собою,** Михаилъ Коссовскій старался, чтобы, во чтобы то ни стало, облегчить Огрызкѣ возобновленіе дѣла, а самому уже примазаться къ дѣлу Огрызки, разсчитывая, что послѣдній, выбравшись самъ на ровную дорогу, безъ труда и съ благодарностью вытащить изъ бѣды и его.

Послѣ уликъ на очныхъ ставкахъ и сознанія въ собственныхъ показаніяхъ начать снова запираться не такъ то удобно; начинать Михаилу Коссовскому заступаться за Огрызку казалось вѣроятно рискованнымъ, по этому Михаилъ Коссовскій обратилъ все свое вниманіе на меня, надѣясь, что если не тѣми, то другими доводами, ему удастся заставить меня сдѣлать первый шагъ и слѣпо слѣдовать обдуманному имъ плану.

Пріемы, употребляемые въ такихъ случаяхъ обыкновенно одни и тѣже: *сначала стараются представить задуманное дѣло въ облагороженномъ видѣ, эгоистическія стремленія маскируются какъ можно тщательнѣе, и на видъ выставляется, что единственными побужденіями служитъ идея добра и правды.* Если на эту удачку не удастся поймать, въ такомъ случаѣ дѣлаются, впрочемъ весьма ясно и вразумительно, намеки на то, что нѣтъ ничего легче, какъ уронить кого нибудь въ общественномъ мнѣніи.

По такому пути слѣдовалъ относительно меня и Михаилъ Коссовскій: Сначала онъ старался увѣрить меня, что если бы дѣло касалось только его, то онъ бы не сталъ ни объ чемъ хлопотать; но когда дѣло касается такой личности какъ Огрызко,—личности, которую, по его словамъ, „должно считать *столбомъ въ народѣ,*" то долгъ каждаго честнаго (honorowego) человѣка помогать ему. На совѣтъ мой предоставить Огрызкѣ самому защищать себя и не совать между дверей пальца, Михаилъ Коссовскій отвѣчалъ, что онъ

всегда останется на сторонѣ, дѣйствующей во имя истины, которая для него выше всего, и проч. „Если ты непритворно полюбилъ истину,“ сказалъ я ему, „то начни съ того, что попросись въ коммиссію и тамъ разскажи про себя и про своихъ соучастниковъ всю истину.“—Такое diktum очевидно не понравилось Михаилу Коссовскому; отвлеченныхъ толкованій объ истинѣ и прочихъ высокихъ добродѣтеляхъ онъ не затѣвалъ со мною, а просто, безъ дальныхъ обиняковъ, сталъ требовать, чтобы я написалъ письмо, помѣченное изъ Босачекъ [1]), адресованное на имя Огрызки, и вручилъ его Михаилу Коссовскому, и что онъ уже берется передать его по адресу. Въ письмѣ этомъ я долженъ былъ, по его требованію, описать угрызенія совѣсти (?), которыя я почувствовалъ, погубивъ Огрызку; просить предъ нимъ извиненія и проч. Въ томъ же духѣ должны быть писаны еще два письма; одно на имя начальника сѣверо-западнаго края, другое—шефу жандармовъ. Послѣднія два письма предполагалось написать по пріѣздѣ въ Петербургъ. Такимъ образомъ улики противъ Огрызки обратились бы въ клевету, которую я на него будтобы возвелъ; собственныя же его показанія были бы объявлены (?) вынужденными, а произнесенный на ихъ основаніи приговоръ—обратился не болѣе, какъ въ преслѣдованіе или мщеніе за личныя недоразумѣнія (!), будто бы возникшія еще въ Петербургѣ между Огрызкою и бывшимъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края, или его сыномъ.

Въ доказательство же своей безвинности Огрызко указалъ бы на лицо, привозившее ему изъ Варшавы *Мандатъ* [2]), и сослался бы на него, Михаила Коссовскаго и на Виталія Опоцкаго, какъ на

1) Особая слѣдственная коммиссія прежде помѣщалась въ упраздненномъ монастырѣ Доминикановъ; а впослѣдствіи переведена въ упраздненный женскій монастырь: Кармелитокъ босыхъ, откуда происходитъ польское слово „Bosaczki.“

2) Мандатъ или номинація означаетъ патентъ на должность.

свидѣтелей, что онъ, Огрызко, мандата не принялъ и отъ всякаго вмѣшательства въ революціонныя дѣла якобы отказался.—Указаніе же на Потоцкаго, какъ на лицо, привозившее мандатъ, онъ не иначе бы сдѣлалъ, какъ исходатайствовавъ предварительно, чрезъ *своихъ петербургскихъ друзей*, Высочайшее повелѣніе, въ видѣ гарантіи (!), что указанное лицо не подвергнется отвѣтственности по закону и прежде чѣмъ оно объявитъ о своемъ преступленіи будетъ Всемилостивѣйше помиловано (!).

Все это Михаилъ Коссовскій надѣялся легче устроить, зная, что въ самомъ городѣ Вильнѣ, а отчасти и въ Петербургѣ, носится молва, что Огрызко погибъ чрезъ меня; что общественный голосъ, преслѣдованія и камни, которыя въ меня будутъ бросать, заставятъ меня дать подписку въ клеветѣ на Огрызку, а что *широкіе плечи* и заступничество *друзей* помогутъ Огрызкѣ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе. Для того же, чтобы придать энергіи и бодрости въ дѣлѣ—пущена молва, что король прусскій (!) ходатайствуетъ за Огрызку. Наконецъ, какъ доказательства безвинности Огрызки, друзья его моглибы въ заграничныхъ журналахъ напечатать имена лицъ, или находящихся внѣ предѣловъ Имперіи или уже казненныхъ, *или такихъ, которыя, будучи въ состояніи, не подали бы руку помощи* Огрызкѣ, и на нихъ свалить всю отвѣтственность за революціонную дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ огласить безвинность Огрызки.“

Я увѣренъ, что всякій Русскій, прочитавшій со вниманіемъ приведенные мною факты, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ и скажетъ: великъ Богъ земли русской, который не допустилъ польской интригѣ, такъ искусно веденной, исполнить свои замыслы!

Если разсказъ мой просвѣтитъ хотя немногихъ изъ заблуждающихся и если этимъ разсказомъ я избавлю Россію хотя отъ одного подобнаго Огрызкѣ дѣятеля, то я уже почту себя совершенно счастливымъ.

Да, намъ, русскимъ, надо быть очень осмотрительными относительно нашихъ польскихъ друзей, которые исповѣдуютъ *польскій катехизисъ* и вторгаются къ намъ на службу, и помнить, что только береженаго Богъ бережетъ.

Г. Вильна.
8-го декабря 1866 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Одна изъ уѣздныхъ земскихъ управъ, выписывая значительное число экземпляровъ перваго изданія этой брошюры въ лестномъ для меня отзывѣ черезъ одного изъ своихъ членовъ между прочимъ выразилась:

„Былобы весьма полезно и необходимо обратить вниманіе правительства на нераціональность выборовъ мѣстъ ссылки изъ Польши, юго-западной и западной Россіи политическихъ преступниковъ — этой враждебной Россіи націи. Напримѣръ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ, изъ котораго бѣжала, изъ подъ ареста полиціи, жена извѣстнаго Домбровскаго (впрочемъ слѣдствіемъ не открыто пособниковъ и сообщниковъ) большая часть вліятельныхъ лицъ правительственной администраціи (судебныя слѣдователи, стряпчіе и проч.) изъ Поляковъ и 20 человѣкъ ссыльныхъ Поляковъ здѣсь-же. Не говоря уже о необходимости отдѣлить Поляковъ отъ ссыльныхъ женщинъ, всегда вліяющихъ и фанатизирующихъ своихъ кавалеровъ, предстоитъ необходимость перевести чиновниковъ поляковъ въ тѣ города, гдѣ нѣтъ ссыльныхъ Поляковъ; необходимо было бы указать правительству все то зло, которое происходитъ отъ вліянія развитыхъ Поляковъ чиновниковъ на неразвитыхъ Русскихъ чиновниковъ. Виленскія извѣстія отразились и здѣсь: тѣ изъ чиновниковъ Поляковъ, которымъ не удалось взять подъ свое вліяніе Русскаго чиновника, не кланяются съ нимъ и вообще стараются выказать презрѣніе къ нему. *Превосходство* въ веденіи интриги съ одной стороны и *безпечность, смѣшанная* съ *довѣрчивостью русскаго характера*

„*даетъ врагамъ нашимъ удачу, и черезъ нее и самоувѣренность*....
„Вы вѣрно обрисовали типъ Поляка на русской службѣ и показали
„его самымъ нагляднымъ, осязательнымъ образомъ — лицамъ, не-
„знакомымъ съ Поляками.... Вашъ трудъ раскрывшій глаза Русскимъ,
„живущимъ въ захолустьяхъ Россіи...“ и т. д.

Кромѣ „*безпечности смѣшанной съ довѣрчивостію русскаго характера*,“ удачѣ въ интригѣ врагамъ нашимъ главнымъ образомъ способствовало то невѣденіе относительно польскихъ дѣлъ, въ которомъ находилось русское общество до послѣдняго времени.

Многіе изъ Русскихъ заблуждались и *сочувствовали Полякамъ*.... Но съ первыми номерами „Московскихъ Вѣдомостей“ 1863 г. начали раскрываться глаза ослѣпленныхъ, и Россія, вѣрная своей исторіи, высказала готовность жертвовать всѣмъ, *лишь бы покончить разъ на всегда съ перемежающимися польскими мятежами*. Но при смутномъ понятіи о своемъ тайномъ врагѣ, Русскій народъ въ то время могъ предложить своему Царю только свою жизнь и состояніе;—нравственнаго же содѣйствія, по незнанію намѣреній врага, Русскій народъ оказать не могъ. А потому и зараза, привитая Поляками къ нашей молодежи, продолжала существовать и выродила *Каракозова*.

Вопль негодованія, вырвавшійся, послѣ 4 апрѣля, изъ груди каждаго Русскаго, былъ такъ страшенъ, что онъ очистилъ насъ отъ посрамленія, которое нанесъ Каракозовъ русскому имени. А патріотизмъ, выказавшійся по поводу этого свя-

тотатственнаго покушенія, даже въ русской исторіи не имѣетъ себѣ подобнаго,—и общее желаніе народа было вырвать изъ среды себя заразу. Но для осуществленія этого священнаго желанія нужно ознакомиться съ врагомъ и узнать гдѣ зараза; а потому каждый, по мѣрѣ возможности, долженъ принести свою лепту для раскрытія этой заразы и для уясненія нашего врага. По нашему мнѣнію, зараза эта *есть апатія ко всему національному*, въ которую мы скоро впадали послѣ всякаго пробужденія патріотизма; а происходитъ эта апатія отъ недостатка *политическаго воспитанія*, на которое рѣдкая мать обращала все должное вниманіе,— вслѣдствіе чего и являлись наши космополиты, охотно лезущіе въ *Панурговo стадо*, и наша молодежь, равнодушно смотрящая *на враговъ цѣлости и спокойствія нашего отечества*. Враги же наши—тоэ *Польская эмиграція* и *ее подмастерье—ксендзы* и *Герценовская компанія*.

Знаменитый знатокъ польской исторіи—*Фридрихъ Смитъ*, которому даже наиболѣе пристрастные противники Россіи отдавали справедливость въ томъ, что онъ лучше другихъ зналъ Польшу и польскій народъ, изъ собственныхъ наблюденій и изъ глубокаго изученія исторіи говоритъ [1]):

1) Смотри: „*Ключъ къ разрѣшенію польскаго вопроса, или почему Польша не можетъ существовать какъ самостоятельное государство.*“ Фр. Смитъ. С.-Петербургъ, 1866 года, стран. 6, 10, 11, 58.

,,Чтобы правильно судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ людей нужно взглянуть на первоначальное происхожденіе этихъ дѣйствій; дѣйствія же людей возникаютъ *изъ ихъ понятія о вещахъ и изъ природнаго характера:* если можно въ точности опредѣлить то и другое, то можно такъ же заранѣе угадать и послѣдующій образъ дѣйствій людей. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы поверхностно толковать о Полякахъ и вкривь и вкось, должно обратить вниманіе на ихъ первоначальный характеръ, на дарованныя имъ или отнятыя у нихъ природою свойства и наклонности. Отсюда ясно обнаружится намъ, *какимъ образомъ Поляки судятъ и понимаютъ вещи,* а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружится и источникъ ихъ образа дѣйствій............. не смотря ни на какую форму правленія; хотя бы даже даровали имъ идеалъ политическихъ учрежденій, измышляемыхъ со времени 1789 года, Поляки все-таки не знали бы истины, такъ какъ ихъ заговоры и возстанія имѣютъ свое основаніе не въ какихъ-либо внѣшнихъ поводахъ, но въ ихъ національномъ *характерѣ.* Характеръ нельзя сбросить съ себя по произволу, какъ платье; по этому революціи и *возстанія всегда будутъ происходить, пока Поляки останутся Поляками* и пока они будутъ имѣть къ тому *возможность, средства и благопріятныя обстоятельства*......... Если въ народѣ, отъ отца къ сыну, унаслѣдуются, въ видѣ обычая, ложныя понятія и порочность, лицемѣріе, вѣроломство, ложь, обманъ, клевета, и все это считается дѣломъ обыкновеннымъ, не принося ни кому безчестія,—тогда народъ привыкаетъ къ подобному образу жизни: лжетъ, клевещетъ, нарушаетъ слово и клятву, не связывая съ этимъ никакой идеи порока или стыда.......... Если Поляки постоянно интригуютъ, волнуются, строятъ козни, составляютъ заговоры, устроиваютъ конфедераціи, возмущаются, то дѣлаютъ они все это потому, что таковъ ихъ природный характеръ, обусловливающійся историческимъ развитіемъ. Возлагать на русское правительство отвѣтственность за волненія, происходящія въ Польшѣ, было бы точно такъ же разумно, какъ жаловаться на то, что собака лаетъ, овца блеетъ, лошадь ржетъ и быкъ мычитъ, и винить въ этомъ ихъ приставниковъ. *Такова ихъ природа,* и доколѣ она не измѣнится, они все будутъ лаять, блеять, ржать, мычать; равно какъ и Поляки будутъ дотолѣ интриговать, составлять заговоры и возмущаться, *доколѣ не будутъ у нихъ отняты окончательно всѣ къ тому*

средства.—Тотъ, кто ожидалъ бы противнаго, походилъ бы на крестьянина, воспѣтаго Гораніемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Rusticus expetat, dum defluat amnis; at ille
Labitur et labetur in omne volubilis aerum.

(крестьянинъ, стоя у рѣки, ждетъ, пока стечетъ вода; а она течетъ и вѣчно будетъ течь)."

Въ этой книгѣ я постарался показать образъ дѣйствій нашихъ враговъ для того, чтобы русское общество могло лучше изучить польское „*понятіе о вещахъ и природный польскій характеръ*" и навѣрное узнавъ—„*какимъ образомъ Поляки судятъ и понимаютъ вещи*" придти къ полному сознанію, что „*возстанія всегда будутъ происходить, пока Поляки останутся Поляками*" и что непремѣнно надо „*у нихъ отнять окончательно всѣ къ тому средства интриговать, составлять заговоры и возмущаться.*" Для болѣе же яснаго уразумѣнія всей тонкости характера интриги и ея общей махинаціи, я считаю не лишнимъ помѣстить нѣсколько приложеній, заимствуя ихъ изъ разныхъ источниковъ.

I.

ПОЛЬСКІЙ КАТЕХИЗИСЪ.

,,Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной ойчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ и приготовляла его къ новому великому возрожденію, на погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ.

,,Искра сія въ настоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ, съ великимъ пламенемъ охватитъ всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная саламандра, возрожденный и облистанный огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ, но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостью характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія и Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ; послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать прилагаемыя здѣсь правила, составленныя человѣкомъ опытнымъ и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

Польша нынѣ является, по преимуществу, страною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества

Польши силою ея непобѣдимаго и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми странами силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляните на Англію: нація исключительно торговая, сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всего міра. Англія на морѣ,—Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украина и Литва; колоніи эти съ Польшею составляютъ одно цѣлое и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріальномъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе небезполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія къ достиженію общей цѣли.

,,1) *Въ забранныхъ краяхъ помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній*, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ, Жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; *русскимъ* же *помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности*, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигриваемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ тамошнемъ краѣ *нашими же единовѣрцами*,—словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправопріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; *продающіяся* же *русскія имѣнія* хоть общими силами, въ компаніяхъ, *пріобрѣтать въ свое владѣніе.* Чрезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій—*на помощь и пользу своей ойчизны.*

,,Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью, *но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того она, конечно, понимать не будетъ.*

,,Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать сліянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостью тамошнихъ *поповъ*, то, дѣйствуя на *корыстолюбіе* ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ, лютѣйшихъ по своему изувѣрству, нашихъ враговъ; усыпивъ же сихъ...... [1]) и дѣйствуя съ хитростью и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи если не отвратить его отъ своей *схизматической вѣры* [2]), то поколебать довѣріе къ своимъ попамъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ непріязненно.

,,2) Такъ какъ Русскіе, большею частію, необразованы, лѣнивы и безпечны, то *стараться Полякамъ какъ можно болѣе образовать себя спеціально*, чтобъ имѣть всегда преимущество предъ Русскими въ занятіи *лучшихъ выгоднѣйшихъ мѣстъ*, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю *морально*.

,,3) Людямъ, спеціально образованнымъ, *стараться непремѣнно служить въ Россіи*, не обращая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей (не посвященныхъ въ тайны политики), что ,,служить русскому правительству для Поляка—безчестно;" служа *на пользу своей родинѣ* въ Россіи, каждый Полякъ являетъ въ себѣ великую миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.

,,4) Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то *служи только тамъ, гдѣ можно разсчитывать*

---

1) Здѣсь пропущено слово, неприличное въ печати.

2) Борьба Россіи съ Польшею есть постоянная борьба православія съ польскимъ католицизмомъ,—смотри: ,,*Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи*," составленное по повелѣнію Императрицы Екатерины II въ 1795 году Николаемъ Бандышемъ-Каменскимъ и въ 1866 году изданное въ Вильнѣ съ изданія 1805 года,—и ,,*Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности.— Г. Вильна.*

на вѣрный доходъ [1]), и какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей ойчизнѣ, чтобы нажитыя тобою деньги въ Россіи сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ странѣ, но еще принесешь пользу своей ойчизнѣ, ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага отчизны, не только дозволительна, но и необходима,—средствомъ этимъ ты подрѣзываешь ему когти.

,,*Стараться всѣми мѣрами*, гдѣ только откроется возможность, *нажиться на счетъ русской казны;* это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель, потому что, обирая русскую казну, ты чрезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно, дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святая церковь проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ чрезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильскаго. Предлагаемое же здѣсь оружіе не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ все-грабящаго награбленныя имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

,,5) *Стараться достигнуть* всякаго *вліятельнаго мѣста*; а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. *Для достиженія этой цѣли всякія средства дозволительны*, хотя бы онѣ казались для другихъ низкими; помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей ойчизны, а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе,—не соотчичи твои, на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ осо-

---

1) Т. е. на хлѣбныхъ мѣстахъ.

бенности любитъ лесть и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, *чѣмъ своему, можетъ быть, и достойнѣйшему тебя собрату*, но не способному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію [1]); а потому *лесть*, какъ могущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу *употребляй вездѣ*, гдѣ изъ нея можешь извлечь выгоду въ своихъ планахъ. Когда же, такимъ образомъ, всѣ вліятельныя мѣста въ Россіи будутъ въ рукахъ Поляковъ, то и Россія незамѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницею.

6) *Въ войскѣ русскомъ долго не служи*, чтобы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ орудіемъ ненавистнаго твоему народу правительства,—исполнителемъ его плановъ. Вообще *служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему обогащенію*, послѣ чего, не гоняясь за увлеченіями и постыдными украшеніями, покидай свою службу и скорѣе поселяйся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы пріобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

,,7) *Въ гражданской же службѣ служи сколько достанетъ силъ твоихъ* и всходи на самыя высокія ступени; *отказывайся однако отъ занятія первыхъ государственныхъ должностей*, а добивайся только всѣми мѣрами быть помощникомъ вельможъ, товарищемъ и вообще приближеннымъ къ нимъ лицемъ. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недовѣрчиво, и ты не будешь посвященъ въ его планы; во второмъ, если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣренность, то тебѣ сдѣлаются извѣстны тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

,,8) Будь во-всемъ правою рукою твоего начальника

---

1) Имѣющіе уши слышать—да слышатъ.

и, для достиженія его довѣрія, не щади ничего, *брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія.* Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго Русскаго въ преданности твоей къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника, тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ.

,,9) *Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему* и снискать его расположеніе для твоихъ собратій, чрезъ что, если не уничтожишь его, то зная всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же, такимъ образомъ, во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ покрыто какъ бы сѣтью единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій, то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, современемъ, дѣйствуя систематически на русское общество, *затрогивая нѣжныя чувства состраданія,* мы подготовимъ его къ увѣренности въ необходимости отдѣленія Польши. Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія; а чрезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущемъ.

,,10) *Помни, что Россія—первый твой врагъ, а православный есть еретикъ* (схизматикъ), и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что они твои кровные братья, что ты противъ Русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому Русскому: онъ, по своей ненависти къ римской церкви и къ Полякамъ не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насиліи противъ тебя свое правительство.

,,11) *Между Русскими говори всегда, что Нѣмцы—первые враги Русскихъ и Поляковъ,* что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстраиваютъ своими кознями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ Нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрятъ. Это самыя лучшія ширмы для прикрытія твоихъ дѣй-

ствій и, увѣривъ непріятеля въ искренной къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ сваливай вину на Нѣмцевъ, чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другаго, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.

,,Говоря съ Русскимъ, *старайся выводить его изъ терпѣнія*: по своей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ, русскій выскажется, а это тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

,,12) *Въ обществахъ Русскихъ старайся болѣе молчать и невысказывай своихъ убѣжденій,* потому что это не выгодно. На Русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать,—сначала на ненавистное правительство, которому онъ, какъ рабъ, служитъ; потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей, и наконецъ на безчувственность его и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ Полякамъ.

,,Старайся подѣйствовать на самолюбіе Русскаго, и тогда къ концу разговора сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій, при своей простодушной и грубой натурѣ, весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. *Затрогивай искусно самолюбіе Русскаго* и пользуйся имъ.

,,13) Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами *старайся его уничтожить* и избери для этого оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе *вліятельнаго Нѣмца*. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ поможетъ, — врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать, что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ Русскихъ—Нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ неподозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себѣ пріятеля и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ.“

II.

UCZMY SIĘ

(станемъ учиться).

(*Изъ Виленскаго Вѣстника* № *23 Января 28—1866 г.*).

Послѣднее возстаніе, послужившее столь отрезвляющимъ средствомъ для русскаго общества, богато множествомъ матеріаловъ, доселѣ извѣстныхъ весьма немногимъ и обрисовывающихъ истинное значеніе польщизны въ средѣ нашего общества. Матеріалы эти важны не столько какъ документы историческіе, сколько какъ назидательное поученіе для настоящаго времени, какъ телескопы, которые открываютъ намъ мало изслѣдованныя доселѣ подробности организаціи шляхетскаго міра, вращающагося въ нашемъ обществѣ, снабжающаго насъ Огрызками, Сѣраковскими и Домбровскими, поджигателями и дѣлателями фальшивыхъ денежныхъ знаковъ и, что всего важнѣе, внушающаго всѣмъ этимъ дѣятелямъ *свентой справы* весьма выгодное для подобныхъ господъ убѣжденіе, что преступленіе относительно Россіи, при всей гнусности его, есть въ сущности дѣло нравственное, высоко-патріотическое.

Знакомство съ матеріалами этого рода намъ необходимо и для насъ самихъ, въ видахъ огражденія себя отъ опасности, и даже для Поляковъ, которые тогда только могутъ серьозно подумать о томъ, чтобы сдѣлаться честными гражданами русской земли, когда фактически убѣдятся въ полной несостоятельности за-

вѣтной мечты своей о возстановленіи Рѣчи-посполитой руками русскаго правительства.

Предлагаемый документъ: „Uczmy się“ (будемъ учиться) заключаетъ въ себѣ весьма любопытныя и поучительныя для насъ воззрѣнія польскихъ патріотовъ на то, какъ слѣдуетъ истому Поляку пользоваться доставляемыми ему нашимъ правительствомъ средствами къ образованію; интересъ документа этого возрастаетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что проповѣдуемая въ немъ теорія была прилагаема къ практикѣ.... Онъ найденъ былъ между бумагами одного молодаго шляхтича Подольской губерніи, С...скаго, бывшаго нѣкоторое время передъ послѣднимъ возстаніемъ студентомъ университета св. Владиміра. Въ маѣ 1863 года, шляхтичъ этотъ задержанъ былъ, по подозрѣнію, въ Могилевѣ (Подольской губ.). По слѣдствію оказалось, что онъ занимался *обученіемъ дѣтей* у одного тамошняго пана, не смотря на то, что письменные отзывы и черновыя бумаги учителя доказываютъ крайнюю слабость его въ русской и польской грамотѣ. У него же найдено было переложеніе на мало-россійскій языкъ извѣстнаго революціоннаго гимна: „*Боже цось Польска.*“ По объясненію С....скаго, данному при слѣдствіи, онъ списалъ переложеніе „*по лингвистическимъ побужденіямъ,*“ а статью объ образованіи „*единственно изъ любопытства.*“

Печатаемъ послѣдній документъ въ переводѣ. Мы считаемъ лишнимъ дѣлать къ нему комментаріи. Безобразіе доводовъ, приводимыхъ въ немъ въ доказательство того, что Полякъ обязанъ пользоваться наукой, преподаваемой на русскія деньги, *какъ средствомъ наносить вредъ Россіи,* слишкомъ очевидно, чтобы останавливаться на ихъ опроверженіи.

Но какъ ни краснорѣчиво документъ этотъ говоритъ самъ за себя, какъ ни поучительны выводы изъ него, какъ ни очевидна опасность, которой подвергаемся мы вслѣдствіе холоднаго воззрѣнія нашего на русское дѣло и допущенія въ среду свою такой тлетворной язвы, какъ полыщизна, мы далеко не можемъ

покуда похвастаться, чтобы съ нашей стороны приняты были *всѣ* необходимыя мѣры для предохраненія себя отъ опасности въ будущемъ.

Здѣсь, въ громадной массѣ слѣдственныхъ дѣлъ, хранится не мало поучительныхъ фактовъ, подтверждающихъ, на сколько зловреденъ для русскаго дѣла инородческій и враждебный элементъ, когда онъ занимаетъ самыя, повидимому, низшія служебныя должности.

СТАНЕМЪ УЧИТЬСЯ.

,,Изъ просвѣщенія, управляемаго врагомъ и наклоняемаго къ исключительной его выгодѣ, можно извлечъ выгоду и для Польши. Если изъ школъ, стоящихъ подъ прусско-австрійско-московскимъ попечительствомъ, могутъ выходить польскіе писатели, то почему же изъ тѣхъ же самыхъ школъ не могутъ выходить и польскіе граждане? Мы не говоримъ о великихъ ученыхъ, о геніяхъ, о Коперникахъ; напрасно мы выглядывали бы ихъ; чтобы дождаться такихъ плодовъ, надобно, чтобы народная нива была прежде хорошо воздѣлана попольски [1]). Но мы совершенно въ правѣ отъ образующихся въ нѣмецко-московскихъ школахъ польскихъ юношей домогаться, чтобы они были гражданами, а имѣя это право, имѣемъ и обязанность, если не подать, то по крайней мѣрѣ припомнить имъ способъ, слѣдуя которому они не будутъ ни Нѣмцами ни Русскими.

,,Этотъ способъ есть желаніе, съ какимъ пріобрѣтается ученіе.

,,Пусть только желаніе будетъ хорошее и польское, то нѣтъ такой науки, которой нельзя было бы приложить непосредственно къ нуждамъ нашего отечества и, что вѣрнѣе,—нѣтъ такой науки, въ которой бы оно не нуждалось; да и самое ученіе пошло бы успѣшнѣе и вѣрнѣе, имѣя предъ собою цѣль не навязанную, но

1) Поляки гордятся своею цивилизаціею и своею интеллигенціею и вездѣ стараются прокричать, что ихъ борьба есть ,,борьба высокой цивилизаціи съ русскимъ азіятскимъ варварствомъ,"—смотри брошюру: ,,Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь."—Федора Еленева. С.-Петербургъ 1866 г.

свою собственную, родную, естественную. Примѣромъ можетъ служить познанская область въ эпоху между 1831 и 1846 годами. Эта небольшая провинція возвысилась вдругъ и просіяла ученостію и литературою на всю Польшу. Чѣмъ это сдѣлалось? Тѣмъ, что въ ея лоно влилось живительнымъ ручьемъ желаніе посвятить себя для Польши. Предъ нею явилась цѣль: Польша цѣлая, свободная и независимая. *Познань составляла заговоры и подземными заговорными работами утучняла нравственный грунтъ.* Тамъ не учились въ то время хлѣба ради только, или же науки ради, не трудились ради личной только выгоды и славы, но именно для возстановленія отечества изъ упадка. Когда же доброе желаніе, встревоженное (полагаемъ, временно) неудачами, вздремнуло, Познань изъ передоваго сразу низошла на очень, очень второстепенное мѣсто, какъ будто само Провидѣніе хотѣло этимъ показать намъ, что безнаказанно мы не вольны ни на минуту переставать трудиться для Польши.

,,Въ чемъ состоитъ нынѣ самая важная, главнѣйшая первенствующая предъ всѣми другими потреба нашего отечества? Разсматривая все поочередно и взвѣшивая все на вѣсахъ ума, чувства, или просто народнаго только разсудка, нельзя не прійти къ тому окончательному убѣжденію, что въ числѣ многихъ потребъ, первѣйшее мѣсто принадлежитъ народной независимости. Безъ независимости, самое изысканное, самое раціональное удовлетвореніе всѣхъ иныхъ нуждъ непремѣнно будетъ уродливо, неполно и, нерѣдко, вредно. Недостатка независимости ничѣмъ замѣнить нельзя. Можно вычеркнуть Польшу изъ карты Европы, но невозможно изъ сердецъ и умовъ Поляковъ, изъ ихъ желаній и стремленій исторгнуть и уничтожить народнаго ,,я." Оно всегда отзовется сильнѣе или слабѣе, явственнѣе или незамѣтнѣе, но *отзовется всегда.*

,,Народная независимость, доколѣ она не осуществится, составляетъ только желаніе, но она не осуществилась бы никогда, если бы оставалась всегда въ отвлеченной сферѣ желанія. Она принадлежитъ къ тому роду хотѣній, которыхъ не иначе какъ насильствомъ домогаться должно. А насильство это въ переводѣ на практическій языкъ означаетъ: вооруженное исторженіе ойчизны изъ объятій врага войною, посредствомъ народнаго возстанія.

„И такъ, если перенесемся мыслію къ той ступени которой нельзя миновать, если не хотимъ народную независимость предоставить милости непріятелей, то намъ сразу являются недостаточность средствъ и препятствія, изъ коихъ одни надобно пополнить, либо опрокинуть. И здѣсь тотчасъ становятся предъ нашими взорами науки, а изъ нихъ тѣ именно *спеціальности,* къ которымъ наклоняетъ врагъ для превращенія насъ въ послушныя ему и вредныя для отечества орудія. Когда мы учимся для врага, то какая бы ни ожидала насъ карьера, либо награда у послѣдняго предѣла ученія нашего, мы учимся нехотя, какъ за барщину, какъ наемные рабочіе. Когда же учимся для отечества, то къ побужденіямъ учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и понуждаетъ въ таинствахъ науки выискивать тѣ именно выводы, которыя можно прямо примѣнить либо наклонить къ осуществленію главнаго нашего хотѣнія. И вотъ мы закапываемся въ книгахъ и лабораторіяхъ, роемся, ищемъ, *отмѣчая особымъ знакомъ все то, что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ быть передѣлано въ оружіе.* Техникъ замѣтитъ себѣ въ особенности и тщательно разсмотритъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: какъ выдѣлывать порохъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ? какъ и какія ремесла можно передѣлать въ литейныя, въ заводы для приготовленія ружей, сабель и боевыхъ снарядовъ? какимъ образомъ дорогіе, либо рѣдкіе матеріалы, необходимые для сражающихся можно замѣнить сподручными? *Военный* задаетъ себѣ слѣдующую задачу: человѣка, неимѣющаго малѣйшаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятельское войско; онъ изслѣдуетъ при томъ *сильныя и слабыя стороны* военной организаціи непріятеля, его способы и тайны. И если-бы всякій выдѣлилъ такимъ образомъ изъ своей науки часть, примѣнимую къ возстанію, то возстаніе въ данное время увидѣло-бы въ своемъ обладаніи всесторонніе таланты и средства, которыя обезпечили-бы и ускорили его движеніе и развитіе и обнаружили-бы успѣхъ. Даже *лѣкарь,* даже *ксендзъ,* котораго правительство учитъ тому только, дабы онъ въ извѣстныхъ случаяхъ являлся въ эпитрахили и ризѣ и со ступеней алтаря наклонялъ къ покорству незаконной власти и язычеству, если-бы они проникнулись насквозь желаніемъ служить отечеству, то дошли-бы вскорѣ до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго духа нужны не аллопатія, не

офиціозныя облаченія, но одно лишь: ,,*возстань и гряди.*" Изъ училищъ выходили-бы не недоучки, не противные верхогляды, но граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ-бы за пазухой какое-нибудь приношеніе для Польши.

,,Однако на этомъ пути есть одинъ подводный камень, о которомъ мы должны предостеречъ учащихся въ непріятельскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Камень этотъ есть *карьера.* Не одинъ, съ самымъ честнымъ въ началѣ желаніемъ, какъ только увидитъ блестящіе на его плечахъ въ перспективѣ генеральскіе эполеты, не въ силахъ противиться ихъ прелести и стремится къ нимъ съ тою мыслію: что донесетъ честность своего желанія до самой минуты украшенія ими себя и что съ высшаго поста расширится и его дѣятельность. Въ теоріи это кажется справедливымъ, на практикѣ же это чистая ложь. При переходѣ въ непріательской службѣ со степени на степень, на каждой изъ нихъ теряется часть добраго желанія, а на послѣднюю приходитъ человѣкъ съ совѣстію, очищенною отъ патріотическихъ намѣреній. *Лучше по этому не заходить далеко на этомъ пути.* Безопаснѣе для тѣхъ, кому ужъ непремѣнно нужна карьера, выжидать таковой въ освобожденномъ отечествѣ и приспѣшать, торопить его освобожденіе. Нѣтъ такой высокой амбиціи, которой не могло бы удовлетворить столь великое дѣло, каково есть отвоеваніе Польши, и нѣтъ амбиціи благороднѣе той, которая опирается на посвященіе себя отечеству.

,,*Станемъ же учиться, но только для Польши,* будемъ трудиться, но только для отечества. Пусть оно всегда будетъ въ нашей мысли и сердцѣ; когда же доработаемся его, тогда процвѣтетъ въ немъ и наука... Въ настоящую минуту намъ должно всѣми силами, всѣми добродѣтелями, всѣми умами и талантами совокупиться для высвобожденія Польши. Потребность эта составляетъ нашу политическую специальность, по этому вовсе не будетъ некстати наламывать къ ней и научныя специальности. Строго судя, это не науки, а ремесла, которыми непріятель вспомогательно окружаетъ важнѣйшее для него ремесло военное, изучая и совершенствуя оное непрестанно. *Военное ремесло теперь и для насъ самое важное.* И для насъ нужны специальности, ближе или далѣе относящіяся къ войнѣ, или же вспомоществующія ей непосредственно. Само военное искусство, по общему мнѣнію, первое здѣсь занимаетъ мѣсто. Рядомъ съ нимъ становится важнымъ выдѣлка

оружія, пушекъ, снарядовъ, а также искусство революціоннаго управленія возстающимъ краемъ. Эти три отдѣла спеціальности вмѣщаютъ въ себѣ рядъ наукъ и примѣненій, съ которыми мы обязаны ознакомиться подробно и всесторонне, если хотимъ совѣстливо готовиться къ возстанію, если не хотимъ отдать народныя усилія въ жертву технической недоучки, либо злоумышленію правителей.“

III.

Наставленія Князя Адама Чарторыйскаго къ конспиративной дѣятельности туземцевъ.

(Изъ рѣчи, произнесенной въ годовщину возстанія 1830 года, 17 (29) Ноября 1844 года, въ засѣданіи польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ).

. . . .

„Четырнадцатилѣтнее скорбное изгнаніе не могло изъ нашихъ сердецъ изгладить воспоминаній; но не объ этомъ я намѣреваюсь говорить. Истинныя, и если можно такъ выразиться, практическія надежды, каковыя таятся въ груди каждаго изъ насъ, питаютъ огонь высшей жизни. Открыто ихъ высказать было-бы и неумѣстно и опасно; но въ моихъ мечтахъ я ничѣмъ не связанъ.....

„Въ мірѣ фантазіи, въ который я на время васъ переношу, дозволены разныя предположенія. Мнѣ чудится, что въ Польшѣ въ разныхъ мѣстностяхъ находятся мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, непотрясаемой твердости и неутомимой настойчивости и что эти люди издавна чувствуютъ свое призваніе руководить своими собратьями въ своей средѣ и пользуются между ними значеніемъ, въ

своемъ повѣтѣ, „воеводствѣ,“ или цѣлой „области,“ для святаго дѣла освобожденія всецѣлой общей ойчизны. Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій.

„Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ; но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человѣкъ двадцать совершенно достаточнымъ; они, равномѣрно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы для фундамента*, на которомъ должно подняться все зданіе освобожденной ойчизны.

„Великая мысль, громадное предпріятіе, начатое во имя Бога и ойчизны, чистосердечная любовь и непотрясаемая твердость воли, обильно и плодоносно могутъ содѣйствовать дѣлу.

„Они нападаютъ на способы и средства, которые предъ другими проходятъ незамѣченными, попадаютъ на пути, доселѣ еше не проходимые, встрѣчаютъ нежданныхъ союзниковъ, которые безсознательно [1]) *въ общей работѣ являются усердными сотрудниками и помогаютъ совершенію дѣла.*

„Я мечтаю далѣе, что при сообразныхъ трудахъ руководителей, во всѣ стороны они даютъ цѣлебные толчки, которыми облагороживаются нравы, упрочивается вѣра, вызываются полезныя занятія и благодѣтельныя учрежденія; они воздерживаютъ юношество отъ порчи нравовъ и праздности и прививаютъ любовь къ труду; отъ нихъ исчезаютъ злоупотребленія, ребяческіе расходы; сбереженіе даетъ средства въ руку для веденія общаго дѣла и къ накопленію наличнаго запаса въ случаѣ нежданныхъ и, въ рѣшительныя минуты, неустраняемыхъ потребностей. Общественное мнѣніе, съ разныхъ сторонъ похвальнымъ образомъ направляемое, усиливаетъ свое могущество, развивается и споспѣше-

---

1) Т. е. союзники изъ „*панургова стада.*“

ствуетъ своею самосостоятельностію желаннымъ перемѣнамъ.

„Каждый руководитель въ своемъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ исподоволь довѣренность округа и личностей; онъ избираетъ способнѣйшихъ; обсуживаетъ, какими способами и средствами онъ можетъ употребить каждаго, кому въ извѣстное ему время поручить какое либо дѣло, на кого возложить извѣстную роль. Руководитель создаетъ различные планы, всматривается въ событія, предусматриваетъ затрудненія, дабы по возможности избѣжать колебаній; онъ *заблаговременно обдумываетъ какъ ему поступать, при всякомъ могущемъ быть случаѣ*, и какъ въ кругѣ своей дѣятельности сохранять доброчинность и порядокъ. При встрѣчѣ съ способнѣйшимъ, онъ самъ ему добровольно подчиняется и содѣйствуетъ ему собственнымъ послушаніемъ; тѣмъ онъ подаетъ прекраснѣйшій примѣръ благоразумія и любви къ ойчизнѣ. Никто не знаетъ его помысловъ; но не менѣе того всѣ вообще болѣе или менѣе слѣдуютъ по направленію, данному руководителемъ.

„Иной разъ руководитель, когда нужда заставляетъ, на нѣкоторое время, удерживаетъ и обуздываетъ слѣпое нетерпѣніе неблагоразумныхъ, которыхъ *выходки преждевременныя, не подчиненныя разсчету вѣроятности полезнаго усилія, только разрушительно вторгаются на путь, уничтожая вѣрнѣйшія польскія надежды*.

„Въ другой же разъ руководитель, сообразнымъ воодушевленіемъ, отрываетъ иныхъ отъ овладѣвшихъ ими опасеній равнодушія и лѣни. Руководители должны проникать во всѣ слои, во всѣ сословія; между всѣми личностями и націями должны снискивать симпатіи; преслѣдуя свою мысль питать и оживлять ихъ постоянными и повторяемыми сношеніями. Евреи даже, которые враждебно и вѣроломно противодѣйствовали Полякамъ, перейдя на сторону гдѣ сила и золото, и тѣ начинаютъ сознавать свое заблужденіе и свою вину. Преслѣдуемые тѣми, кому они передались, они въ своихъ воспоминаніяхъ (? !) возвращаются къ Польшѣ,

воспоминаютъ то, что Польша имъ нѣкогда доставляла [1]). Ихъ тоже унесетъ потокъ духа времени; они охотно для польской справы примкнутъ къ другимъ жителямъ страны при убѣжденіи, что Польша имъ доставитъ болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для ихъ благосостоянія.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается по всѣмъ направленіямъ, распространяется, утверждается и всюду становится преобладающею; постоянно умалчиваемая, она не менѣе того охватываетъ всѣхъ, паритъ надъ всѣми и не даетъ никому *ни покоя, ни отдыха*; по видимому самыя обыкновенныя явленія—на дѣлѣ послѣдствія своеобразнаго, чарующаго обаянія, животрепещущаго участія.

„Я не останавливаюсь на этомъ; я предполагаю чудеса, предполагаю дѣйствительно чудеса, и именно такіе, что всѣ руководители, а потому всѣ дѣятельность сосредоточивающіе пункты, по всей странѣ, устремляются къ одной цѣли, согласно признаютъ одно и тоже средство сообразнѣйшимъ, на немъ основываются и повинуются *одной власти*, слѣдуя одинаковому на-

---

1) Покойный Фридрихъ Смитъ, въ своей статьѣ „*Ключъ къ разрѣшенію польскаго вопроса,*“ на страницѣ 81 говоритъ: Всякій панъ былъ неограниченнымъ владыкою надъ своими крестьянами. Онъ могъ бичевать ихъ, увѣчить, предавать смерти, безъ малѣйшей за то отвѣтственности. Ежедневно злополучному крестьянину приходилось выслушать отъ своего суроваго властелина: „Прикажу засѣчь тебя до смерти и—заплачу.“—Но, быть можетъ, что пеня была значительна и обуздывала своими размѣрами жестокость,—быть можетъ, желаніе сохранить свои деньги сдерживало неистовство?—На сколько цѣною 100 польскихъ грошей (около 2-хъ франковъ) искупалясь жизнь крестьянина, а двойною цѣною (около талера) жизнь еврея! И эти-то паны, ограниченные въ своемъ дерзкомъ самовластіи твердостью правительства, съ важностью толкуютъ теперь о свободѣ, о вѣковѣчныхъ правахъ человѣчества и народовъ,—они, попиравшіе ногами всѣ человѣческіе и Божескіе законы!.......“ ужъ не это ли,—вспоминаютъ евреи?.

правленію; въ этомъ случаѣ одно стремленіе не перечитъ другому; одно пламя не препятствуетъ сосѣднему; всѣ въ затаенныхъ очагахъ направлены въ одну сторону, чтобы произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Этимъ путемъ нація достигаетъ самоувѣренности и убѣжденія въ своемъ высокомъ предназначеніи и что она до него созрѣла; тогда она не исказитъ наипригоднѣйшій моментъ гибельными, преждевременными вспышками; но внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ не пропуститъ благопріятное столкновеніе обстоятельствъ и вполнѣ и достойно имъ воспользуется.

„Въ одинъ моментъ возстаетъ вся Польша, нѣтъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мызы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать изъ каждаго куста, выходитъ вооруженный воинъ.

„Господь благословляетъ первыя усилія, мгновенно пресѣчены сообщенія врага, его мѣстныя власти низвергнуты, отдѣльныя части войска обезоружены, запасы захвачены.

„Со всѣхъ сторонъ аттакованный пришлецъ будетъ поставленъ въ недоумѣнье, куда направить свои дѣйствія, если единовременно будетъ поднято оружіе по общему плану идеи *одной правительственной власти*, заблаговременно подготовившей движеніе и давшее ему направленіе; тогда успѣхъ несомнѣненъ, но это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.

„Частныя даже неудачи воодушевляютъ еще къ большимъ усиліямъ. Пламя борьбы за независимость распространяется въ смѣшеніи успѣховъ съ неудачами; но мужество и настойчивость націи сохраняютъ перевѣсъ. Европа, доведенная до убѣжденія, что въ насъ есть такая сила къ собственной жизни и къ самоуправленію, которую нельзя уже разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ (какъ въ 1831 году), выступитъ съ своимъ посредничествомъ и придетъ къ намъ на помощь, чтобы остановить напрасное кровопролитіе; Европа признаетъ и громко провозгласитъ то, что будетъ само

собою вполнѣ выяснено, что Польша—нація самостоятельная и что съ той поры никому уже не принадлежитъ право у нея оспаривать ею достигнутую самостоятельность, какъ у всякаго другаго независимаго народа......“

IV.

Чтобы дать вѣрное понятіе объ общей махинаціи польскаго заговора, я прилагаю извлеченіе изъ книги: „*Польская Эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—1863.*“ Вильна 1866 года.

Выписка изъ **Устава централизаціи польскаго демократическаго товарищества:**

Основной законъ: Цѣль польскаго демократическаго товарищества — независимость Польши.

ГЛАВА I.

§§ 1 и 2: Польское демократическое товарищество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, природныхъ Поляковъ, безъ ограниченія ихъ числа, и изъ членовъ корреспондентовъ, Поляковъ или иноземцевъ.

§ 5. Общество дѣлится на секціи.

§ 8. Товарищество ввѣряетъ общее направленіе дѣятельности главному своему учрежденію—централизаціи.

ГЛАВА III.

§ 15. Проживающіе въ одномъ городѣ или селеніи составляютъ секцію, если ихъ не менѣе пяти; въ противномъ случаѣ они принадлежатъ къ ближайшей. Въ каждомъ мѣстѣ должна быть одна секція, развѣ только мѣстныя препятствія не допустятъ многочисленныхъ (легальныхъ) собраній.

§ 32. Обязанность каждаго члена трудиться по мѣрѣ своихъ способностей и положенія въ духѣ основаній, принятыхъ товариществомъ.—Совѣтами, состояніемъ и вліяніемъ содѣйствовать теченію дѣлъ, въ виду настоящаго и будущаго; покоряться уставу, акуратно вносить подать, согласно его постановленій.

§ 43. Членъ не имѣетъ права принадлежать ни къ какимъ другимъ политическимъ союзамъ.—(Понятно, что состоя на русской службѣ, не имѣетъ права дѣйствовать въ духѣ русской національности).

ГЛАВА V.

§ 48 Централизація состоитъ изъ пяти членовъ и секретаря; необходимое число членовъ въ комитетѣ, для занятій,—три. Члены предсѣдательствуютъ поочередно, кромѣ секретаря.

§ 50. Централизація можетъ, въ случаѣ надобности, дополнить необходимое число членовъ изъ товарищества, но ихъ голосъ только совѣщательный.

ГЛАВА IV.

§ 116 Каждый членъ товарищества обязанъ вносить семь съ половиною процентовъ со своего дохода.

Въ напечатанной же въ Краковѣ подъ псевдонимомъ *Старовѣйскаго* „Obraz Towarzystwa demokratycznego Polskiego i jego centralizacyi,“ мы находимъ:

Централизація оставляетъ за собою право высшаго обсужденія и мысли, предоставляя членамъ организаціи честь и величіе послушанія.

Воспитанники учебныхъ заведеній образовывали особыя патріотическія товарищества, по правиламъ даннымъ воспитателями. Цѣль всего этого была та, чтобы юношество неминуемо попадало *въ польскіе патріоты*, и такимъ образомъ въ данный моментъ было-бы готово пуститься на всякія опасныя предпріятія. Для этого въ учебныхъ заведеніяхъ была введена слѣдующая заговорно-подготовительная организація:

„Студенты составляютъ особое польское общество, которое для учебныхъ пособій и вспомоществованія неимущихъ товарищей имѣетъ свою кассу и своихъ кассировъ; эта благонамѣренная цѣль была извѣстна и начальству заведеній.

Ближайшее устройство польскаго студенческаго общества существовало на слѣдующихъ основаніяхъ:

Мятежническая іерархія раздѣлялась на четыре степени; переходъ изъ одной въ другую сопровождался особою клятвою; нис-

шія степени могли только догадываться о существованіи и предметѣ занятій высшихъ. Польское студенческое общество раздѣлялось по мѣсту рожденія на гмины, по давнимъ областямъ Рѣчи-посполитой.

Вновь прибывшій, при поступленіи въ гмину давалъ обѣщаніе вносить 5% изъ своего ежемѣсячнаго прихода и хранить молчаніе о всякихъ могущихъ быть въ его присутствіи польско-патріотическихъ заявленіяхъ; въ противномъ случаѣ виновный могъ-бы подпасть подъ отвѣтственность. Вступающій въ гмину имѣлъ право пользоваться нужными для занятій книгами изъ особой студенческой библіотеки; гмина заботилась неимущимъ доставлять уроки или другія занятія и, въ случаѣ крайности, членъ гмины имѣлъ право на вспомоществованіе изъ общей кассы. Новоприбывшіе снабжались отъ товарищей произведеніями революціонной польской литературы; польско-патріотическое настроеніе давало студенту право на переходъ во 2-й разрядъ, т. е. быть *членомъ съ голосомъ.* Члены съ голосомъ имѣли ежемѣсячныя собранія погминно; на этихъ собраніяхъ избирались *радный* (совѣтникъ), *кассиръ* и *библіотекарь*; прежнія должностныя лица могли быть избираемы вновь; *радный* былъ главный руководитель и распорядитель по дѣламъ гмины, *кассиръ* завѣдывалъ собираемыми деньгами, а *библіотекарь*—тою частью общей библіотеки, которая ему поручалась на храненіе въ его квартирѣ. Библіотека имѣла два каталога, одинъ книгъ ценсурованныхъ, а другой запрещенныхъ. (Въ московскомъ университетѣ первые были подъ буквою T, а вторые подъ буквою Z).

Радные, кассиры и библіотекари всѣхъ гминъ составляли *третью степень,* такъ называемую *администрацію,* которая изъ среды себя избирала четвертый, высшій разрядъ — *административный совѣтъ,* состоящій изъ трехъ членовъ: *главнаго раднаго, главнаго кассира* и *главнаго библіотекаря.*

Административный совѣтъ, по конспиративной дѣятельности входитъ уже въ сношенія внѣ круга дѣятельности самого заведенія.“

Подобной подготовкой Поляки, какъ *бѣлой*, такъ и *красной* партій, намѣревались достигнуть возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года. Для веденія интриги и пропагандированія идѣи о возстановленіи Польши, была принята слѣдующая программа:

Возстановленіе Польши можетъ послѣдовать при политическихъ потрясеніяхъ въ Европѣ или Россіи.

Патріоты, въ ожиданіи этого благопріятнаго времени, должны поддерживать польскій языкъ и развивать польскую національность (польскій духъ) въ *забраномъ краѣ.*

Для согласнаго же дѣйствія общественное мнѣніе должно поддерживать направленіе, даваемое *столбами въ народѣ.*

Всявозможными способами содѣйствовать возвышенію значенія римско-католическаго духовнаго сословія.

Значеніе правительственныхъ лицъ изъ Русскихъ должно постепенно ослаблять — расширеніемъ значенія лицъ, офиціально избираемыхъ на дворянскихъ выборахъ; и такимъ образомъ, *легальными путями,* польская администрація должна вытѣснить администрацію правительственную 1).

Дворянство должно заботиться о возстановленіи польскихъ университетовъ.

Молодежь должна заниматься науками для того, чтобы стать воспитателями русской молодежи.

Руководя молодыми умами русскаго юношества, подготовлять будущее поколѣніе (молодую Россію), чтобы оно не смотрѣло враждебно на Поляковъ.

Преимущественно стараться вносить польское просвѣщеніе въ Литву, Бѣлоруссію, Финляндію, при-Балтійскій край, Малороссію и Кавказъ; съ развитіемъ цивилизаціи проводить и идею *о сепаратизмѣ,* усвоивъ которую всѣ они будутъ дѣйствовать за одно съ Поляками.

Стараться деморализировать войска.

Силѣ правительственныхъ лицъ, противудѣйствующихъ *польскому духу,* противопоставить общественное мнѣніе, какъ въ Европѣ, такъ и внутри Россіи, при помощи ложныхъ жалобъ, протестовъ и разныхъ сообщеній. (Въ этихъ, какъ и другихъ случаяхъ, всякое средство допускается) 2).

Высоко-поставленные въ обществѣ, какъ по службѣ, такъ и по состоянію, или связямъ, должны *для ойчизны* не отказывать въ покровительствѣ, ходатайствовать о содѣйствіи для систематическаго размѣщенія Поляковъ въ государственной администраціи.

Взаимною поддержкою и взаимнымъ прославленіемъ, никакимъ

---

1) Это правило достойно вниманія при развитіи впослѣдствіи земскихъ учрежденій въ Западной Россіи.

2) Это правило сильно пущено въ ходъ въ настоящее время.

мелкимъ способностямъ не давать заглохнуть, а стараться выставлять ихъ на видъ, какъ примѣръ *преимущества польской интеллигенціи надъ русскою.*

Правительственныя распоряженія, которыя могутъ, хотя современемъ оказаться годными для польскаго дѣла, должно встрѣчать хвалебными гимнами, дабы дальнѣйшее развитіе этихъ распоряженій обратить окончательно въ свою пользу.

Для большихъ успѣховъ, верховные заговорщики должны имѣть вездѣ своихъ мѣстныхъ агентовъ, которые въ разныхъ кружкахъ совѣтами и ученіями осторожно должны побуждать ослѣпленныхъ къ пригодной инициативѣ, могущей вызвать мѣры строгости, а слѣдовательно и появленіе недовольныхъ.—Агенты для этого должны вездѣ давать толчекъ къ волненію умовъ и безпорядкамъ, и притаясь руководить ими далѣе [1]).

Пользуясь неопредѣленностію понятій о гуманности и прогрессѣ заставить Русскихъ же поносить русскую администрацію и при помощи личныхъ недоразумѣній направлять общественное мнѣніе такъ, чтобы доводить правительственныхъ лицъ къ пригоднымъ для польскаго дѣла распоряженіямъ и къ отмѣнѣ прежнихъ вредныхъ распоряженій.

Чтобы добиться отмѣны объявленнаго уже вреднаго распоряженія, стараться вначалѣ выхлопотать исключеніе или изъятіе изъ общаго правила, хотя для нѣкоторыхъ Поляковъ. И такимъ образомъ добиться солидарности распоряженій правительственныхъ лицъ съ польскимъ дѣломъ.

Въ случаѣ неудачи польскаго дѣла, стараться свалить вину на *красную партію* (какъ ничего нетеряющую) и всячески стараться выгородить землевладѣльцевъ, капиталистовъ и высоко стоящихъ въ администраціи лицъ, такъ какъ ихъ состояніе и ихъ вліяніе и связи могутъ пригодиться для возобновленія польскаго дѣла *въ болѣе удобное время.*

Высоко стоящіе должны дѣйствовать преимущественно *легально* и *осторожно*, чтобы въ случаѣ неудачи можно бы было *стушеваться,* выставляя на видъ: *свой консерватизмъ, сложившіяся обстоятельства, терроръ красной партіи* и *нерѣшительность дѣй-*

---

1) Это правило намъ надо имѣть постоянно въ виду при нашей неопытности въ гласномъ судопроизводствѣ, при дворянскихъ выборахъ и земскихъ собраніяхъ.

ствій правительствeнныхъ лицъ при началѣ мятежа, возникшаго якобы безъ ихъ участія и содѣйствія.

Для всего этого главнымъ образомъ должны служить, какъ орудія — польскія женщины, особенно-же находящіяся въ замужествѣ за Русскими. Вліяя на своихъ мужей, Польки должны направлять, какъ русское общественное мнѣніе, такъ и взгляды правительственныхъ лицъ, *къ сочувствію, сожалѣнію и оправданію бѣдныхъ, угнетенныхъ и несчастныхъ польскихъ помѣщиковъ, которыхъ коммунисты, неправильно обвиняютъ въ участіи въ мятежѣ.*

V.

Вотъ текстъ золотой грамоты, разбросанной Поляками по деревнямъ на берегахъ Волги [1]).

„Въ постоянной заботливости Нашей о благѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, Мы, указомъ въ 19 день февраля 1861 года признали за благо отмѣнить крѣпостное право надъ сельскимъ сословіемъ Богомъ ввѣренной Намъ Россіи.

„Уступая просьбамъ помѣщиковъ, Мы, какъ ни тяжело было Нашему Монаршему сердцу, повелѣли однако всѣмъ временнообязаннымъ крестьянамъ оставаться въ теченіи двухъ-лѣтняго срока, т. е. по 19-е февраля настоящаго 1863 года, въ полной подчиненности у ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

„Нынѣ, призвавъ Всемогущаго на помощь, настоящимъ Манифестомъ объявляемъ полную свободу всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали. Отнынѣ свобода вѣ-

---

[1]) Этимъ фальшивымъ манифестомъ Поляки надѣялись посѣять мятежъ въ Россіи; — но русскій народъ не поддался обману и остался вѣренъ своей исторіи, перевязавъ возмутителей.

ры и выполненіе обрядовъ ея церкви составятъ достояніе каждаго.

„Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крѣпостнымъ, такъ и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю безъ всякой за оную уплаты, какъ помѣщикамъ, такъ и государству, въ полное неотъемлемое потомственное ихъ владѣніе. Полагаясь на вѣрность народа Нашего, и признавъ за благо для облегченія края упразднить армію Нашу, Мы отнынѣ впредь и навсегда освобождаемъ Нашихъ любезныхъ вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ; за тѣмъ солдатамъ арміи Нашей повелѣваемъ возвратиться на мѣста ихъ родины.

„Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніемъ содержаніе столь многочисленной арміи, со дня изданія сего Манифеста отмѣняется. Всѣмъ солдатамъ, возвращающимся изъ службы, также всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и мѣщанамъ повелѣваемъ дать безъ всякаго возмездія надѣлъ земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи Нашей.

„Въ каждой волости, равно въ городѣ, народъ избираетъ четырехъ пользующихся его довѣріемъ человѣкъ, которые собравшись въ уѣздномъ городѣ изберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти, четыре депутата отъ каждаго уѣзда; собравшись въ губернскій городъ, изберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи, призванные въ Москву, составятъ Государственный Совѣтъ, который съ Нашею помощью будетъ управлять всею Русскою землею. Такова Монаршая Воля Наша.

„Всякій объявляющій противное и неисполняющій сей Монаршей Воли Нашей есть врагъ Нашъ. Уповаемъ, что преданность народа оградитъ престолъ Нашъ отъ покушеній злонамѣренныхъ людей, неоправдавшихъ Наше Монаршее довѣріе. Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ вѣрить одному нашему Монаршему слову. Если войска, обманываемые ихъ начальниками, если генералы, губернаторы, посредники, осмѣ-

лятся силою воспротивляться сему Манифесту — да возстанетъ всякій для защиты даруемой Мною свободы и не щадя живота выступитъ на брань со всѣми дерзающими противиться сей Волѣ Нашей.

„Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ начинанія Наши!

„Съ Нами Богъ разумѣйте языцы и покоряйтесь яко съ Нами Богъ!

„Данъ въ Москвѣ, въ тридцать первый день Марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ шестьдесятъ третье, царствованія-же Нашего въ девятое.

„Въ подлинномъ и т. д.

(М. П.)

„Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ.“

Въ № 166 „Колокола,“ къ этому фальшивому манифесту сдѣлана слѣдующая замѣтка:

„Если этотъ манифестъ изданъ особымъ кружкомъ, то нельзя не посовѣтовать ему и всѣмъ другимъ присоединиться къ главному польскому обществу и дѣйствовать тогда съ единствомъ плана.“

VI.

Мнѣніе исторіографа Н. М. Карамзина, изложенное **Государю Императору Александру I-му** о возстановленіи Польши въ письмѣ 17 октября 1819 года.

„Государь! въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу послѣ нашего разговора излить

на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ; какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

„Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ: вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее неизглаголенное небесное чувство; оно выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ, но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по какимъ текло до явленія Христа Спасителя; такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось какъ было на землѣ и какъ иначе быть не можетъ; только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣрнымъ истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матерій, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ Небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ какъ и прежде дѣйствовали. „Царство мое нѣсть отъ міра сего" сказалъ Христосъ; *а гражданъ и государства* въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ, но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ войскамъ оборонять государства. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады,—Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ—законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ,—но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человѣкъ по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но какъ Царь, Вы тоже что онъ; Евангеліе *молчитъ* о политикѣ, не даетъ новой: если мы захотимъ быть христіанами

политиками, то впадемъ въ противорѣчія, въ несообразности. Меня ударятъ въ ланиту, я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую; непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ-ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ. Какъ могъ язычникъ Маркъ-Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные—дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра, но Александръ взялъ ихъ русскою силою,—а Россіянъ далъ ему Богъ и съ ними снискалъ онъ благодѣтельную славу освободителя Европы. Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовью къ Россіи и съ самой справедливостью? Во первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете-ли Вы— творецъ священнаго союза—объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? Ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во вторыхъ, можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденныя въ собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если-бы вздумали загладить мнимую ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи? Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составле-

ны изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для васъ уже свято: для васъ Польша есть законное россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ, иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское и Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское, и т. д.,—къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ; или все или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правомъ было: ни пяди ни врагу ни другу! Наполеонъ могъ завоевать Россію, но вы хотя и самодержецъ не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный! Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите-ли Россію бездушной безсловесной собственности? будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудится? Россія, Государь, безмолвна передъ вами, но если-бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристраснаго, то онъ, Государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы, мы, Русскіе, не извинили, если-бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь! нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душою и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы

предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ-бы, конечно, дворецъ.—Вы бъ и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ: *но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ* выгодамъ, какъ наемники, рабы.... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу,—однимъ словомъ... и Господь сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину.... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возмутъ штурмомъ Прагу. Нѣтъ, Государь, *никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками.* Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если небезсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны и независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго; но мы желаемъ единой Имперіи Россійской; чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Они, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ, тогда накажемъ измѣну силою и правомъ,—право всегда имѣетъ особую силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа будутъ для насъ опаснѣе Поляковъ Россіянъ. Государь! Богъ Вамъ далъ такую славу и такую державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить міръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ, второе хорошими законами и еще

лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя Великаго, пріобрѣтите имя Отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Царство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ нераздѣльная Россія, какъ она есть и какъ оставлена Вамъ Екатериною! Екатерина любила Васъ, нѣжно любила и наше отечество. Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ..... умолкаю . . . .

„Карамзинъ.“

VII.

По выходѣ перваго изданія этой брошюры, между прочими письмами, я получилъ слѣдующее рисующее личность Огрызки еще съ одной стороны, которое я и привожу въ подлинникѣ:

„Милостивый Государь.

„Полученное мною письмо ваше и книга обязываетъ меня отвѣчать вамъ. Я печаталъ журналъ и книгу въ типографіи Огрызки по совѣту моего главнаго сотрудника, который жилъ вблизи квартиры сего шановнаго пана, съ которымъ я не былъ близокъ. Огрызко чуждался незнатныхъ Русскихъ. У него въ квартирѣ рисовались на стѣнахъ портреты Авроры Карамзиной и другихъ чиновныхъ особъ и друзей; съ мелкими же людьми онъ не заводилъ знакомства. Но достаточно было разъ побывать въ его квартирѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ *есть польскій начальникъ русской столицы*. Комнаты, заваленныя грудами „Volumina legum,“ брошюрами для повстанцевъ, подобострастно - почтительное обращеніе съ

нимъ приходившихъ Поляковъ, самый характеръ Огрызки—твердый, умный, изворотливый и по своему честный, его литературная дѣятельность и служебная, гдѣ онъ изъ мелкаго чиновника сдѣлался прямо вице-директоромъ, да еще такимъ, отъ котораго зависѣло опредѣленіе на всѣ значительныя должности по питейному управленію, — все это, съ перваго взгляда, показывало—съ кѣмъ имѣешь дѣло. И все это совершалось гласно и явно. Мои случайныя и недружескія отношенія съ Огрызкою кончились враждебно. Огрызко заставилъ (?) меня подписать явно увеличенный имъ счетъ; при чемъ объяснился со мною, къ удивленію моему, довольно нахально (?). За тѣмъ предъявилъ счетъ ко взысканію; это было въ то время, когда нужны были деньги для возстанія. При содѣйствіи Поляковъ, занимающихъ и теперь въ столицѣ множество мѣстъ на службѣ, дѣло шло быстро; неожиданно появилась публикація о продажѣ моего имущества. Прилагаю здѣсь въ подлинникѣ выписку изъ просьбы моей въ сенатъ — тѣ мѣста, которыя убѣдятъ васъ, что кромѣ частныхъ лицъ и правительственныя мѣста были предваряемы объ Іосафатѣ Кунцевичѣ Огрызкѣ, но все это прикрывалось и сходило съ рукъ. Явныя и офиціяльныя заявленія не имѣли значенія. Въ тоже время, огромная вывѣска о продажѣ польскихъ изданій Огрызки рисовалась на лучшемъ мѣстѣ Невскаго проспекта въ русской книжной лавкѣ Серно-Соловьевича. Изъ сего сообщенія моего вы можете взять для печати что угодно [1], но безъ указанія моей фамиліи, такъ какъ, повторяю вамъ, *въ Петербургѣ Поляки многочисленны, хорошо защищены и пріустроены на службѣ и, прикрываясь легальностію, продолжаютъ свое дѣло въ ущербъ Русскихъ. При сокращеніи штатовъ чиновниковъ, большею частію вездѣ уволены Русскіе, а Поляки остались на мѣстахъ.* Вотъ

---

1) Пользуясь этимъ позволеніемъ я помѣщаю его цѣликомъ.

вамъ и справедливость; только одинъ графъ Михаилъ Николаевичъ, у котораго 17 апрѣля я былъ въ канцеляріи III отдѣленія, въ числѣ депутатовъ отъ Костромичей, между прочимъ, сказалъ намъ, что у него ,,всѣ помощники русскіе люди.‘‘ Когда Огрызку арестовали, Поляки распространили слухъ, что это личности съ Муравьевымъ (?!!), родственника котораго Огрызко будто-бы уличилъ (!?) въ присвоеніи чужихъ денегъ, кажется 10.000 р. *Дѣйствовали такъ, что даже Русскіе благонамѣренные повѣрили Полякамъ, начали бранить своихъ и защищать польскую шляхту.*

,,Многіе сожалѣютъ, что вашей книги нѣтъ въ продажѣ въ Петербургѣ. Мнѣ казалось бы не лишнимъ напечатать въ брошюрѣ объ Огрызкѣ, въ видѣ примѣчанія, польскій катехизисъ и свѣдѣнія о патронѣ І. О. Кунцевичѣ [1]), возведенномъ папою въ святые, за котораго сотни Русскихъ поплатились жизнію. Между этими двумя Іосафатами большое и любопытное сходство.

Выписка изъ просьбы, подаваемой въ сенатъ:

,,Одинъ изъ *главныхъ представителей польскаго элемента въ С.-Петербургѣ*, издатель польскаго журнала, *признаннаго вреднымъ*, а потому правительствомъ запрещеннаго, Іосафатъ Петровъ сынъ Огрызко завелъ здѣсь *польскую типографію*...... не своевременною выдачею мнѣ книгъ повредилъ мнѣ такъ, что я долженъ былъ прекратить свои изданія и понести значительный убытокъ...... обратился съ искомъ на меня къ приставу Литейной части, который изъ уваженія къ торговой *политико-экономической предпріимчивости г. Огрызки, какъ вице-директора департамента питейно - акцизныхъ сборовъ*, распорядился описать мое имущество безъ соблюденія правилъ, *опредѣленныхъ для сего закономъ* и не обращая

---

1) Свѣдѣнія эти уже напечатаны отдѣльною брошюрою, смотри: ,,*Іосафатъ Кунцевичъ, уніятскій полоцкій архіепископъ,*‘‘ К. Говорскаго. Г. Вильна, 1865 г.

вниманія на мой протестъ. 1-й же Д-тъ управы благочинія [1]), признавши незаконное распоряженіе полиціи *правильнымъ*, указомъ предписалъ аукціонной камерѣ продать мое имущество съ публичнаго торга...... Прежде той публикаціи..... тотъ же 1-й департаментъ управы благочинія обезпечилъ искъ съ меня Огрызки..... капиталомъ, слѣдующимъ мнѣ по залогу дома моего въ С.-Петербургѣ..... Прошеніе это подано въ 4-й департаментъ правительствующаго сената и о послѣдствіяхъ его ничего неизвѣстно.....“

VIII.

Мнѣніе Щигровскаго земства о чиновникахъ-Полякахъ [2]).

Въ Щигровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласный Л. А. Марковъ 21 сентября, приведя буквально слова Высочайшаго рескрипта 13-го мая 1866 года на имя князя П. П. Гагарина, сказалъ: «Русскому человѣку невозможно не сочувствовать вполнѣ русскому убѣжденію нашего Великаго Государя; въ этомъ Высочайшемъ убѣжденіи мы, вѣрноподданные, видимъ ручательство за успѣхъ дѣла обновленія и истиннаго просвѣщенія нашей народности, которое, какъ извѣстно, встрѣчаетъ затрудненія. Враждебныя нашему русскому дѣлу начала указаны въ приведенномъ рескриптѣ отъ 13-го мая; они извѣстны теперь какъ власти, такъ и намъ — обществу. Мы обязаны, господа, въ интересѣ дѣла нашей народности, неуклонно и энергически слѣдовать мудрымъ предначертаніямъ нашего Государя и, какъ гласные отъ мѣстнаго населенія, мы должны выражать на нашихъ земскихъ собраніяхъ желанія населенія. Въ этомъ убѣжденіи я считаю своимъ долгомъ

1) Все поляки. (выноска въ подлинникѣ).

2) См. „Современная Лѣтопись“ 1866 года № 41.

объяснить почтенному земскому собранію, что на государственной службѣ *по Курской губерніи состоитъ значительное число чиновниковъ польскаго происхожденія, занимающихъ мѣста по всѣмъ министерствамъ.* Этимъ я нисколько не желаю сказать, чтобы господа чиновники польскаго происхожденія, служащіе по Курской губерніи, были всѣ неблагонадежны. Нѣкоторые изъ нихъ служатъ у насъ по губерніи давно и съ честью; мы знаемъ ихъ, какъ хорошихъ людей и честныхъ общественныхъ дѣятелей. Но можемъ ли мы это сказать о всѣхъ чиновникахъ Полякахъ, служащихъ по Курской губерніи? Нѣтъ.—Убѣжденные печальными событіями послѣднихъ лѣтъ во враждебныхъ отношеніяхъ Поляковъ вообще ко всему русскому, мы не можемъ имѣть довѣрія къ общественнымъ дѣятелямъ польскаго происхожденія какъ высшихъ, такъ и нисшихъ инстанцій. Польскій элементъ, такъ несправедливо враждебно выразившійся въ возстаніи въ Польшѣ и недавно въ возстаніи въ Сибири, ничего не имѣетъ общаго съ элементами великорусскихъ губерній, *къ которымъ принадлежитъ и Курская.* Поляки-чиновники, нехотѣвшіе понять великодушныя и мудрыя начинанія нашего Великаго Государя въ Польшѣ, не поймутъ ихъ какъ слѣдуетъ въ интересѣ русскаго дѣла и въ Россіи; мѣсто дѣйствія не можетъ, по моему убѣжденію, измѣнять нравственный смыслъ дѣятеля. Иной дѣятель можетъ, пожалуй, примѣниться къ извѣстной обстановкѣ и при извѣстномъ личномъ интересѣ къ условіямъ, которыя отъ него требуются формально обязанностями службы, но это примѣненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть чѣмъ нибудь кромѣ формальнаго. За формальнымъ отправленіемъ своей обязанности, единственно только изъ опасенія потерять мѣсто, то есть жалованье, иной чиновникъ - Полякъ поддѣлывается къ формѣ нашего русскаго дѣла не только не служа внутреннему, жизненному мотиву нашего русскаго дѣла, но вредя ему скрытно. Выразивъ такимъ образомъ взглядъ на вредъ большей части чиновниковъ-Поляковъ для Велико-русскихъ губерній, неимѣющихъ съ ними ничего общаго, никакой родовой связи, я считаю своею обязанностью обратить вниманіе почтеннаго земскаго собранія на огромную цифру бѣдныхъ русскихъ дворянъ, часто безъ всякихъ средствъ, хотя способныхъ и достойныхъ съ пользой служить государству. Лишенные возможности служить и жалованьемъ поддерживать себя, недостаточные русскіе дворяне часто не могутъ дать своимъ дѣтямъ образованіе дальше грамотности. А въ тоже время

мѣста заняты большею частью людьми другихъ мѣстностей, другихъ интересовъ, часто совершенно различнаго, съ нами, Русскими людьми происхожденія. *Часто мѣста получаются не по достоинству, но по проискамъ и по единомыслію высшаго, дающаго мѣсто, съ нисшимъ, получающимъ его, по единомыслію вредному чисто русскому дѣлу,* какъ напримѣръ обнаружено въ извѣстномъ дѣлѣ Огрызки. Останавливаясь на этой мысли, не могу не обратить вниманія почтеннаго собранія на то обстоятельство, *что мѣста съ высшимъ содержаніемъ по Курской губерніи, напримѣръ по акцизу, заняты большею частію Поляками.* Желательно бы видѣть на всѣхъ мѣстахъ по Курской губерніи, согласно Высочайшей волѣ, больше мѣстныхъ людей и меньше людей пришлыхъ неимѣющихъ ничего ни съ нашимъ русскимъ дѣломъ, ни съ нашимъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Представляя мое заявленіе на обсужденіе уѣзднаго собранія, льщу себя надеждой, что мои вѣрноподданническія и русскія чувства встрѣтятъ въ немъ сочувствіе и что собраніе дастъ дальнѣйшее движеніе моему заявленію." Собраніе съ сочувствіемъ и вполнѣ одобрило заявленіе Л. А. Маркова и постановило: «Войти съ представленіемъ въ Курское губернское земское собраніе, прося, если признаетъ возможнымъ, ходатайствовать расширить доступъ къ государственной службѣ по Курской губерніи лицамъ достойнымъ изъ мѣстныхъ жителей».

Приведенные нами въ этой книгѣ факты вполнѣ подтверждаютъ заявленіе почтеннаго Щигровскаго земскаго собранія: что „*Часто мѣста получаются не по достоинтву, но по проискамъ и по единомыслію высшаго, дающаго мѣсто, съ нисшимъ, получающимъ его, по единомыслію вредному чисто русскому дѣлу....*" 1). А такъ какъ Щигровское земство уже заявило: „*что мѣста съ высшимъ содержаніемъ по Курской губерніи, напримѣръ по акцизу, заняты большею частію Поляками,*" то мы съ своей стороны спѣшимъ пополнить это заявленіе о наплывѣ въ Великорусскіе губерніи чиновниковъ-Поляковъ слѣдующими двумя выписками: 1) изъ русскаго офиціяльнаго польскаго журнала „*Kuryer*

---

1) Смотри страницу 203—примѣчаніе 1.

Wilenski" отъ 8-го генваря 1863 года — и 2) изъ тогоже „Kuryer'a," преобразованнаго покойнымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ въ официяльную же газету „*Виленскій Вѣстникъ*," отъ 18-го февраля 1866 года.

Изъ нихъ въ первой корреспондентъ—Полякъ не соглашается съ достопочтеннымъ гласнымъ Щигровскаго земскаго собранія, г. Л. А. *Марковымъ*, что Курскъ „*принадлежитъ къ Великорусскимъ губерніямъ*," а считаетъ его *рубежемъ* между славянскимъ и татарскимъ народомъ:

„*Курскъ 19 Декабря 1862 года.*

„Не воображалъ когда либо отозваться въ „Курьерѣ" *съ славянскаго рубежа.*—Впрочемъ, говорится: хлопъ стрѣляетъ, а Господь Богъ пули носитъ. (chłop strzela, a Pan Bóg kule nosi). Позвольте мнѣ познакомить васъ съ любезнымъ Курскомъ и съ его 30,000 жителей . . . .
На 1,800,000 населенія, католиковъ въ цѣлой губерніи считается только 300 человѣкъ [2]) и ни одного католическаго костела . . . . .
Въ Курскѣ много польскихъ семействъ. Съ сердечною признательностію назовемъ домъ полковника Кукеля изъ Литвы.—Полковникъ долго служилъ въ Сибири и теперь управляющій акцизомъ Курской губерніи.—*Сорокъ Литвиновъ почтивыхъ обязаны ему хлѣбными мѣстами, ему подчиненными*; человѣкъ онъ разумный и легальный... Жена его искренняя литвинка, воспитанная подъ опекой и глазомъ Константина Тышкевича. . . . .
Благодаря *пану* Кукелю, мы всѣ имѣемъ здѣсь въ Курскѣ, „Tygodnik Illustrowany," „Gazeta Warszawska," и „Przegląd Europejski" . . . .

Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ" же отъ 18-го февраля 1866 г. мы читаемъ:

Въ то время, когда Варшавскіе важаки финансоваго міра такъ усердно хлопотали за границею поставить русскіе финансы въ затруднительное положеніе и уронить русскій курсъ

---

1) Это было напечатано за два дня до всеобщей рѣзни русскихъ войскъ; во время же мятежа число Поляковъ въ Курской губерніи значительно увеличилось сосланными туда за участіе въ мятежѣ.

на иностранныхъ биржахъ, внутри Имперіи замѣщеніе должностей по акцизу ловкими Поляками, вооруженными польскимъ катехизисомъ, могло имѣть *свое значеніе.* Можетъ быть, не потому ли проявились такіе примѣры, что въ Великорусскихъ губерніяхъ, подъ польскою опекою, евреи, взявшіе на откупъ старыя патріархальныя винокурни, выгоняютъ спиртъ изумительно большаго числа градусовъ, которые далеко оставляли за собою вновь возведенные заводы по всѣмъ правиламъ новѣйшихъ усовершенствованій, и конкуренцію дѣлали невозможною . . . .
Если въ Великорусскихъ губерніяхъ патріотическія чувства польскихъ ревнителей не противорѣчили ихъ заботамъ и личнымъ разсчетамъ на процентную добавку, то совершенно въ другомъ видѣ вопросъ становился въ западномъ Краѣ. . . . .
. . . .
Поляки тучею искали у Огрызки мѣстъ и назначеній, соглашаясь ѣхать, куда Огрызкѣ будетъ угодно ихъ опредѣлить; Литовскій ржондъ, при всемъ доброхотствѣ, чтобы земляки попадали *на хлѣбныя мѣста,* боялся даже, чтобы отъ слишкомъ большаго числа желающихъ выселиться изъ края, не зарѣдѣли бы ряды работниковъ *великаго будованія.*"

„Отсюда ясно обнаружится намъ (говоритъ Смитъ), какимъ образомъ Поляки судятъ и понимаютъ вещи, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружится и источникъ ихъ образа дѣйствій . . . . по этому революціи и **возстанія всегда будутъ происходить, пока Поляки останутся Поляками и пока они будутъ имѣть къ тому возможность, средства и благопріятныя обстоятельства....**"